

М. Н. БОТВИННИК
М. Б. РАБИНОВИЧ
Г. А. СТРАТАНОВСКИЙ

ЖИЗНЕ-
ОПИСАНИЯ
знаменитых
греков
и
римлян

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1988

Люди, о жизни которых рассказано в этой книге, умерли тысячелетия тому назад. Однако память о них сохраняется до сих пор. Биографии таких людей помогают ярче представить себе далекое прошлое, о котором лишь кратко повествуют страницы учебника.

Основоположителем биографического жанра в истории был греческий ученый и писатель, один из образованнейших людей своего времени, Плутарх. Он написал более 200 книг, но многие из них не дошли до нашего времени. К счастью, сохранились его «Сравнительные жизнеописания», в которых он рассказал о жизни 50 замечательных людей древности.

Каждая биография Плутарха — законченное произведение, в котором жизнь человека прослеживается от рождения до самой смерти. Плутарх назвал свой труд «Сравнительные жизнеописания» потому, что каждый очерк о жизни героя Греции он сопровождал биографией знаменитого римлянина. Сопоставляя жизнь людей Греции с жизнью живших позже и в другой обстановке римлян, Плутарх заставляет читателя задуматься над закономерностями истории, ролью выдающихся личностей в жизни народов.

Плутарх считал, что, рассказывая о жизни великого человека, вовсе не обязательно подробно описывать кровопролитные сражения, в которых тот принимал участие, проведенные им государственные преобразования. Характер человека часто проявляется в мелочах: какая-нибудь шутка, острое слово или незначительный поступок больше раскрывают характер человека, чем длинный перечень его подвигов и сочинений.

Чтение жизнеописаний исторических лиц

не только увлекательно, но и поучительно. Оно расширяет исторический кругозор, будит мысль, вызывает желание подражать героям и осуждать тех, кто сбился с правильного пути. Судьбы великих деятелей древности показывают, что ума, таланта и храбрости подчас бывает недостаточно, чтобы прожить жизнь достойно.

В основе большинства содержащихся в книге очерков лежат биографии Плутарха. Однако полный перевод Плутарха едва ли был бы понятен неподготовленному читателю. Поэтому еще более ста лет назад были сделаны первые попытки составить облегченные пересказы биографий. Но в отличие от наших предшественников мы не только сократили имена и подробности, уводящие от основной линии повествования, но, стремясь дать более полную историческую картину, добавили рассказы о событиях, взятых нами из сочинений других древних писателей.

Познакомить читателей со всеми 50 биографиями Плутарха авторы не могли. Они ограничились только биографиями людей, чья деятельность связана с наиболее важными этапами истории Древней Греции и Рима и чьи имена встречаются в школьном учебнике, знакомство с которым необходимо.

Известно, что в свои «Сравнительные жизнеописания» Плутарх не включал биографии деятелей культуры, а также некоторых видных лиц, сыгравших важную роль в истории древнего мира. Но авторы сочли необходимым познакомить читателей с жизнью основателя римской империи Октавиана Августа, а также двух великих писателей древности — Софокла и Овидия. При написании этих биографий мы старались придерживаться плана и манеры изложения, свойственных Плутарху.

Н и один из рассказов о великом спартанском законодателе Ликурге не может считаться вполне достоверным. О его происхождении, государственной деятельности и смерти существуют разноречивые известия¹.

Незадолго до правления Ликурга в Спарте начались смуты. В народе росло недовольство, богатые угнетали бедных, и часто дело доходило до открытых уличных столкновений. В одной из таких стычек убили отца Ликурга. Он был царем Спарты, и, согласно обычаю, его власть перешла к старшему сыну Полидевку, брату Ликурга. Так как Полидевк скоро тоже скончался, не оставив детей, Ликург стал единственным наследником царского престола. Однако вскоре после воцарения он узнал, что царица, жена его умершего брата, ждет ребенка. Ликург объявил, что если ребенок его брата окажется мальчиком, он передаст ему престол, а сам, пока ребенок не вырастет, будет управлять государством в качестве опекуна.

Царица родила наследника. Когда мальчика принесли к Ликургу, он положил младенца на трон и сказал: «Вот ваш царь, спартанцы! Давайте назовем его Харилаем, и пусть он правит нами на радость народу!»²

За недолгое свое правление Ликург ус-

пел заслужить любовь и уважение сограждан. Люди слушались его не только потому, что он был главой государства, но и потому, что он был мудрым и справедливым человеком. Однако у Ликурга были не только друзья, но и противники. Они всячески старались оклеветать его и распространяли слухи, что царский опекун сам стремится захватить престол.

Ликург опасался, что если что-нибудь случится с молодым царем, виновником будут считать его. Желая избежать клеветы и подозрений, Ликург покинул родину и решил не возвращаться до тех пор, пока у Харилая не родится наследник. Тогда, даже в случае смерти Харилая, Ликург не будет иметь право наследовать престол, и никому не придет в голову подозревать его в убийстве царя.

Спартанцы жалели об отъезде Ликурга и не раз просили его вернуться. Но Ликург не был уверен, что граждане дадут ему возможность провести необходимые преобразования в государстве. Поэтому, прежде чем вернуться, Ликург решил заручиться мнением Дельфийского оракула³.

Пифия встретила входящего в храм Ликурга словами:

Вижу тебя я, Ликург, пришедшего в храм
мой богатый...

Как мне тебя называть; я не знаю: хотя
схож с человеком.

¹ В настоящее время многие ученые полагают, что сведения о спартанском законодателе Ликурге настолько противоречивы, что нет основания считать его исторической личностью. Законы, якобы введенные Ликургом, на самом деле были установлены в Спарте частично в VIII, но главным образом во второй половине VII в. до н. э. Несмотря на заведомую недостоверность биографии Ликурга, она содержит ценный материал о быте и законах Спарты в эпоху наивысшего могущества и расцвета государства.

² Харилай — по-гречески «любезный народу».

³ Дельфийский оракул — общегреческое святилище, жрецы которого имели обширные связи во всех государствах Греции и часто могли поэтому давать дельные политические советы. Предсказания (оракулы) давались пифией, жрицей бога Аполлона, обычно в нарочито неясной форме и могли быть истолкованы различно; благодаря этому почти никогда нельзя было доказать, что предсказание не сбылось.

Всё же тебя назову я бессмертным скорее,
чем смертным.

Ликург попросил посоветовать ему лучшие законы. Пифия ответила, что лучше его законов не будет ни у одного государства. Это предсказание ободрило Ликурга, и он вернулся в Спарту, где правил его слабохарактерный племянник Харилай.

Прежде всего Ликург открылся своим друзьям, затем постепенно привлек на свою сторону еще многих. В подходящий момент он с 30 вооруженными друзьями из самых знатных семей занял городскую площадь. Харилай, думая, что заговор направлен против него, бежал, укрывшись в храме Афины. Однако, поняв, что ему нечего бояться, Харилай вышел из своего убежища и вместе с остальными аристократами решил участвовать в преобразованиях.

Важнейшим государственным органом по законам Ликурга стала герусия — совет старейшин (по-гречески — геронтов). Герусия решала споры и давала указания даже царям. Дело в том, что во главе Спарты издревле стояли два царя. Они происходили из двух постоянно враждовавших между собой родов — Агиадов и Еврипонтидов. Одновременно с Харилаем, происходившим из рода Еврипонтидов, в Спарте правил Архелай из рода Агиадов. Оба царя ненавидели друг друга: каждый стремился к единоличной неограниченной власти, которую в Греции называли деспотией. Эта вражда ослабляла государственный строй.

По закону Ликурга, цари сохраняли свое старое значение только на войне. В походе они по-прежнему обладали властью над жизнью и смертью граждан. В мирное время спартацкие цари входили в герусию в качестве рядовых членов. Остальные 28 членов герусии выбирались народом пожизненно из числа стариков не моложе 60 лет. Выборы назначались, когда кто-либо из геронтов умирал, и таким образом общее число членов герусии всегда составляло 30 человек, включая царей. Это число, по мнению древних, определилось тем, что имен-

но 30 аристократов вышли некогда с Ликургом на площадь. Они и стали первыми членами герусии. В течение всей истории Спарты совет старейшин сохранил свой аристократический характер. Хотя по закону любой спартаец, достигший 60 лет, мог стать геронтом, но обычно в герусию выбирали старцев из наиболее влиятельных семей.

Для того чтобы цари, геронты и народ не спорили между собой из-за власти, Ликург составил соглашение между ними — закон о разделении власти.

«Пусть,— говорилось в законе, — народ будет разделен и по месту жительства и на племена, пусть в герусию входит вместе с царями 30 человек, а народ время от времени собирается у реки Эвроты на собрания. Там пусть народу предлагают решения, которые он может принять или отклонить. У народа пусть будет высшая власть и сила».

Аристократы остались недовольны этим законом, предоставлявшим окончательное решение всех вопросов народу. После смерти Ликурга они приняли добавление к закону: «Если народ примет неправильное решение, геронты и цари могут отвергнуть его и распустить народное собрание».

С этого времени, по-видимому, окончательно установился порядок проведения народных собраний в Спарте. Площадь, где происходили собрания, отличалась простотой: не было здесь ни портика галереи для защиты от солнца, ни статуй, ни других украшений. Спартацы боялись, как бы удобство и красота не породили в ораторах многоречивость, что привело бы к долгим заседаниям. На открытой, не защищенной от ветра площади, где негде было даже присесть, собрание шло быстро. Выслушав краткую речь царя, или геронта, народ криком одобрял или отвергал внесенное предложение. Никому, кроме царей и геронтов, не разрешалось высказывать свое мнение.

Такой порядок ведения государственных дел давал возможность аристократам почти бесконтрольно решать все вопросы управ-

ления. Однако народ не желал терпеть несправедливость, и через 130 лет после правления Ликурга была учреждена должность эфоров. Правда, некоторые древнейшие писатели утверждали, что эта должность существовала еще при Ликурге. Но тогда эфоры были просто жрецами-прорицателями¹ и не играли существенной роли в управлении государством. Позднее же стали регулярно выбирать по одному эфору от каждой из пяти областей страны. В отсутствие царей они вершили суд и расправу над гражданами. В их обязанности входило проверять деятельность должностных лиц и следить, чтобы спартанские законы выполнялись. В случае нарушения карали даже царей. И действительно, контроль за поведением царей привел к тому, что они вынуждены были считаться с народом, опасаясь, чтобы их образ жизни не вызвал народного гнева.

Самым важным и смелым из преобразований Ликурга был передел земли. Все богатство в это время скопилось в руках немногих аристократов, а бедняки, потерявшие свою землю, угрожали восстать и уничтожить власть богачей. Ликург убедил сограждан отказаться от владения землей в пользу государства, с тем чтобы никто больше не мог продавать или покупать землю. Всю землю разделили на равные участки, и каждая спартанская семья получила равный надел. Этим Ликург хотел уничтожить бедность и богатство и заставить всех жить в одинаковых условиях, чтобы никто не был выше другого. Каждый участок обеспечивал семью ячменной мукой и растительным маслом, чего, по мнению Ликурга, было достаточно человеку, чтобы сохранить здоровье и не нуждаться в самом необходимом.

Чтобы окончательно уничтожить всякое неравенство, Ликург хотел переделить не только землю, но и движимое имущество.

Однако он понимал, что богачи никог-

да не согласятся на это, и решил обмануть корыстолюбивых людей. Для этого он убедил их принять такие законы, которые бы сделали богатство бесполезным грузом, так что многие сами рады были бы отказаться от своей собственности.

Прежде всего он запретил пользоваться золотой и серебряной монетой и приказал принимать только железные деньги. Чтобы сдать железо, из которого готовились новые деньги, совершенно бесполезным, Ликург приказал опускать его раскаленным в уксус. Это лишало металл твердости, делало его хрупким и совершенно негодным для каких-либо изделий.

Эти деньги были настолько громоздки и малоценны, что для того чтобы держать их дома, нужно было строить большую кладовую и перевозить деньги на телеге.

Благодаря новой монете в Спарте прекратились преступления: кто решился бы воровать, брать взятку или грабить, раз нельзя было скрыть свою добычу?

Затем Ликург запретил в Спарте все ремесла. Впрочем, даже если бы Ликург не изгонял ремесленников, они исчезли бы сами, так как вещи не находили сбыта. Железные деньги не шли в других государствах: на них ничего нельзя было купить, и приезжие ремесленники только смеялись, когда кто-либо пытался расплатиться железными деньгами. Роскошь исчезла в Спарте, и богач не имел теперь никакого преимущества перед бедным.

Третьим проведенным Ликургом преобразованием, также направленным на уничтожение стремлений граждан к накоплению богатств, было учреждение сисситий - совместных обедов свободных спартанцев. Но сиссития была не просто общим обедом, это было товарищество из 15—20 человек, называвшихся сисситами, служивших обычно в одном военном отряде и связанных тесной дружбой.

Ликург хотел, чтобы члены сисситии ста-

¹ Само слово «эфор» означает по-гречески «наблюдатель», «надзиратель». Так назывались жрецы, в обязанность которых входило наблюдать за звездами и по звездам пред-

сказывать, угодны ли богам правящие в Спарте цари. Если во время наблюдения звезда падала, это означало, что один из царей должен быть смещен.

ли друзьями и готовы были умереть друг за друга. Каждого новичка вводили в палатку, где ели сисситы и раб с чашей на голове обходил всех. Тот, к кому подходил раб, скатывал из хлеба шарик и кидал его в чашу. Никто не мог увидеть, если кто-нибудь, опуская шарик, слегка сдавливал его пальцами. Сдавленный шарик означал, что бросивший его человек не хочет принять новичка в сисситию. Этого было достаточно для отказа, так как решение о принятии должно было быть единогласным.

Нельзя было допустить, считал Ликург, чтобы хотя бы два человека в сисситии не любили друг друга. Это могло внести раскол в товарищество и привести к страшным последствиям, если сисситам придется сражаться плечом к плечу на поле боя.

Каждый сиссит должен был ежемесячно вносить в общий котел одну меру ячменя (на каждый день выходило около двух килограммов), немного сыра, фруктов, несколько кружек вина¹. Кроме того, каждый, кто приносил жертву богам, посылал в сисситию лучшую часть убитого животного. Охотники тоже приносили часть своей добычи.

Тот, кто опаздывал из-за жертвоприношения или охоты, мог обедать дома, но остальные должны были приходить к обеду вовремя. Спартанцам было запрещено приходить на сисситию сытыми. Все строго наблюдали за тем, чтобы никто не оставлял свою порцию несъеденной. Это было признаком того, что сиссит поел где-то в другом месте, то есть что он считает общий стол недостаточно хорошим для себя. Такой человек подвергался штрафу и мог быть исключен из сисситии.

Любимым кушаньем сисситов была похлебка. Она готовилась из чечевицы и бычьей крови. Особенно любили ее старики, которые даже отказывались ради нее от мяса, отдавая свою долю молодым. Тяжелые физические упражнения и скудность пищи делали для спартанцев вкусным то, что другим грекам казалось несъедобным.

На сисситии допускались дети. Считалось, что им полезно слушать разговоры и перенимать опыт старших. Кроме того, они учились высмеивать недостатки, не оскорбляя людей. Когда мальчик впервые переступал порог палатки, где обедали спартанцы, старший из сисситов говорил: «За эту дверь не должно выйти ни одно произнесенное здесь слово».

Спартанских мальчиков приучали к мысли, что обижаться на шутку глупо и недостойно спартамца. Находились все-таки люди, не переносившие шуток. Достаточно было такому человеку сказать, что смех ему неприятен, и насмешник сразу умолкал.

Вводя обязательные совместные трапезы, Ликург лишил богачей в Спарте возможности вкусно поесть — одной из главных радостей, которые может дать богатство. Именно введение сисситий больше всего восстановило богачей против Ликурга. Они до того были злы на правителя, что однажды побили его палками и выбили ему глаз. Народ, однако, заступился за реформатора и наказал богачей. Обычай обедать вместе сохранялся в Спарте в течение многих столетий.

Законы Ликурга не были записаны. По его мнению, все, что важно и необходимо для счастья государства, должно войти в обычай и образ жизни граждан с самого раннего детства. Вот почему основное внимание законодателя было обращено на воспитание детей.

Ликург считал, что заботу о детях надо начинать с заботы о матерях. Женщина должна быть здоровой и веселой. Только тогда ее дети будут крепкими и сильными. По законам Ликурга, девушки должны бегать, бороться, бросать диск, метать копье. Подобно юношам, они должны были присутствовать на праздниках, участвовать в плясках и петь в хоре. В своих песнях девушки славил сильных и храбрых и возбуждали у молодежи горячее желание отличиться.

¹ Греки разбавляли вино водой, и этот напиток служил им вместо нашего чая; греки

считали позорным пить неразбавленное вино и презирали пьяниц.

Женщины в Спарте участвовали в соревнованиях, в которых они могли показать свое мужество и приобрести славное имя. Вот как ответила спартапская царица Горго одной иностранке, когда та упрекала спартанок в том, что женщины у них распоряжаются своими мужьями: «Но ведь мы и рождаем мужей».

Оставаться холостым считалось в Спарте позорным. По приказу властей холостяки должны были зимой раздетыми обходить рыночную площадь и петь песню, в которой говорилось, что они наказаны за неповиновение обычаям. Молодые люди не оказывали холостякам тех знаков уважения, которые принято оказывать старшим. Рассказывают, что когда однажды холостой полководец вошел в палатку, один молодой воин не встал, чтобы его приветствовать. В ответ на замечание юноша сказал: «Я не обязан вытягиваться перед тобой, ведь у тебя нет сына, который будет впоследствии вставать передо мной».

В Спарте отец не имел права решать судьбу своего ребенка. Сразу после рождения сына отец приносил его в назначенное место, где заседали старейшины. Внимательно осмотрев младенца, старцы, если находили его здоровым и крепким, разрешали отцу растить ребенка и отводили новорожденному надел земли. Если же ребенок оказывался слабым, его приказывали бросить в пропасть, считая, что самому ему лучше не жить и для государства полезнее будет, когда среди граждан не станет слабых и больных.

Детей не пеленали, отучали от страха перед темнотой и одиночеством, от капризов и нытья, заставляли есть всякую пищу. Дети вырастали здоровыми, а спартапские няньки славилась по всей Греции.

Никто не имел в Спарте права воспитывать детей по своему усмотрению. Купленные или наемные педагоги не допускались к детям. В семь лет мальчиков отбирали от родителей и объединяли в небольшие отряды. Здесь их воспитывали всех вместе, приучая к суровой дисциплине. Во главе каждого отряда (который назывался аге-

лой) стоял человек, прославившийся рассудительностью и мужеством. Дети во всем брали с него пример, подчинялись ему и покорно терпели наказания. Старики наблюдали за игрой ребят и часто, нарочно ссоря их, вызывали драки, чтобы выяснить, кто из детей храбрее.

Грамоте мальчиков учили только в пределах необходимости, чтобы они умели прочитать приказ или подписать свое имя. Остальное обучение сводилось к воспитанию безоговорочного повиновения. Спартапцы должны были терпеливо переносить лишения и побеждать в битвах.

По мере того как мальчики вырастали, условия воспитания становились все более суровыми: их стригли коротко, заставляли ходить босиком и в любую погоду играть без одежды. В двенадцать лет им выдавали плащ, который они должны были носить круглый год. Горячей водой им почти не разрешалось мыться. Спали юные спартапцы все вместе на связках тростника, который приносили себе сами с берегов Эвроты, ломая его руками.

Старшие внимательно следили за развитием детей, ходили в школы, наблюдали за занятиями. За детьми здесь смотрел воспитатель — педомом, и, кроме того, они сами выбирали в каждой агеле вожака — самого сильного и умного юношу. Это мог быть только юноша, который уже более года как вышел из детского возраста. Такие юноши назывались иренами. 20-летний ирен командовал потешными сражениями, которые мальчики разыгрывали, чтобы привыкнуть к войне.

Дети сами добывали себе дрова и пропитание. Все это они вынуждены были красть. Одни отправлялись в сады, другие прокрадывались в сисситии, стараясь проявить наибольшую хитрость и осторожность. Юным спартапцам умышленно давали слишком скудное питание. Их приучали собственными силами бороться с лишениями и воспитывали из них людей ловких и хитрых. Им приходилось не только тайно воровать продукты, но иногда даже нападать на сторожей и силой

отбирать необходимое. Попадавшегося без пощады били плетью, как неловкого вора, и заставляли голодать.

Боясь наказания, мальчики старались любой ценой скрывать свои преступления. Рассказывают, что один из них украл лисенку и спрятал его у себя под плащом. Зверь распорол ему когтями и зубами живот, но, не желая выдать себя, мальчик крепился и не закричал, пока, обливаясь кровью, не упал мертвым. Этому вполне можно поверить, зная, что многие из мальчиков умирали во время бичевания на алтаре Артемиды¹.

После обеда ирен, не выходя из-за стола, проводил с мальчиками нечто вроде занятий: одним он приказывал петь, другим задавал различные вопросы. Эти беседы должны были научить детей отличать хорошее от дурного и судить о поведении людей. Ирен часто наказывал детей в присутствии стариков, чтобы те могли судить, правильны ли его приемы воспитания. Во время наказания старшие не вмешивались в распоряжения юноши, но после того как дети уходили, с него взыскивали, если он наказал строже, чем следовало, или был чересчур мягок и снисходителен.

Детей приучали выражать свои мысли коротко и точно, несколькими простыми словами². Сам Ликург выражался всегда кратко и отрывисто. Когда кто-то стал требовать, чтобы он ввел в государство демократию, он сказал: «Введи сперва демократию у себя дома».

Однажды спартанцы спросили Ликурга: «Как сделать, чтобы соседние страны не нападали на нас?» Он отвечал: «Оставайтесь бедными и не будьте ни в чем богаче соседей».

Вообще спартанцы любили короткие и остроумные ответы. Когда человек говорил умно, но некстати, ему говорили: «Ты говоришь дело, но не к делу».

Однажды в присутствии спартанского царя ругали какого-то философа за то, что на званом царском обеде он не сказал ни слова. Защищая его, царь заметил: «Кто умеет говорить, умест и выбирать для этого время».

Один человек надоед спартанскому царю вопросами, кто лучший из спартанцев. Никто не удивился когда царь ответил ему: «Тот, кто меньше всего похож на тебя».

Многие восхищались беспристрастностью устроителей Олимпийских игр при присуждении премий. «Что ж удивительного, — сказал спартанец, — если люди один день в четыре года умеют быть справедливыми».

Когда у царя Архидама спросили, много ли в Спарте войска, он сказал: «Хватит, чтобы прогнать трусов».

Из ответов спартанцев можно составить представление о тех правилах поведения, которых они придерживались. С детских лет спартанцы приучались без особой необходимости не высказывать своих суждений и говорить только то, что нужно.

Однажды спартанец прочел надгробную надпись на братской могиле. После перечня имен шли слова: «Когда они тушили пламя тирании, они пали в бою».

«Так им и надо! — неожиданно сказал спартанец. — Не следовало тушить пламя тирании. Пусть бы сгорела дотла!»

Много внимания в Спарте уделяли хорошему пению. Спартанские песни были мужественны, просты и безыскусственны, но вместе с тем серьезны и поучительны. Они прославляли павших за Спарту, порицали трусов и призывали к подвигу. Вот, например, одна из спартанских песен. Хор стариков начинал: «Когда-то мы были молодцы и храбры!» Старикам отвечал хор мужчин: «Теперь храбры мы! Попробуй, если хочешь!» Детский хор подхватывал: «А мы со временем храбрее всех вас будем!»

¹ В Спарте в течение ряда столетий сохранялся обычай при переводе мальчиков в ирены подвергать их публичному бичеванию. На алтаре богини Артемиды юноши должны были доказать свое мужество и пренебрежение к боли. Не желая обнаружить свою

слабость, некоторые умирали под бичами, но не издавали не единого звука. Недаром современное слово «лаконизм» (краткость в выражении мысли) происходит от названия области спартанцев — Лаконии.

Высоко ценилась в Спарте музыка. В бой спартанцы шли под звуки флейт. Спартанский поэт говорит: «Хорошая музыка действует на душу не меньше, чем оружие».

Когда юноши становились воинами, строгость их воспитания несколько смягчалась. Им разрешили следить за красотой платья, волос и оружия. Перед боем юноши старались особенно тщательно украсить себя: они расчесывали волосы и смазывали их маслом, помня изречение Ликурга: «Волосы красивых делают красивее, безобразных — еще безобразнее».

В походах гимнастические упражнения молодежи были не такими трудными, да и в остальном жизнь была легче. Спартанцам война казалась отдыхом по сравнению с бесконечными упражнениями мирного времени.

Когда войско выстраивалось перед битвой, царь приносил жертву богам и приказывал всем воинам надеть венки. Под звуки флейт начиналась военная песня. Величественное и торжественное зрелище представляла шеренга людей, шагавших в такт музыке. Ряды были сомкнуты, ничье сердце не замирало от страха, они шли навстречу опасности с песней, спокойно и весело. Рядом с царем шел воин, победивший на последних Олимпийских играх.

Рассказывают, что одному спартанцу предлагали большую сумму за то, чтобы он сдался и уступил своему сопернику честь победы на Олимпийских играх. Когда он не принял денег и после трудной борьбы одержал победу, его спросили: «Какая тебе польза от твоей победы, что ты ради нее отказался от возможности стать богатым человеком?» — «В сражении я пойду рядом с царем впереди войска», — гордо ответил победитель.

Обратив неприятеля в бегство, спартанцы его преследовали недолго и скоро возвращались. Им казалось низким и недостойным рубить и убивать отступавших врагов. Этот обычай был не только великодушным, но и полезным, так как неприятельское войско, зная, что убивают

лишь сопротивляющихся, часто предпочитало бежать, а не сражаться.

По замыслу Ликурга, воспитание спартанца не заканчивалось в тот момент, когда он становился взрослым. И зрелые люди должны были жить так, как предписывал обычай. Спарта была похожа на лагерь, где был установлен строго определенный образ жизни для каждого. Если спартанцам не давалось никаких других поручений, они смотрели за детьми, учили их чему-нибудь или сами учились у стариков.

У спартанцев было много свободного времени, так как заниматься ремеслами или другим полезным трудом им было строго запрещено. Беседы друг с другом, танцы, игры, охота, песни и гимнастические упражнения поглощали весь досуг спартанцев, когда они не были заняты войной.

Когда один спартанец, побывав в Афинах, узнал, что там осудили человека за праздность, он попросил показать ему осужденного за любовь к свободе. Так глубоко спартанцы презирали всякий труд, что нежелание работать они называли «любовью к свободе».

Спартанцы могли жить беззаботно, потому что землю за них обрабатывали илоты. Это были потомки поработленного спартанцами населения, оставшиеся жить на тех участках земли, которыми они владели раньше. В их обязанность входило отдавать завоевателям значительную часть урожая. Илоты и участки земли, которые те обрабатывали, были равномерно поделены между спартанцами. Каждая спартанская семья получала с принадлежавшего ей участка достаточное количество продуктов.

Так как илотов было значительно больше, чем самих спартанцев, то спартанцы постоянно опасались восстаний. Чтобы предупредить восстания илотов, и были учреждены так называемые криптии. Это дало основание обвинять Ликурга в жестокости и несправедливости. Криптия заключалась в следующем. Время от времени эфоры посылали за город юношей, вооруженных кинжалами. Днем молодые люди скрывались, а ночью выходили на дорогу и уби-

вали илотов. Чтобы придать этим гнусным убийствам вид законности, эфоры, вступая в должность, объявляли илотам войну. Иногда они направляли большие отряды юношей в деревни, чтобы внезапным нападением уничтожать самых сильных и смелых илотов.

Рассказывают, что однажды спартанцы дали двум тысячам отборных илотов свободу. Радостные, надев венки, обходили илоты храмы, чтобы принести благодарность богам за внезапное счастье. Но ночью все они исчезли, и никто не мог рассказать, каким образом они погибли¹.

Вообще спартанцы обращались с илотами крайне жестоко. Иногда они нарочно заставляли илотов пить неразбавленное вино, чтобы, доведя их до состояния опьянения, показать юношам, как ужасен порок пьянства. Илотам под угрозой страшных наказаний было запрещено петь песни свободных. Правильно заметили греки, что если свободный в Спарте наиболее свободен, то раб здесь находится в наиболее рабском состоянии.

Когда важнейшие из законов Ликурга вошли в жизнь, он созвал всех граждан на народное собрание. Законодатель сказал, что для того, чтобы сделать всех счастливыми, он должен провести еще одно, самое главное преобразование. Для этого ему надо еще раз посетить Дельфийский оракул, и поэтому Ликург попросил геронтов и всех граждан дать клятву не изменять ничего в законах до его возвращения. Все поклялись, и Ликург уехал в Дельфы. Оракул возвестил, что законы его прекрасны и что до тех пор, пока Спарта будет верна этим законам, она будет процветать и господствовать над другими государствами.

Послав это прорицание на родину, Ликург решил добровольно умереть, чтобы не дать возможности согражданам когда-нибудь изменить его законы. Ведь они обещали не проводить никаких реформ до его возвращения. Ликург был как раз в тех годах (ему было около 85 лет), когда, по

мнению древних, можно еще жить, но хорошо и умереть, особенно тому, у кого все желания уже исполнились.

Ликург считал, что смерть общественного деятеля должна быть полезна государству. Кончина должна быть достойным завершением жизни. Простившись с друзьями и сыном, Ликург отказался принимать пищу и вскоре умер от голода. Он боялся, что его останки перенесут в Спарту и граждане будут считать себя свободными от клятвы. Поэтому перед смертью он распорядился сжечь его труп и бросить пепел в море.

Надежды не обманули Ликурга. Пока Спарта придерживалась его законов, в течение нескольких столетий, она оставалась одним из самых сильных государств Греции. Только в конце V в. до н. э., когда в Спарту вместе с золотом и серебром проникли корысть и имущественное неравенство, законам Ликурга был нанесен смертельный удар.

В эпоху, когда, по преданию, жил легендарный законодатель Ликург, письменность в Греции только зарождалась и не было еще никаких исторических записей. Все, что было рассказано здесь о Ликурге, мы узнали от историков, живших на много столетий позже, главным образом от Плутарха. Греческие историки приписывали Ликургу все законы, существовавшие в Древней Спарте в эпоху ее расцвета. Но на самом деле они были приняты много позднее и, конечно, не благодаря деятельности какого-либо мудрого законодателя, а в результате борьбы бедняков за свои права. Греческие историки подчеркивали положительные стороны спартанского образа жизни, считая, что только после смерти Ликурга спартанцы перешли к паразитическому существованию, живя за счет чужого труда. На самом деле суровые законы, приписываемые Ликургу, с самого начала устанавливали для спартанцев порядки, необходимые для того, чтобы держать илотов в постоянном страхе.

¹ О таинственности, которой было окружено истребление илотов, говорит само название

этого организованного убийства: «криптия» по-гречески значит «тайная».

В те времена в Афинах торговлей с заморскими странами занимались только немногие смельчаки. На кораблях они отправлялись с афинскими товарами в дальние страны, а оттуда привозили дорого ценившийся в Афинах хлеб. Подобное путешествие было делом опасным, но зато одна удачная поездка могла сделать человека богатым.

Солон отправлялся в плавание не только ради наживы, но и для того, чтобы повидать свет, приобрести жизненный опыт и познакомиться с жизнью разных народов. К наживе ради наживы Солон не стремился. В своих стихах он писал, что одинаково богаты и те,

...у кого серебра в избылье,
Золота много, земли и плодородных
 полей,
Есть и кони и мұлы. Но счастлив и тот,
 кто имеет
Крепкие бёдра и грудь, силу и резвость
 в ногах...

Солон разбогател, но свое доброе имя и доблесть он ценил выше приобретенного богатства.

Вернувшись на родину, Солон застал в

Афинах ожесточенную борьбу различных групп населения. Простой люд не имел земли и находился в кабале у кучки знатных (эвпатридов). Народ требовал земли и свободы и боролся против власти эвпатридов. Солон стал на его сторону и вскоре приобрел уважение и любовь простых людей. Свой чудесный дар поэта Солон отдал на службу народу. Он стал сочинять стихи, которые в Афинах все знали наизусть; в них поэт внушал необходимость взаимных уступок и примирения для блага родины.

В это время Афины вели долгую и тяжелую войну за остров Саламин с соседним государством Мегарами. Остров этот закрывал путь кораблям в Афины и из Афин. Мегарцы, владевшие островом, могли легко помешать привозу хлеба в Афины (своего хлеба в Афинах не хватало), и тогда городу грозил голод. Афинянам необходимо было захватить Саламин, чтобы открыть свободный подвоз хлеба. На короткое время афинскому войску удалось овладеть островом, но внутренние волнения и борьба партий привели к тому, что удержать его не смогли.

Правившие в Афинах богатые эвпатриды имели достаточно хлеба со своих полей и не нуждались в заморской торговле. Война за Саламин не сулила им выгод, поэтому они издали закон, под страхом смерти запрещающий поднимать в народном собрании вопрос о Саламине.

Простые люди — ремесленники, матросы, торговцы, портовые рабочие стояли за продолжение войны, так как прекращение морской торговли вело к росту цен на

Семь мудрецов древности — выдающиеся ученые, мыслители и законодатели, пользовавшиеся у греков всеобщим уважением и любовью. К ним, кроме Солона, причисляли

Питтака из Митилены, Клеобула с острова Родоса, коринфского законодателя Перияндра, спартамца Хилона, знаменитого ученого Фалеса Милетского и Бианта из города Приены.

хлеб, а это означало для них разорение и нищету.

Во главе городского люда Солон боролся за возобновление войны. Чтобы обойти закон, запрещающий поднимать вопрос о Саламине, он притворился сумасшедшим.

Как-то раз афиняне увидели странного человека с маленькой шапочкой на голове¹, который вприпрыжку бежал к городскому рынку. Это был Солон. На рынке его окружила толпа зевак: слух о его помешательстве уже распространился по городу. Солон забрался на камень, с которого обычно говорили ораторы в народном собрании, но вместо речи стал читать параспев свои стихи:

На Саламин поспешите, сразимся за
остров желанный,
Этим с себя и с Афин тяжкий мы снимем
позор...

Народ откликнулся на призыв Солона и заставил отменить суровый закон, запрещавший вспоминать о Саламине. Война вскоре возобновилась. Во главе афинского войска встал Солон.

Вскоре он со всем флотом отплыл к мысу, лежащему против острова Саламин. Здесь афинские женщины справляли тогда праздник фесмофорий в честь богини Деметры². Солон приказал женщинам уйти прочь, а юношам, еще не имевшим бороды, переодеться в одежды женщин, спрятать под платьем оружие и делать вид, что они продолжают празднество. После этого Солон послал на Саламин верного человека, который должен был выдать себя за перебежчика и посоветовать мегарцам побыстрей отправить корабль на аттический берег, где они смогут захватить знатных афинских женщин.

Мегарцы поддались на обман: они выса-

дились на берегу Аттики. Афинские воины неожиданно напали на них и всех перебили. Затем афиняне поплыли на Саламин и овладели островом.

Торжество афинян было полным. Солон прославился и стал самым знаменитым человеком во всей Аттике.

Большинство жителей Аттики во времена Солона занимались сельским хозяйством. Однако уже начали развиваться и ремесла. Кроме крестьян и знати, в Афинах уже жило немало ремесленников, моряков и торговцев, а также иностранцев-метеков³. Большинство эвпатридов владели своими родовыми землями и обрабатывали их с помощью рабов и свободных крестьян. В руках крестьян были только мелкие участки земли. Лучшие земли захватили эвпатриды, а крестьяне зачастую с трудом могли прокормить свои семьи. Им приходилось просить у знати в долг семена, рабочий скот, земледельческие орудия.

Мало-помалу крестьяне попадали в долговую кабалу к богачам-эвпатридам или к городским ростовщикам. Трудясь с раннего утра до позднего вечера, крестьянин не мог избавиться от долгов, так как отдавал значительную часть своего урожая эвпатриду. В случае неуплаты в срок земля переходила к кредитору, а крестьянин вместе с семьей становился рабом.

Многие крестьяне, измученные непосильным трудом, вынуждены были бросать свои участки, продавать детей в рабство и бежать в город. Наиболее отважные поднимали восстания против эвпатридов, требовали отмены долгов и возвращения своей земли.

Народ хотел поставить во главе Афин человека, который смог бы провести необходимые реформы. Взоры всех обратились на Солона. Богатые поддерживали его как

¹ Обычно греки ходили с непокрытой головой, но больным врачи предписывали надевать шапочку.

² Деметра — богиня-покровительница земледелия. Фесмофории — пятидневный праздник в честь Деметры, справлявшийся по окончании земледельческих работ.

³ Метеки были переселенцами из городов-государств Греции. Они говорили на греческом языке, подолгу жили в Афинах. Однако они не могли занимать никаких государственных должностей и участвовать в народном собрании. Даже браки между афинянами и метеками были запрещены.

человека зажиточного и осторожного, а бедные знали, что он не принимал участия в несправедливых делах эвпатридов.

В 594 г. до н. э. Солон избрали архонтом¹, чтобы он прекратил внутренние раздоры. Солон стал посредником между борющимися партиями и получил право отменять или сохранять старые законы и вводить новые.

Обе партии предлагали Солону сделаться единоличным правителем для того, чтобы он мог действовать более решительно. Однако Солон отказался, говоря, что тирания — это такое место, на которое не так трудно забраться, как трудно его оставить; да и для государства тирания может стать злом.

Но, отказавшись от единоличной власти, Солон не проявил и излишней мягкости. Он твердо и решительно провел необходимые реформы. По его словам, старался «сочетать силу со справедливостью» и, где только можно, сохранять старые порядки и учреждения. Солон боялся крайностей и потому не хотел и не мог полностью удовлетворить требования обездоленного народа. «Если в государстве перевернуть все вверх дном, то потом не хватит сил поставить все на место», — утверждал он.

Крестьяне требовали, чтобы землю распределили всем поровну. Солон был против этого и утверждал, что нельзя

дать худым и благородным долю равную иметь...

Эвпатридов Солон призывал не быть столь жадными, напоминая, что народ не откажется от своих прав.

Прежде всего, Солон издал закон, который должен был удержать бедняков от немедленного восстания. Он отменил все долговые обязательства и запретил на будущее время обращать афинских граждан за долги в рабов. В Афинах сущест-

вовал обычай ставить на земле должников каменные столбы, на которых обозначалась сумма долга и срок его уплаты. Пока на поле стоял такой столб, крестьянин не мог распоряжаться своим урожаем. Весь собранный хлеб принадлежал кредитору. Солон приказал снять с полей все такие столбы.

Проданных за долги в рабство за границу Солон велел разыскать и выкупить за государственный счет.

Солон с гордостью писал в одном из своих стихотворений, что о пользе его деятельности свидетельствует сама земля Аттики, освобожденная им от рабства:

...Мать чёрная Земля, с которой снял
тогда
Столбов поставленных я много долго-
вых,
Рабьяня прежде, ныне же свободная.
На родину, в Афины, в богозданный град
Вернул я многих, прежде в рабство
проданных...
Иных, ещё в позорном рабстве живших
здесь
И трепетавших перед прихотью господ,
Всех я освободил...

Этот закон Солон называли «сисахфия», что значит «освобождение от бремени».

Однако бедняков не удовлетворил новый закон, они были недовольны тем, что Солон не разделил землю поровну и не установил полного равенства граждан, как это сделал в свое время в Спарте Ликург. Впрочем, афиняне продолжали верить Солону и поручили ему составить новые законы для государства.

Солон начал с отмены старинных законов Драконта, которыми за все преступления, даже самые мелкие, установлено было только одно наказание — смерть².

Затем Солон приступил к преобразованию управления государством. До этого

¹ Архонт (по-гречески — начальник) — должностное лицо в Афинах. На каждый год выбирали 9 архонтов, которые ведали всеми важнейшими делами в государстве.

² Драконт (или Дракон) — составитель пер-

вого письменного свода законов в Афинах (около 620 г. до н. э.). В современном языке драконовскими законами называют жестокие, бездушные законы.

времени власть в Афинах принадлежала эвпатридам, народ не участвовал в управлении. Все дела вершил совет знати (ареопаг), который назначал должностных лиц — архонтов. Суд также находился в руках знатных. Народное собрание не имело почти никакого значения. Солон привлек к управлению государством не только эвпатридов, но и богатых людей простого происхождения. Всех граждан он разделил на четыре разряда в зависимости от их дохода. Граждане первых трех разрядов могли занимать государственные должности и несли службу в сухопутном войске. Бедняки (феты) имели право участвовать только в народном собрании и в судах. У них не было средств на приобретение оружия, и потому в войске они составляли вспомогательные отряды или служили гребцами на кораблях.

Высшей законодательной властью в Афинах стало народное собрание. В нем могли участвовать все полноправные афинские граждане; рабы, женщины и метеки не имели никаких политических прав.

Из старых государственных учреждений Солон сохранил ареопаг, поручив ему наблюдение за выполнением законов.

Солон поощрял развитие ремесел. Для того чтобы в стране не было нищих, он издал закон, по которому сын мог не кормить престарелого отца, если тот не выучил его какому-нибудь ремеслу.

Законы Солона должны были действовать в течение 100 лет.

Половинчатость новых законов вызывала постоянное недовольство. К законодателю ежедневно приходили люди: одни просили у Солона разъяснений, другие требовали добавлений к законам и изменений.

...я словно волк вертелся среди стаи псов,— вспоминал Солон об этом времени.

Солон решил покинуть Афины на 10 лет. Он считал, что за эти годы граждане привыкнут к новым законам, и взял с них клят-

ву, что они ничего не будут менять в законах до его возвращения.

Во время своих странствий Солон побывал в Египте, на острове Кипре, а затем по просьбе лидийского царя Креза приехал в его столицу Сарды, в Малой Азии. Крез¹ считался самым богатым из царей того времени. Его дворец блистал великолепием, одежды придворных — роскошью. Каждого встреченного им во дворце придворного Солон принимал за царя. Когда же, наконец, Солона привели к самому Крезу и царь приказал открыть перед афинянином свою сокровищницу, все ожидали, что изумлению Солона не будет границ. Однако Солон остался безразличным.

«Знал ли ты кого-либо счастливей меня?» — спросил царь.

«Да, конечно,— ответил Солон.— Моего земляка Телла. Он был честным и порядочным человеком, умер, сражаясь за родину, и детей своих воспитал так, что они стали хорошими и уважаемыми гражданами».

Крез был очень удивлен, что гость предпочитает судьбу ничтожного афинянина его судьбе. Надеясь, что тот одумается, он спросил: «Кто же, по-твоему, самый счастливый человек после Телла?» Теперь уж он не сомневался, что Солон назовет его имя. Но вместо этого Солон рассказал ему о двух братьях, Клеобисе и Битоне, мать которых была жрицей богини Геры. Юноши выросли могучими богатырями и всегда побеждали во всех состязаниях.

Существовал обычай, что жрица Геры в праздник богини должна была торжественно подъехать к храму на колеснице, запряженной белыми волами. Как-то случилось, что в день праздника волов не смогли найти. Тогда юноши сами впряглись в тяжелую колесницу и привезли мать в храм. Все афиняне прославляли братьев, а мать обратилась к Гере с молитвой, прося наградить Клеобиса и Битона за их

¹ Имя Креза (царствовавшего в 560—546 гг. до н. э.) стало нарицательным. Даже в

наше время существует выражение «богат как Крез».

подвиг высшим счастьем, возможным для человека. Богиня исполнила просьбу матери. В ту же ночь, без боли и печали, они скончались во сне. Что может быть счастливее, чем умереть без страданий на вершине славы и почета?!

«А меня ты не считаешь счастливым?!» — воскликнул царь.

«Не знаю,— ответил Солон. Он не желал льстить царю, но и не хотел гнеть его. Боги наделили нас таким умом, который не позволяет предвидеть будущее. Счастливым можно назвать только того, кто, прожив жизнь до конца, не познал горя и несчастья. Считать счастливым человека, еще живущего,— все равно, что провозглашать победителем воина, еще не закончившего поединка». С этими словами Солон удалился.

В это время в городе Сардах проживал знаменитый баснописец Эзоп¹. Встретив Солона, Эзоп сказал ему: «С царями, Солон, или вовсе не следует разговаривать, или надо стараться говорить им только приятное».

«А я думаю,— ответил Солон,— с царями или не стоит совсем разговаривать, или надо говорить им чистую правду».

Солон оказался прав. Спустя некоторое время Крез потерпел поражение в войне с персидским царем Киром². Крез попал в плен, и по приказу победителя его должны были сжечь на костре. Связанного Креза возвели на костер в присутствии персидских вельмож и самого Кира. Когда языки пламени стали уже лизать сучья костра, Крез стал громко кричать: «О, Солон, Солон!..» Удивленный Кир велел погасить пламя и спросить, кто такой этот Солон, которого несчастный пленник призывает в последние минуты.

«Это — греческий мудрец,— ответил Крез.— Он предупреждал меня, что пока человек жив, его нельзя называть счастливым, так как никто не знает, что с ним

случится завтра...» И Крез рассказал Киру, что только на костре он понял, как глупо было похваться перед Солоном своим богатством, которое он тогда считал равным счастью.

Кир помиловал Креза. Так сказанные некогда мудрые слова Солона спасли жизнь лидийскому царю и отвратили персидского от ненужной жестокости.

А в Афинах в отсутствие Солона снова начались волнения.

Хотя солоновские законы еще сохранялись, но многие были недовольны своим положением и стремились к государственному перевороту. Среди них выделялся дальний родственник Солона и его соратник по войне за остров Саламин — Писистрат. Это был умный, деятельный человек, понимавший тяжелое положение народа. Писистрат обещал провести передел земли и другие реформы, которых требовали бедняки, и для этого добивался для себя неограниченной власти (тирании).

Аристократы боялись, что Писистрат, захватив власть, распределит землю поровну между всеми гражданами. Многие ненавидели Писистрата так сильно, что жизни его угрожала опасность.

И вот однажды Писистрат прибежал на площадь народного собрания, обливаясь кровью, крича, что его противники напали на него и чуть не убили. Хотя кое-кто утверждал, что никто не покушался на Писистрата, а раны он нанес себе сам, народ все же постановил дать ему телохранителей из беднейших крестьян, вооруженных простыми дубинами. С помощью этого отряда Писистрат захватил афинскую крепость (560 г. до н. э.) и стал править подобно древним царям.

Враги Писистрата вынуждены были бежать из Афин. Солон был уже старым человеком и не хотел вмешиваться в борьбу сограждан. Однако поступок Писистрата вызвал его возмущение. Несмотря на

¹ Эзоп — великий греческий баснописец (VI в. до н. э.). Многие басни Эзопа (например, «Ворона и лисица», «Лиса и виноград») пере-

сказал стихами наш баснописец И. А. Крылов. Кир захватил Лидию и всю Малую Азию в 546 г. до н. э.

свою старость, Солон пошел в народное собрание, которое, согласно обычаю, происходило на рыночной площади. Солон стыдил граждан, подчинившихся насилию, и призывал их не отказываться от древней свободы.

«Еще несколько дней назад, — говорил он, — было так легко помешать возникновению тирании. Теперь же, когда она уже выросла и окрепла, искоренить ее будет значительно труднее». Но никто не слушал Солона, все были в страхе. Многие друзья предостерегали Солона и советовали ему бежать, так как Писистрат может расправиться с ним.

«На что ты надеешься?» — спрашивали они его.

«На мою старость», — ответил Солон.

Он оказался прав. Писистрат не только не стал мстить Солону, но всячески подчеркивал свое уважение к нему. Он оставил в силе большую часть солоновских законов и сам подавал пример повиновения этим законам.

Под конец жизни Солон уже не пытался ничего изменить в ходе государственных дел. Он писал стихи, воспевая то, что приносит людям радость, — тихую и мирную жизнь, каждый возраст которой имеет свою прелесть. Жизнь человеческая, по мнению Солона, изменяется каждые семь лет. Первое семилетие завершается тем, что у ребенка происходит смена зубов, к концу второго — у мальчика появляются признаки зрелости, к концу третьего — пробивается борода, и лишь в четвертом семилетии наступают расцвет физических сил. Жениться Солон советует в пятом се-

милетии. Лучшая пора в жизни мужчины — акме — это годы от 35 до 56, то есть шестая, седьмая и восьмая семилетки.

Ум человека в шестую семилку вполне созревает

И не стремится уж он к неисполнимым делам...

...Мощен еще человек и в девятой, однако слабеет

В рвенье к великим делам разум его и язык.

Если ж достигнет еще и десятой конца семилетки,

Не преждевременной смерть будет тогда для него.

Предел возраста, устанавливаемый в стихах Солона, многим казался преувеличенным, так как продолжительность жизни в те времена была короче.

Крайний предел жития без забот, без болезней — десятков

Шесть (но не более) лет, боги, пошлите вы мне, —

писал незадолго до Солона поэт Мимнерм. Жизнелюбивый Солон возражал ему, говоря, что хочет

Восемь десятков прожить — после же смерть пусть придет.

Желание Солона исполнилось, он умер глубоким стариком.

Преобразования Солона подорвали господство родовой знати, но власть в государстве не перешла к народу. Ее захватили богатые рабовладельцы и крупные торговцы.

В эпоху греко-персидских войн выдвинулось целое поколение бесстрашных борцов за родину. История сохранила нам мало сведений о жизни и подвигах этих героев. Но деятельность наиболее выдающихся вождей народа осталась в памяти последующих поколений. Особенно интересна жизнь вождей афинских демократов Фемистокла.

Фемистокл родился около 525 г. до н. э. и принадлежал к старинному аристократическому роду Ликомидов. Мать его была иностранкой, поэтому некоторые не признавали маленького Фемистокла полноправным афинянином и относились к нему с презрением¹.

Такое отношение развило в мальчике болезненное самолюбие.

Он во всем — в играх, в гимнастических упражнениях, в учении — всегда стремился быть первым, мечтал прославиться, чтобы блеск подвигов заставил всех забыть о его происхождении. В свободные часы мальчик не бездельничал, как другие, а придумывал речи, которые собирался произнести в народном собрании, когда станет взрослым. Он знал, что в Афинах выдвигнуться может только тот, кто своими выступлениями сумеет увлечь народ. Умом, сообразительностью, остроумием Фемистокл превосходил своих сверстников. Видя это, учитель предсказал ему: «Из тебя, мальчик, выйдет выдающийся человек. Только хороший или дурной — я не знаю. Во всяком случае, ничтожеством ты не будешь!»

Современники впоследствии не раз вспоминали эти слова.

В ранней молодости Фемистокл был

несдержан и часто совершал дурные поступки. Презрение знатных афинян бесило его, и он старался выделяться чем угодно, хотя бы дерзостью и необузданностью.

Став выдающимся государственным деятелем, Фемистокл, вспоминая о своем детстве, говорил: «Из необузданных жеребят вырастают прекрасные лошади: нужно только их правильно воспитать и выездить».

Жажда славы заглушила в Фемистокле дурные страсти, и он начал часто выступать в суде и в народном собрании. Стройный молодой человек, с резкими чертами лица, с ясной и убедительной речью скоро обратил на себя внимание. Фемистокл предлагал провести коренные преобразования в армии и государстве, что привлекло к нему симпатии бедных слоев народа.

Это было тяжелое время для Афин. Могущественная Персидская держава по-прежнему угрожала независимому существованию маленьких, разобщенных государств Эллады. Персидским царям для укрепления их власти были необходимы все новые завоевания. Неудачи первых походов на Грецию не остановили их.

Аристократы, стоявшие в это время у власти в Афинах, считали сопротивление могущественной Персидской державе безнадёжным делом. Они не видели и не хотели видеть угрожавшей родине опасности. Эти люди понимали, что подготовка к войне потребует включения в армию афинских бедняков, а это означало бы, что бедноте придется предоставить большие права в управлении государством.

Фемистокл считал, что война с Персией неизбежна и к ней надо готовиться. Зная,

¹ Дети, у которых мать была иностранкой, считались в Афинах незаконнорожденными.

Позднее, при Перикле, у них было отнято даже право гражданства.

что на суше персы во много раз сильнее греков, он видел единственный путь к спасению в создании сильного флота. Большинство афинян также понимали необходимость строительства могучего военного флота.

Однако для постройки кораблей требовались большие средства. Их у государства тогда не было. Фемистокл предложил употребить на постройку флота весь доход, полученный от Лаврийских рудников. Когда-то серебряные Лаврийские рудники принадлежали афинским тиранам. После падения тирании рудники стали достоянием народа. Ежегодно доход от продаваемого серебра делился между всеми гражданами.

Угроза неминуемой войны заставила народное собрание принять предложение Фемистокла. Ежегодно афиняне стали строить по 20 боевых кораблей — триер¹. Вскоре Афины сделали самой могучей морской державой в Элладе. Афинская беднота, ранее не допускавшаяся к военной службе, стала служить на кораблях матросами. Они стали полноправными гражданами, и их значение в государстве возросло.

Это вызвало недовольство афинских аристократов, которые продолжали нападать на вождя демократии Фемистокла. Одни говорили, что Фемистокл превратил стойких воинов-афинян в несчастных корабельщиков, которые подобно рабам прикованы к веслам, другие упрекали его в растрате народных средств. Однако происки аристократии потерпели неудачу. Народ верил Фемистоклу, и вожди аристократов один за другим были изгнаны из Афин остракизмом. Среди них подвергся остракизму и Аристид, личный враг и соперник Фемистокла, считавший его политикой опасной для государства².

Фемистокл хотел объединить все грече-

ские государства для борьбы с персами. Он призывал греков забыть взаимные распри и подняться на защиту отечества. На Коринфском перешейке состоялось собрание представителей греческих государств. Было решено, что сухопутные силы греков возглавят спартанцы, которых считали самыми опытными воинами. Несмотря на то, что афиняне выставили больше военных кораблей, чем все остальные государства, командование флотом тоже было вручено спартанцу. Фемистокл считал, что не стоит спорить перед лицом врага: «В момент опасности единство настолько лучше внутренних раздоров, насколько мир лучше войны».

Не все греческие государства приняли участие в союзе против персов. Ближайшие соседи и исконные враги Афин и Спарты — Беотия и Аргос не вошли в союз, а Фессалия, когда началась война, даже перешла на сторону персов.

Между тем Персия закончила приготовления к вторжению в Европу. Бесчисленные племена и народы, подвластные персам, выставили отборные отряды в армию царя Ксеркса. По плану персов, их войско должно было одновременно напасть на Элладу с моря и с суши. Греки свидетельствовали, что персы располагали более чем миллионной армией пехотинцев и 80 тысячами всадников. Вернее всего, что греки преувеличивали силы противника, но все же войско Ксеркса было огромным и во много раз превосходило армию греков. Персидские полчища не могла бы прокормить и вся Греция. Ксерксу пришлось заранее устроить вдоль всего пути склады продовольствия. Пополнять их должны были корабли, перевозившие продукты и корм для лошадей. Зависимые от персидского царя финикийцы и сирийцы по его приказу построили более тысячи транспортных и военных кораблей.

Триерой называли корабль с тремя рядами весел.

Остракизм — от греческого слова «остракос» — черепок, на котором выцарапывали чье-либо имя. Слово «остракизм» означает «голосование черепками». Тот, кто получал

большинство голосов, должен был уйти на 10 лет в изгнание. В переносном смысле остракизм стал означать изгнание. Сообщая о своей высылке из Петербурга, А. С. Пушкин писал: «Меня постигнул остракизм». Об Аристиде и остракизме см. биографию Аристида.

Перед началом похода Ксеркс отправил в Грецию послов с требованием дать ему «землю и воду», то есть полностью покориться. Многие государства подчинились персам, прежде всего те, где у власти стояла аристократия. Афины, Спарта и их союзники решили сопротивляться захватчикам.

Для переправы сухопутной армии из Азии в Европу Ксеркс приказал построить мост через Геллеспонт (Дарданеллы). Однако внезапная буря разрушила мост. Разъяренный царь велел казнить строителей, а море высечь цепями.

Мост был возведен снова, и в течение семи дней персидская армия непрерывным потоком переправлялась на европейский берег. Одновременно персидские корабли плыли вдоль северного берега Эгейского моря, приближаясь к берегам Фессалии, которая открыто перешла на сторону Персии.

Ужас объял греков. Население некоторых городов бежало при приближении врагов.

Греческое войско заняло проход в горах, отделяющих Грецию от Македонии. Однако эту позицию было бесполезно защищать, так как Фессалия перешла на сторону персов. Тогда греки отступили на юг, заняли Фермопильский проход, отделяющий Фессалию от Средней Греции. Отряд в несколько тысяч греков под командованием спартанского царя Леонида занял высоты, господствующие над узким горным проходом, и в течение нескольких дней успешно отражал напор главных сил персов. Воспользовавшись услугами греческого перебежчика, персы по скрытой узкой горной тропинке обошли Фермопилы с тыла. Царь Леонид, осознав безнадежность положения, отпустил всех союзников. Сам же с тремястами спартанцев, прикрывая отступление, решил погибнуть, но не отступить. Героически сражаясь, все спартанцы во главе с царем Леонидом пали в битве.

Пока Леонид и его соплеменники героически защищали Фермопильский проход, афинский флот под командованием Фе-

мистокла стоял у северной оконечности острова Эвбея, чтобы не дать возможности персам высадиться в тылу у спартанцев. Когда пришло известие о гибели защитников Фермопил, оставаться в Эвбейском проливе уже не имело смысла, и флот отплыл к югу, чтобы оборонять побережье Аттики. Плыя вдоль Эвбеи, Фемистокл рассматривал удобные для высадки бухты и там на скалах высекал четкие надписи, обращенные к морякам вражеского флота. На персидских кораблях почти не было персов, на них служили главным образом ионийцы — жители греческих городов Малой Азии, давно покоренных Персией.

«Ионийцы! — писал Фемистокл. — Вы — такие же греки, как и мы. Война идет не только за нашу свободу, но и за ваше освобождение. Переходите на нашу сторону, а если это невозможно, — вредите варварам, внося расстройство в их ряды!»

Фемистокл рассчитывал, что если эти надписи не побудят ионийцев к переходу на их сторону, то во всяком случае встретят персов и внесут распри в многоплеменное персидское войско.

Тем временем армия Ксеркса, пройдя Фермопилы, медленно приближалась к пределам Аттики, опустошая все на своем пути. Ближайшим рубежом, удобным для обороны, был узкий Коринфский перешеек, и греки стали поспешно строить на нем стену от моря и до моря. Афины, находившиеся севернее этой стены, были обречены. Единственное, что оставалось афинянам, — это вовремя уйти из города, посадив женщин, стариков и детей на корабли, чтобы они могли переправиться на острова и в Пелопоннес. Однако большинство об этом не хотели и слышать. Покинуть привычные жилища, храмы богов и могилы предков казалось им страшнее смерти.

Чтобы повлиять на упрямых афинян и заставить их принять спасительное решение, Фемистокл использовал суеверие народа.

В храме на Акрополе жила священная змея, которая почиталась как воплощение богини Афины. Внезапно змея исчезла. По

наушению Фемистокла жрецы объявили народу, что богиня решила покннуть город, уползла на остров Саламин и призывает народ следовать за нею.

В те же дни стало известно предсказание Дельфийского оракула, возвестившего, что от нашествия персов «погибнет все и только деревянные стены могут защитить афинян и их детей».

Старики, не желавшие покидать родной город, обрадовались предсказанию и стали строить вокруг Акрополя деревянный забор...

Фемистокл истолковал слова оракула иначе: «Деревянные стены,— говорил он,— это корабли, борта которых спасут афинян».

Фемистоклу удалось убедить народ. Жители стали покидать город. Женщины и детей отправляли на противоположный берег залива в Пелопоннес и на острова Саламин и Эгину. Мужчины садились на военные корабли, готовясь дать персам решающий морской бой. Многие плакали, покидая родные места, но жители готовы были пожертвовать всем, лишь бы сохранить свою свободу. Домашние животные, которым не было места на кораблях, провожали своих кормильцев голодным ревом и воем. Навсегда осталась в памяти афинян собака, принадлежавшая отцу знаменитого Перикла. Преданный пес, не в силах перенести разлуки с хозяином, бросился в море и поплыл за триерой. Ему удалось доплыть до острова Саламина, но, выбравшись на берег, собака упала мертвой. На этом месте ей воздвигли памятник, который можно было видеть столетия спустя.

Вскоре персы, опустошив Аттику, захватили и сожгли Афины. Погибли и те старцы, которые надеялись на «деревянные стены».

Персидские полчища подошли к узкому Коринфскому перешейку, прорваться через который они не могли. Существовала опасность, что персы высадятся с кораблей на Пелопоннес в тылу защитников перешейка. Это была бы прямая угроза Спарте. Понятно, что командовавший объединенными греческими силами спартанский полково-

дец Эврибиад приказал афинским кораблям отойти к берегам Пелопоннеса и курсировать там, не допуская высадки персидского десанта.

На военном совете Фемистокл воспротивился этому: «Нельзя афинским кораблям отходить от берегов Саламина. Ведь тогда наши семьи попадут в руки персов».

Эврибиад понял слова Фемистокла как желание воспротивиться его приказу. Чтобы заставить афинского полководца подчиниться, он замахнулся на него палкой. «Побей, но выслушай! — закричал Фемистокл. — Ведь Саламинский пролив единственное место, где мы можем одержать победу. Большие, громоздкие корабли персов не смогут здесь маневрировать, будут мешать друг другу. Мы знаем здесь каждый подводный камень, и наши легкие триеры приспособлены как раз для этих мест».

Слова Фемистокла не убедили спартанца. Он приказал капитанам кораблей на следующий день готовиться к отплытию к берегам Пелопоннеса.

Фемистокл решил во что бы то ни стало помешать этому приказу.

Среди его рабов был преданный ему перс по имени Сикини, воспитатель его детей. Фемистокл послал этого раба к персидскому царю и велел передать: «Фемистокл считает дело греков проигранным и переходит на сторону персов. В доказательство своих слов он сообщает царю план греков: Эврибиад замыслил завтра вывести свои корабли из узкого Саламинского пролива, чтобы уберечь их от персов. Царю следует запретить оба выхода из пролива и не дать грекам уйти».

Царь Ксеркс с радостью поверил сообщению Фемистокла и тотчас отдал приказ своим кораблям закрыть выходы из пролива. Положение афинян стало критическим. Однако никто не дрогнул: все ждали решающей битвы, понимая, что от этого зависит дальнейшая судьба их жен и детей. Даже изгнанники, получившие в это трудное для страны время прощение и право вернуться, спешили к афинским кораблям, чтобы принять участие в общей борьбе.

Среди них был и давшишний противник Фемистокла Аристид. Тайно пробираясь в лагерь эллинов, он увидел, что греческий флот окружен персидскими кораблями. Добравшись до афинян, Аристид вызвал Фемистокла и сообщил ему об этом.

Фемистокл знал благородную душу Аристида, хотя и не любил его. Он открылся Аристиду, рассказав ему, как послал Сикинпа к царю персов и обманул его. Зная, как уважают Аристида спартанцы и другие союзники, Фемистокл просил его ободрить капитанов союзных кораблей, чтобы они не боялись принять бой в проливе. Аристид одобрил план Фемистокла и выполнил его просьбу.

Наступило утро Саламинской битвы (480 г. до н. э.). Стояла ясная погода. Эллинам был виден персидский флот, расположившийся в боевом порядке. Вражеские корабли закрыли оба выхода из пролива. Все поняли, что битва неизбежна.

На аттическом берегу, на высоком холме, с которого был хорошо виден весь Саламинский пролив, был поставлен золотой трон, на котором сидел Ксеркс. Вокруг него стояли придворные и писцы, которые должны были описать великую победу персов.

А в это время в лагере греков Фемистокл приносил жертвы богам. Неожиданно к алтарю подвели трех пленников — красивый и богато одетых юношей. Это были племянники Ксеркса, захваченные накануне. При приближении пленников огонь на жертвеннике вспыхнул особенно ярко, что считалось добрым предзнаменованием. Жрец подошел к Фемистоклу, вложил ему в руку жертвенный нож и повелел заколоть всех троих персов в честь бога Диониса-Сыроядца, которому в глубочайшей древности приносили в жертву не только животных, но и людей. Те времена давно прошли, и греки забыли об этом кровавом обычае. Но сусерные воины потеряли разум в столь трудный день, когда над всеми нависла страшная опасность.

Фемистокл пришел в ужас. Но воины заставили его исполнить приказ жреца и совершить ужасное жертвоприношение. Греческий

историк, рассказавший об этом, пишет, что греки и сам Фемистокл впоследствии стыдились этого поступка. Но тогда взволнованная толпа надеялась скорее на вмешательство свирепого бога, чем на хорошо продуманный план битвы.

По свидетельству участвовавшего в сражении знаменитого поэта Эсхила, флот персов насчитывал около 1000 больших кораблей, из них 207 быстроходных. У афинян было всего 180 быстроходных кораблей, на которых, кроме гребцов, находилось более трех тысяч воинов. Кроме того, в греческий флот входило около двухсот кораблей союзников. Взоры всех эллинов были устремлены на корабль Фемистокла в ожидании сигнала к битве. Афинский военачальник медлил. Наконец с моря подул свежий утренний ветер. Этот ветер раскачал тяжелые персидские корабли и стал поворачивать их бортами к афинским триерам, подставляя незащищенные борта под удары медных посков эллинских судов. Фемистокл понял, что час настал. По его сигналу легкие греческие корабли устремились на врага.

Афинянин Ликомед первым овладел вражеским кораблем, а затем и другие эллины захватили и потопили много персидских судов. Персы сражались храбро, но их огромные неповоротливые корабли не могли развернуться в узком проливе и постоянно наталкивались друг на друга. Битва продолжалась до вечера, когда всем стало ясно, что персидский флот потерпел поражение. Саламинская победа, самая славная в истории морских битв эллинов, была достигнута благодаря разуму и таланту Фемистокла, а также мужеству и общему воодушевлению сражавшихся греков.

После Саламина Ксеркс заколебался: он не мог решить, оставаться ли ему в завоеванной Аттике, или же уйти. Чтобы ускорить отступление персов, Фемистокл придумал новую хитрость. Он отправил к царю своего персидского раба, чтобы предупредить Ксеркса, что эллины хотят послать корабли к Геллеспонту разрушить мост, соединяющий Европу с Азией. Фе-

мистокл, якобы друг царя, советует ему, пока персы еще господствуют на море, поспешить вернуться в Азию. Он же, Фемистокл, тем временем будет препятствовать союзникам и задерживать преследование.

Совет Фемистокла ускорил решение Ксеркса, тем более что неплодородная почва Греции не могла прокормить огромную персидскую армию. С большей частью своих войск Ксеркс поспешил к проливу Геллеспонт, оставив в Аттике только небольшую армию под командой Мардония. Военные способности Фемистокла проявились в борьбе и с этим полководцем, которого весной следующего года он вместе с Аристидом разбил при Платеях у северной границы Аттики. Остатки персидского войска вынуждены были покинуть Элладу.

После победы стратеги всех государств собрались на Коринфском перешейке в храме бога Посейдона, чтобы решить, кому из них Эллада обязана своим спасением. Вышло так, что на первое место каждый ставил себя, при этом признавая, что вслед за ним награды должен быть удостоен Фемистокл. В результате голосования высшую награду присудили Фемистоклу. С этим согласились даже спартанцы, хотя они и не любили афинян.

Спартанцы пригласили Фемистокла в гости, увенчали его оливковым венком за мудрость, подарили ему лучшую колесницу, а когда он уезжал, до самой границы его провожал почетный отряд из 300 знатных юношей: почесть, которой Спарта не удостоивала ни одного чужеземца.

Во всех государствах славили Фемистокла. Когда наступили очередные Олимпийские игры и Фемистокл появился на стадионе, зрители, позабыв о состязаниях, стали ему рукоплескать.

Фемистокл стал считать себя величайшим из людей. Он жаловался, что в родных Афинах его недостаточно ценят. «Вы поступаете со мной, — говорил он соотечественникам, — как с могучим дубом: во время бури сбегаетесь под его защиту, а в хорошую погоду ломаете на нем ветви».

Слава настолько вскружила Фемистоклу голову, что он вообразил себя хозяином Афии и всей Эллады. Шутя, он говорил, что его маленький сынишка самый сильный человек во всей Элладе, так как эллипами командуют афиняне, афинянами — он сам, им же распоряжается жена, а женой — сын...

Одним из первых Фемистокл понял, что после изгнания персов главным соперником Афии стала Спарта. В случае возможного столкновения Афины оказывались беззащитными, так как персы разрушили городские стены. Спарта под разными предлогами запрещала афинянам восстанавливать укрепления. Фемистокл пошел на хитрость. Он начал строительство стен и одновременно пригласил спартанских наблюдателей прибыть в Афины и убедиться своими глазами, что стены не строятся. Когда те прибыли, Фемистокл арестовал их и продолжал возводить стены. Стены были восстановлены, и Фемистокл сам отправился в Спарту для переговоров. Он не боялся за свою жизнь, так как спартанские наблюдатели оставались в Афинах заложниками. Как ни сердились спартанцы, они вынуждены были примириться с постройкой стен.

Фемистокл продолжал укреплять морскую мощь Афин. Он построил и укрепил афинскую морскую гавань Пирей и спустил на воду много кораблей. По его совету союз греческих государств был расширен. Много новых городов-государств вступили в союз, признали главенство Афии и внесли деньги на строительство новых кораблей.

С островными государствами Фемистокл обращался повелительно и гордо. Он требовал от них безоговорочного подчинения Афинам.

Постепенно популярность Фемистокла среди афинян падала. Народ боялся, что политика Фемистокла вовлечет Афины в опасную войну со Спартой. Кроме того, характер Фемистокла был несомненно: у него не доставало чувства меры и справедливости, и часто, вопреки закону, он прибегал к насилию. Симпатии афинян перешли к Аристиду, старому противнику

Фемистокла. Спарта видела в Фемистокле своего величайшего врага и не жалела денег, чтобы подорвать его влияние.

В 471 г. до н. э. Фемистокл был изгнан из Афин ostracismом. Он отправился в Аргос, государство, которое было враждебно Спарте. Фемистокл рассчитывал сблизить Аргос с Афинами и создать сильный антиспартанский союз. Однако спартапцы приняли меры, чтобы обезопасить себя от этого неугомонного человека. Во время войны с персами спартанским войском командовал родственник царя Павсаний — сторонник отмены жестоких спартанских порядков. Павсаний даже вступил в переговоры с персами, надеясь, что те помогут ему совершить переворот в Спарте. За изменнические сношения с персидским царем Павсания казнили. Неожиданно спартанские правители обвинили Фемистокла, что он вместе с Павсанием вел переговоры с персами. Фемистокл защищался против этого обвинения письменно. Но его враги потребовали, чтобы он явился и предстал перед общэллиническим судом в Спарте. Фемистокл не явился, понимая, что он не уйдет оттуда живым, и был заочно обвинен в государственной измене.

Таким образом и Афины, и Спарта преследовали спасителя Греции как предателя.

Оставаться в Аргосе было нельзя, и Фемистокл бежит на север, на остров Керкиру, но маленькое государство побоялось предоставить ему убежище. Фемистокл переправился на материк к эпирскому царю Адмету. Схватив на руки маленького сына Адмета, Фемистокл сел с ним у очага эпирского царя, прося о покровительстве. По древнему обычаю, такому просителю нельзя было отказать. Некоторое время Фемистокл жил в Эпире и даже тайно вызвал туда из Афин свою семью. Когда его местопребывание было открыто, Афины потребовали его выдачи. Горными тропами Фемистокл с семьей перешел в Македонию, где сел на корабль, плывущий в Азию. Это был со стороны Фемистокла отчаянный шаг, так как за его голову персидский царь назна-

чил огромное вознаграждение — 200 талантов. Великий царь считал, что никто из греков не причинил персам так много вреда, как Фемистокл.

Всадившись в Малой Азии, Фемистокл некоторое время скрывался от людей, но долго так продолжаться не могло. Он решил отправиться в столицу к самому персидскому царю. В это время Ксеркс уже умер, и правил его сын Артаксеркс. Через знакомого знатного перса Фемистокл передал царю письмо.

«Я,— писал он,— тот самый Фемистокл, который больше всех эллинов принес вреда персам. Я сделал это потому, что мне пришлось обороняться от нападения твоего отца. Но когда опасность для Греции миновала, я послал предупреждение царю Ксерксу и посоветовал ему скорее уйти из Европы. Этим я приобрел право на благодарность. Я и теперь в состоянии оказать тебе большие услуги. Через год я тебе это докажу».

Царь обрадовался и предоставил Фемистоклу действовать как он желает. Фемистокл использовал год, чтобы как можно лучше изучить персидский язык и обычаи. Когда же спустя год он явился к царю, то занял при его дворе такое положение, какого не занимал никогда ни один из эллинов. Царь дал Фемистоклу в управление пять греческих городов на побережье Малой Азии. Эти города должны были обеспечить Фемистоклу безбедное существование. Царь так и сказал, что один из городов он даст ему на хлеб, другой, знаменитый своими виноградниками,— на вино, третий — «на приправы», а два города должны были дать средства на одежду ему, его семье и свите. Фемистокл спокойно жил, пользуясь богатými доходами со своих владений.

Артаксеркс, как никого из иноземцев, любил Фемистокла. Тот участвовал в охотах царя, в его домашних развлечениях, что вызывало зависть остальных придворных.

Фемистокл много разъезжал по Персии, знакомясь со страной и ее населением. Но вскоре его поездки стали небезопасными.

Он узнал, что враждебно настроенные к нему персидские вельможи хотят его убить. После этого Фемистокл поселился в одном из городов, пожалованных ему царем, и стал жить там безвыездно.

Прошло несколько лет. Царь не напоминал Фемистоклу об его обещаниях оказать персам большие услуги.

Только в 464 г. до н. э., когда пришла весть о восстании Египта — одной из сатрапий персидской державы, а также о том, что египтянам помогают афиняне, Артаксеркс вспомнил обещание Фемистокла и потребовал, чтобы тот выступил вместе с ним в поход на Грецию.

Фемистокл не пожелал пойти против своей родины. Он собрал друзей и, совершив жертвоприношение богам, принял яд. Говорят, что ему было тогда 65 лет. Впрочем, были историки, которые утверждали, что Фемистокл умер от болезни, избавившей его от выполнения обязательства, которое шло вразрез с его желаниями.

Узнав о самоубийстве Фемистокла, царь почувствовал еще большее уважение к че-

ловеку, который не захотел запятнать свою славу борца за свободу Эллады. Он не стал преследовать его семью (у Фемистокла было 10 детей) и оставил им имущество отца.

Великолепную гробницу Фемистокла еще столетия спустя показывали на центральной площади города Магнесии — одного из городов, которыми он правил. Однако ходил слух, будто друзья перенесли его кости на родину и похоронили возле созданной им морской гавани Афин — Пирея. Сделали они это тайно, так как обвинение в измене не было снято с Фемистокла.

Великий греческий историк Фукидид, живший несколькими десятилетиями позже, писал: «Фемистокл обладал исключительной способностью предвидеть события даже отдаленного будущего. За что бы он ни брался, у него всегда находились нужные слова, чтобы объяснить свои действия и убедить всех в своей правоте. Короче говоря, это был человек, которому его гений и быстрота мысли сразу подсказывали наилучший образ действий».

Аристид происходил из обедневшего аристократического рода. Он был соперником Фемистокла, и говорят, что их соперничество началось еще в детстве. Фемистокл вырос плутоватым, решительным и очень умным. Аристид же отличался благоразумием, постоянством характера, честностью и справедливостью.

Когда Аристид и Фемистокл выросли, они стали участвовать в общественной жизни Афин. В это время Афинам угрожала серьезная опасность со стороны огромной Персидской державы. Персы захватили греческие города на побережье Малой Азии и приближались к Балканскому полуострову. Материковая Греция была расчленена на множество враждующих между собой государств. Некоторые из них готовы были добровольно подчиниться Персии.

В Афинах в эти годы разгорелась острая политическая борьба. Аристид был сторонником установленных издревле порядков. Образцом для себя он избрал спартанца Ликурга, которого считал лучшим политическим деятелем, достойным подражания. Все это заставило его примкнуть к афинским аристократам. Фемистокл же примкнул к демократической партии.

Как и в детстве, Аристид был необычайно честен и справедлив. Его верность своим убеждениям производила сильное впечатление на современников, и его прозвали Справедливым. Аристид считал, что во всех нововведениях нужно соблюдать осторожность и не нарушать старинных установлений. В этом он был непримиримым противником Фемистокла, призывавшего народ к серьезным переменам. Аристид опасался, что, придя к власти, Фе-

мистокл коренным образом изменит установившиеся веками порядки. Поэтому он всегда выступал против Фемистокла, стремясь подорвать его влияние.

Однажды, выступая против одного из предложений Фемистокла, Аристид добился победы. Предложение было отклонено. Но успех не обрадовал Аристид. В душе он понимал, что предложение Фемистокла было полезным и что соперничество завлекло его слишком далеко. Покидая народное собрание, Аристид с горечью заметил, что их борьба приносит отечеству не пользу, а вред и что государственные дела только выиграют, если и его, и Фемистокла сбросят в пропасть. Справедливость Аристид побуждала его беспристрастно оценивать не только других, но и самого себя. Как-то, когда его предложение встретило серьезные возражения и должно было быть поставлено на голосование, Аристид сам снял его, поняв его бесполезность.

Эти качества Аристид обеспечили ему безусловное доверие сограждан. В спорах между собой афиняне больше доверяли решениям Аристид, чем приговорам судей, назначенных государством. Как-то Аристид разбирал спор между двумя гражданами. Один из них, желая привлечь его на свою сторону, напомнил, что его противник в свое время причинил много неприятностей Аристиду. «Почтеннейший, — спокойно заметил Аристид, — ты лучше говори, чем он обидел тебя. Ведь его судят именно за это».

В другой раз Аристид сам обратился в суд с жалобой на своего врага. После речи Аристид судьи, уверенные в его честности, не хотели даже выслушать обвиняемого. Тогда Аристид вскочил с места, возмущенно требуя дать возможность высказаться своему противнику.

В это время персидский царь Дарий начал новый поход против греков (490 г. до н. э.). Согласно обычаю, командование афинским войском поручили 10 стратегам. Каждый из них по очереди на один день брал на себя верховное руководство. Одним из стратегов назначили Аристиду. Когда руководство перешло к нему, он уступил его Мильтиаду, как самому опытному и способному военачальнику. Аристид понимал, что ведение войны требует единоначалия, и убедил всех стратегов последовать его примеру.

Хорошо знавший как сильные, так и слабые стороны персидского войска, Мильтиад был убежден, что с персами можно бороться и добиться победы. Не следует только ждать, пока враги подойдут к стенам Афин, а немедленно идти на них и преградить им путь. Мильтиад двинул войско навстречу врагу и расположил его на узкой равнине у подножья гор близ селения Маратон. Когда с моря высадились персы, афиняне первыми атаковали врага. В ожесточенной битве мужественно, забыв о своей вражде, сражались плечом к плечу Фемистокл и Аристид.

Наступление афинян было стремительным. Не успели персы высадить с кораблей свою конницу, как их пехота уже была сброшена в море. Греки использовали преимущества своего вооружения, свой боевой опыт и умение сражаться в тесно сомкнутом строю. Обратив врагов в бегство и заставив их сесть на корабли, афиняне увидели, что персы плывут не на восток, а к Афинам. Опасаясь, что персы захватят город, в котором почти не осталось защитников, Мильтиад отправил большую часть войска быстрым маршем к

Афинам. В Маратоне для охраны пленников и захваченной добычи остался только Аристид с небольшим отрядом воинов. Но Аристиду и в голову не пришло взять что-нибудь из этих богатств. Не позволил он этого и никому другому.

Спустя год после сражения при Маратоне Аристид занял должность первого архонта¹. Но прошло несколько лет, и прославленного Аристиду изгнали из Афин остракизмом. Рассказывают, что причиной изгнания явился распространившийся в народе слух, будто Аристид, разбирая сам судебные дела, хочет подорвать значение народного суда и захватить единоличную власть².

Остракизм не был наказанием за преступление. Человека изгоняли из Афин только за то, что его влияние становилось опасным для демократии и возникало опасение, что он может попытаться захватить власть. Остракизм происходил так. Гражданин нацарапывал на глиняном черепке (остраконе) имя человека, которого считал опасным для государственного строя. Черепки затем собирались и подсчитывались. Если общее число поданных черепков составляло менее шести тысяч, то остракизм считался несостоявшимся. Если же было подано более 6 тысяч, то черепки с одним и тем же именем складывались в отдельные кучки. Тот, чье имя упоминалось на наибольшем числе черепков, объявлялся изгнанным на 10 лет. Однако изгнанный продолжал владеть своим имуществом и по прошествии 10-летнего срока мог вернуться в Афины и снова заняться политической деятельностью. Рассказывают, что один неграмотный крестьянин обратился к незнакомому горожанину с просьбой написать на черепке имя Аристиды.

¹ В VIII—VI вв. до н. э. в Афинах во главе государства стояли 9 архонтов (начальников). Впоследствии архонты утратили руководящую роль в государстве, но сохранили большое значение в общественной жизни.

² По-видимому, истинная причина изгнания Аристиды была более серьезной. В это время разгорелась борьба между аристокра-

тами и демократами. Партия Фемистокла, представлявшая интересы горожан, стояла за расширение морской торговли. Это требовало увеличения военного флота и приводило к тому, что беднейшее население — «корабельный люд» — стало широко привлекаться к военной службе и его влияние росло. Аристид выступал против этого, его партия потерпела поражение, и он был изгнан

«Что плохого сделал тебе этот человек?» — спросил незнакомец, оказавшийся самим Аристидом. «Ничего, — ответил тот. — Я его даже не знаю. Но мне надоело слушать, что его постоянно называют Справедливым».

Ничего не сказав, Аристид написал свое имя на черепке и всрнул его крестьянину. В результате остракизма Аристид был изгнан на 10 лет. Спустя три года, в 480 г. до н. э., новый персидский царь Ксеркс вторгся в Грецию. Опасность была так велика, что афиняне разрешили возвратиться всем изгнанникам. Многие опасались, что Аристид, вернувшись в Грецию, перейдет на сторону персов и это побудит последовать его примеру и других сторонников аристократической партии. Но они, как видно, не понимали этого человека. Еще до постановления о возвращении изгнанников Аристид призвал их всех принять участие в обороне Аттики.

Положение было крайне тяжелым. Войско Ксеркса, пройдя Северную Грецию, сумело через Фермопильский проход прорваться в Среднюю Грецию к Афинам. Все способные носить оружие мужчины сели на корабли, чтобы продолжать борьбу на море. Детей, женщин и стариков успели вывезти из Афин на лежащий у берегов Аттики остров Саламин. Вскоре после этого персы заняли Афины, а их флот подошел к Саламину.

Командовавший объединенным греческим флотом спартанский флотоводец хотел дать приказ греческим кораблям отойти от Саламина. Тогда афинские женщины и дети попали бы в руки персов. Но ночью, чтобы предотвратить бегство греческих кораблей, персидские корабли заняли оба выхода из Саламинского пролива.

Как раз в это время на маленькой лодочке к афинским кораблям подплыл возвращавшийся из изгнания Аристид. Он отважно провел свою лодку между вражескими судами и причалил ночью к кораблям Фемистокла. Вызвав его, Аристид сказал: «Мы — разумные люди, и пора нам

прекратить пустое и мальчишеское соперничество. Сейчас главное — спасти Грецию, тебе — как начальнику и полководцу, а мне — как твоему советнику и помощнику. Ты считаешь, что необходимо как можно скорее дать бой персам. Я согласен с тобой. Хотя спартанцы и не хотят этого сражения, но враги сами содействуют успеху твоего плана. Вражеские корабли окружили нас со всех сторон. Нашему флоту не остается ничего другого как начать сражение; я убедился, что все пути для бегства нам отрезаны».

Услышав это, Фемистокл обрадовался и попросил Аристида, к которому особенно благоволили спартанцы, убедить их флотоводца в необходимости немедленно начать морской бой. Однако когда был собран военный совет, Аристид не попросил слова. Видя это, один из стратегов сказал: «Вот видишь, Фемистокл, Аристид тоже не одобряет твоего плана». Но Аристид возразил, что он не стал бы молчать, если бы не считал план Фемистокла наилучшим.

В Саламинском бою Аристид бился вместе со всеми афинянами. Он обратил внимание на находившийся недалеко от Саламина островок Пситталию. На этот остров спасались с разбитых кораблей персидские воины. Аристид с созданным им отрядом высадился на Пситталию. Возле этого островка скопилось больше всего персидских кораблей и здесь шла самая горячая битва. Воины Аристида уничтожили множество персов, подплывающих к острову с тонущих кораблей. Поэтому и трофей¹ в честь Саламинской битвы был поставлен на Пситталлии.

После боя Фемистокл предложил немедленно плыть к Геллеспонту и, разрушив построенный персами мост через пролив, не дать войску Ксеркса возможности вернуться домой. Аристид решительно воспротивился этому предложению. Он хотел, чтобы персы как можно скорее покинули Грецию. По мнению Аристида, персы, потеряв воз-

¹ Трофей — памятник, воздвигавшийся из отобранных у неприятеля доспехов на месте одержанной победы. В современном языке

трофеями называют имущество противника, захваченное на поле битвы.

можность вернуться на родину, станут сражаться более ожесточенно.

Потерпев поражение при Саламине, Ксеркс поспешно повел часть своего войска назад в Азию, поставив во главе оставшихся в Греции войск своего полководца Мардония. Он попытался ослабить сопротивление греков, расколов их союз. Мардоний направил афинянам письмо, в котором обещал отстроить город и сделать их владыками всей Греции, если они захотят заключить мир с Персией. Испугавшись, что афиняне примут это предложение, спартанцы поспешно отправили к ним посла. Они уговаривали не соглашаться на предложение Мардония и обещали приютить афинских женщин и детей и содержать их на счет государства.

По предложению Аристиды афиняне послали спартанцам гордый ответ. «Неудивительно, — писали афиняне, — что нас пытаются подкупить враги. Они могут не знать, что нет такого количества золота ни на земле, ни под землей, которое афиняне предпочли бы свободе греков. Спартанцам же стыдно предлагать подаяние нашим женщинам, для того чтобы мы не прекратили сражаться за родину».

Послал Мардоний Аристид, указывая на солнце, сказал: «Пока солнце движется по своему пути, афиняне не перестанут воевать с персами, мстя за оскверненные святыни, за нашу разоренную страну».

Зимой персидские войска оставили каменистую Аттику и отступили в более плодородные районы, где легче было обеспечить корм лошадям. Воспользовавшись этим, афиняне вернулись в родной город. Но весной следующего года (479 г. до н. э.) Мардоний вторично вторгся в Аттику, и жителям ее снова пришлось бежать. По предложению Аристиды, афиняне попросили спартанцев немедленно прийти к ним на помощь. Правители Спарты послали 5 тысяч воинов, каждого из которых сопровождало 7 иловтов.

Избранный стратегом, Аристид прибыл во главе тяжеловооруженных афинских воинов к маленькому городку Платеи, рас-

положенному недалеко от северной границы Аттики. Здесь афиняне присоединились к общегреческому ополчению, которым командовал спартанский царь Павсаний. Персидский лагерь находился на другом берегу протскавшей здесь реки Асопа.

Незадолго до начала сражения в греческом лагере возникла распря. Прибывший из пелопоннесского города Тегеи отряд потребовал, чтобы его поставили на левый фланг. Сражаться на фланге (занимать крайнее положение в шеренге) считалось особо ответственным, а потому наиболее почетным. Правый фланг предназначался спартанцам, а на левый претендовали афиняне. Это показалось тегейцам обидным, и они запротестовали. Афиняне не уступали. Тогда Аристид подошел к соотечественникам и сказал: «Сейчас не время спорить. Какое бы место в строю нам ни назначили, мы постараемся не посрамить славы наших предков. Мы пришли сюда не ссориться с союзниками, а сражаться с врагами Греции. Место в строю не делает человека храбрее. Само сражение покажет, кто больше достоин почета».

Но не только несогласие между союзниками подрывало силы греков. Накануне битвы стало известно об опасном заговоре. Разорешные войной богачи были недовольны, что их влияние сильно упало. Они собрались тайно в Платеях и организовали заговор для свержения демократии. В случае неудачи они готовы были даже пойти на измену и перейти на сторону персов. У них были сторонники в войске. Аристид узнал о заговоре, но счел, что в момент смертельной опасности не стоит начинать расследование. Однако и пренебречь этим делом было нельзя. Из многих участников заговора Аристид арестовал только восемь человек. Из них двое наиболее виновных бежали. Остальных Аристид отпустил. Он хотел дать им возможность раскаяться и честно искупить свою вину в бою.

Тем временем Мардоний готовился к решающему сражению. Он надеялся на свою конницу, которая на равнине представляла грозную силу.

Основные силы греков засели в скалистых предгорьях горы Киферона, отделявшей Беотию от Аттики. Лишь три тысячи мегарцев расположились лагерем на равнине. На их лагерь, открытый со всех сторон, и обрушилась персидская конница. Мегарцы послали гонца к спартанскому полководцу Павсанию с просьбой о помощи. Однако Павсаний не решился бросить в бой спартанцев, не умевших сражаться с конницей. Никто не приходил на помощь мегарцам. Тогда Аристид послал к ним 300 отборных афинских воинов, которые бегом двинулись на равнину. Начальник персидской конницы Масистий, человек знаменитый своей силой и ростом, увидев афинян, поскакал им навстречу. Завязалась жаркая схватка. Греки отчаянно отражали нападение персов. Конь Масистия, раненный стрелой, сбросил своего седока. Персидский полководец был в тяжелых доспехах и не мог сам подняться. Один из афинских воинов, просунув дротик в отверстие в шлеме, сделанное для глаз, убил его. Уцелевшие персы, бросив труп полководца, бежали.

После этого столкновения с персидской конницей бои надолго прекратились. Гадатели предсказывали победу тем, кто будет обороняться, а не нападать. Дело в том, что персы могли победить только на равнине, а греки хотели сражаться в гористой местности, где конница не могла бы развернуться. Но выжидать долго Мардоний не мог. У него оставалось продовольствия всего на несколько дней, и он решил больше не ждать и не откладывать битву.

В полночь к греческому лагерю тихо подъехал человек верхом на коне. Он вызвал Аристиду и сказал ему: «Я — царь македонян Александр¹. Хотя это и угрожает мне величайшей опасностью, я все же приспешу предупредить: завтра Мардоний нападет на вас». Сказав это, Александр попросил Аристиду, чтобы тот никому не рассказывал о его приходе.

«Я не могу скрыть твое сообщение от Павсания, но кроме него никто не будет об этом знать», — обещал Аристид.

Узнав о предупреждении царя македонян, Павсаний пригласил к себе всех греческих стратегов и приказал им привести войска в боевую готовность. Афинским воинам, имевшим опыт сражений с персами, Павсаний предложил перейти на правый фланг — самое опасное место, против которого стояли отборные персидские войска. Афинские стратеги считали, что спартанец поступает очень несправедливо, ставя афинян туда, где опасность наиболее велика. Но Аристид пересудбил их. «Чего нам бояться?! — сказал он. — Ничто не изменилось со времен Марафонской битвы. Разве враг стал храбрее? Или его оружие стало лучше? Мы победим, как побеждали раньше!»

Узнав от перебежчиков о передвижении греческих отрядов, Мардоний тоже перестроил свои войска таким образом, чтобы его главные силы оказались против спартанцев. В ответ на это Павсаний тоже начал новое перемещение боевых рядов. День прошел, а сражение так и не началось. С наступлением ночи греки решили отойти к гористой местности, чтобы занять более удобные позиции.

От Мардония не укрылось, что греки покинули прежний лагерь. Он подумал, что враги отступают, и бросился преследовать их. Персы громко кричали и бряцали оружием. Они полагали, что им предстоит не сражаться, а только убивать и грабить.

Заметив приближение персов, Павсаний приказал спартанцам закрыться щитами и ждать, пока враги подойдут вплотную. Персидские стрелы стали уже достигать греческого войска, но спартанцы не двигались с места. Многие падали, пронзенные стрелами, но уцелевшие смыкали ряды, и строй не нарушался. Наконец Павсаний дал сигнал к бою. Только теперь персы поняли, что им придется сражаться

¹ Александр I — македонский царь (498—450 гг. до н. э.). Македония в это время была вынуждена подчиниться Персии, но Алек-

сандр всегда сочувствовал грекам, за что даже получил прозвище Филэллина (Друга эллинов).

не с перепуганными беглецами, а с людьми, решившимися биться насмерть.

Спартанцы вступили в бой, сохраняя сплоченный строй. Они подошли вплотную к врагу, поражая персов копьями. Персы хватали копья руками, ломали их, а затем выхватили мечи и кинжалы. Закипел кровавый и жестокий бой.

Когда афиняне услышали звуки сражения, они поспешно устремились на помощь спартамцам. С громким криком побежали они вперед. Навстречу им двинулись греческие воины, сражавшиеся на стороне персов. Увидев соотечественников, Аристид вышел вперед и, заклиная их всеми греческими богами, просил не участвовать в сражении. Но те не вняли его мольбам. Аристиду пришлось вместо того, чтобы идти на помощь спартамцам, сразиться с греческим отрядом. Враги не выдержали натиска и отступили.

Тем временем спартанцы тоже обратили персов в бегство и принудили их засесть за стены, окружавшие вражеский обоз. Зная, что спартанцы не умеют штурмовать укрепления, афиняне немедленно поспешили им на помощь. Персидский лагерь был взят, и враги понесли огромные потери, но и греки потеряли около 1500 человек.

После битвы греческие стратеги начали спор о том, какое государство больше заслуживает награды. Спор между афинянами и спартамцами достиг такой остроты, что, казалось, мог быть разрешен только оружием. В этот напряженный момент Аристиду удалось уговорить стратегов передать решение спора всему греческому ополчению. Все воины приняли участие в обсуждении. После долгих размышлений было решено присудить награду платейцам, на земле которых произошла великая битва.

Вскоре Аристид в должности стратега был отправлен на войну с персами к берегам Малой Азии. Прибыв туда, он увидел, что командовавший там Павсаний держится высокомерно и жестоко обращается со всеми греками, кроме спартамцев. Рядовых

воинов он приговаривал к суровым наказаниям, а спартамцам предоставлял лучшие условия, чем остальным.

Аристиду удалось завоевать расположение союзников. Военачальники многих государств, особенно островных, стали уговаривать Аристиду взять на себя руководство общегреческим войском. Аристид не хотел ссориться со спартамцами, пока не был уверен, что в решающий момент союзники поддержат его. Чтобы доказать, что они готовы идти за Аристидом до конца, союзники напали на корабль Павсания. По их требованию Павсаний был вынужден отказаться от командования.

Спартанские законодатели решили не вступать в борьбу с Афинами за руководство общегреческим союзом. Отозвав Павсания, они не послали взамен нового военачальника, и спартацкие войска больше не принимали участия в войне с персами. Спартанцы понимали, что если они станут спорить за владычество на море, им не хватит сил удержать господство в Пелопоннесе. Так вместо возглавляемого Спартой антиперсидского союза возник Афинский морской союз (478 г. до н. э.).

Еще во время спартанского руководства было решено, что каждое греческое государство будет вносить определенные средства на нужды войны. Однако размеры взносов вызывали много споров, и после перехода руководства к Афинам Аристиду было поручено установить размер взносов пропорционально территории и доходами каждого государства.

В руках Аристиды оказалась огромная власть, но он не использовал ее для личного обогащения. Справедливостью распределения союзнических взносов Аристид приобрел такую славу, какой до него не имел ни один человек.

Аристид умер в Афинах глубоким стариком, почитаемый и любимый согражданами. Он был настолько беден, что в его доме не нашлось денег на похороны, и надгробный памятник ему был сооружен на средства государства.

Ксантипп, отец Перикла, и его мать Агариста принадлежали к самым знатым афинским родам. Ксантипп прославился во время греко-персидских войн. Он командовал афинским флотом и одержал победу над персами при мысе Микале у берегов Малой Азии. Агариста происходила из знаменитого и богатого рода Алкмеонидов.

Перикл родился сильным и здоровым ребенком, но поражал всех необыкновенной величиной и формой своей головы. Этот недостаток так и остался у него на всю жизнь, и чтобы скрыть его, художники и скульпторы всегда изображали Перикла в шлеме.

Зато сочинители комедий издевались над необыкновенно большой головой Перикла и придумали для него прозвище «Луковицеголовый».

Перикл получил прекрасное образование. Он слушал лекции философа Зенона, обучавшего ораторскому искусству и умевшего рядом ловких возражений сбить противника с толку и поставить в безвыходное положение. Кроме обязательного для всякого афинянина изучения музыки и стихосложения, Перикл обучался также естественным наукам под руководством пересхавшего в Афины из Малой Азии философа Анаксагора. Этот человек утверждал, что движением Солнца и Луны управляют не боги, а законы природы, постигнуть которые необходимо человеку. Перикл восхищался Анаксагором и под его руководством основательно изучил науку о небесных явлениях.

Большие познания и природные способности сделали Перикла блестящим оратором, вызывавшим восхищение сограж-

дан. Речи его были прекрасными по форме и глубокими по содержанию, походка размеренной, одежда всегда лежала правильными складками. Никто не мог вывести его из себя. Однажды какой-то распушенный человек, рассердившись за что-то на Перикла, стал при всех ругать и оскорблять его. Крик и проклятья не прекращались целый день. Перикл ничего не отвечал обидчику. Однако тот не успокаивался. Уже вечером, когда Перикл пошел домой, этот человек последовал за ним, громко выкрикивая оскорбительные слова. Было уже темно, когда они подошли к дому Перикла. Прежде чем войти в дом, Перикл приказал своему рабу взять факел и проводить незнакомца до его дома.

Так же как и его учитель Анаксагор, Перикл был чужд всяких суеверий. Однажды к нему явился гадалщик и, неся в руках отрубленную голову однорогого барана, предсказал, что скоро вся власть в государстве сосредоточится в руках одного человека. Действительно, вскоре Периклу удалось устранить своего соперника, и все государственные дела оказались в его руках. Гадалщик потребовал награды за свое исполненное предсказание, утверждая, что успех Перикла связан с благоприятной приметой. Однако Перикл не поверил ему и поручил Анаксагору разобраться, в чем была причина уродства однорогого барана. Ученый доказал, что из-за неправильного стресса черепа животного второй рог не смог вырасти и чудес здесь никаких нет.

В молодости Перикл боялся подвергнуться ostracismu, так как принадлежал к знатному роду и был похож на некогда правившего Афинами тирана Писистра-

та¹. Старики даже поражались тому, насколько его голос и манера говорить подходили на речь афинского тирана.

Боязнь изгнания заставила Перикла отдалиться от государственных дел. Но в военных походах он участвовал и отличался там доблестью и отвагой.

В это время в Афинах не было выдающихся политических деятелей: Аристид уже умер, а Фемистокл был изгнан. Почти против своей воли Перикл оказался вовлеченным в государственные дела и избирался на высокие должности. Перикл, несмотря на свое знатное происхождение, примкнул к партии демоса и оставался ей верен в течение всей своей жизни. Он резко переменил образ жизни, перестал встречаться со своими родственниками и прекратил дружбу со знатными друзьями.

Перикл нечасто выступал в народном собрании, так как не хотел, чтобы его выступления стали привычными для народа. Речь Перикла была красочной и образной. Хорошее образование позволило ему развить свои природные ораторские способности. Современники уподобляли Перикла богу и прозвали его Олимпийцем.

Когда Перикл был еще молод, вождем демократической партии был Эфиальт, ближайший друг Перикла. Эфиальт был страшен для аристократов и безжалостен к людям, совершившим преступление против народа. Враги подослали к Эфиальту наемного убийцу, и вождь демократов пал от его руки. Во главе демократической партии остался один Перикл. Вождь аристократов Кимон, сторонник спартанских порядков, был изгнан из Афин за организацию похода в помощь Спарте, восставшей с восставшими илотами.

Не успел еще окончиться срок изгнания Кимона, как завязалась война Спарты с Афинами. Большое спартанское войско вторглось в пограничную с Аттикой Беотию.

Афиняне выступили против спартанцев. Узнав об этом, Кимон самовольно вернулся из изгнания, чтобы принять участие в сражении. Этим он стремился доказать, что интересы родины ему дороже Спарты. Однако сторонники Перикла, помня, что Кимон был изгнан за сочувствие к Спарте, не разрешили изгнаннику встать в строй.

При Танагре, на границе Беотии и Аттики, в 457 г. до н. э. разыгралась жестокая битва. Перикл мужественно сражался, не щадя своей жизни. Все же афиняне потерпели поражение.

В Афинах жалели об изгнании опытного полководца Кимона, так как считали, что он не довел бы Афины до такого позора. Перикл, почувствовав недовольство граждан, решил пойти навстречу их желаниям: он сам предложил возвратить Кимона. Предложение было принято. Кимон вернулся, и ему удалось добиться заключения перемирия со Спартой, но одновременно он начал войну с Персией за остров Кипр. Во время кипрского похода Кимон заболел и умер.

Смерть Кимона ослабила аристократов, которые не знали, кого противопоставить Периклу. В конце концов они избрали своим вождем зятя Кимона, Фукидида, сына Мелесия, человека безукоризненной репутации². Хотя у него и не было таких военных талантов, как у Кимона, он был хорошим оратором, сумел объединить аристократов и успешно защищал их интересы в народном собрании. Подобно Кимону, Фукидид старался привлечь граждан на свою сторону подарками, оказывал помощь беднякам.

Иначе действовали демократы. Они считали, что бедняки должны иметь такие же права, как и богатые граждане. Хотя в Афинах для занятия общественных должностей не обязательно было обладать бо-

¹ Тиранами в Древней Греции называли правителей, которые добились власти в результате победоносного восстания, а не получили ее по наследству. О приходе к власти

Писистрата см. выше биографию Солона.
² Не следует путать этого Фукидида с его знаменитым современником историком Фукидидом, сыном Олора.

гатством, бедный человек не мог заниматься государственной деятельностью, так как все его время уходило на добывание средств к существованию. По предложению Перикла, за исполнение государственных обязанностей беднякам стали выдавать небольшую плату за каждый день, потраченный ими на общественные дела.

Однако оплачиваемые должности доставались не всем беднякам. Чтобы облегчить положение остальных, Перикл предложил ежегодно снаряжать 60 триер, экипаж которых набирался из свободных граждан, получавших плату за свою службу на корабле. На земле государств, входивших в Афинский союз, создавались афинские поселения (клерухии): всякий афинянин мог получить там участок земли для обработки. Этими поселениями решались сразу две задачи: создавались гарнизоны за пределами Аттики и облегчалось положение простого народа.

Позаботился Перикл и о том, что доставило Афинам наибольшую славу, а у жителей других городов вызывало зависть и восхищение. В годы, когда он руководил государством, афинский кремль — Акрополь — был украшен замечательными произведениями архитектуры и скульптуры. Это строительство вызвало больше всего нападков со стороны врагов Перикла.

«Афинский народ, — кричали они, — теряет уважение греков! Союзники ругают нас за то, что мы перенесли общегреческую казну с острова Делос в Афины. Раньше мы могли по крайней мере оправдываться тем, что казна у нас находится в большей безопасности, чем в любом другом месте. Теперь Перикл лишил нас этого оправдания. Деньги, собранные для ведения войны, растрачиваются на то, чтобы украсить город золотом и драгоценными камнями».

Перикл отвечал своим обвинителям: «Мы не обязаны давать отчет в расходовании союзных денег. Честно выполняя свои обязательства по отношению к союзникам, мы защищаем их от нападения варваров. Всякому ясно, что деньги, отданные

сторожу, принадлежат не тому, кто их заплатил, а тому, кому они уплачены, если только он честно выполняет обязанности сторожа. С тех пор как создан наш союз, мы ни разу не отступали от своих обязательств. Мы достаточно обеспечены всем, что нужно для войны, и имеем право тратить поступающие от союзников деньги на то, что дает жителям заработок, а городу — вечную славу. Граждане, способные к военной службе, получают плату во время походов или обучения. Ремесленники тоже имеют право на поддержку государства. Для того чтобы эти деньги не доставались им даром, надо проводить такие работы, где любой нашел бы применение своим знаниям и способностям».

Перикл постоянно предлагал народу проекты, рассчитанные на длительные работы и требовавшие применения труда свободных ремесленников. Строительство давало также работу и тем, кто подвозил и добывал ценные породы камня, золото, серебро и другие материалы. Сооружения, воздвигнутые при Перикле, были замечательны не только дорогими материалами, из которых они были построены, но и удивительной пропорциональностью всех зданий, предопределившей развитие архитектуры на много веков вперед. Поразительна была также быстрота выполнения всех работ. Кажется, что каждая их этих построек могла быть доведена до конца лишь в результате труда нескольких поколений, в действительности же почти все было сделано за тот короткий срок, пока во главе государства стоял Перикл.

Всем строительством руководил великий греческий скульптор и архитектор Фидий, прославившийся огромной статуей Зевса, которую он сделал для храма в Олимпии. В работах по украшению афинского Акрополя принимали участие и другие великие архитекторы и строители.

Всеобщее восхищение вызывал украшенный колоннами вход на Акрополь — Пропилеи. Строительство этой колоннады длилось 5 лет, и постройка, сохранившаяся до наших дней, настолько прекрасна и так

гармонирует с остальными зданиями Акрополя, что кажется, будто она стоит здесь вечно. Храм покровительницы города богини Афины Парфенон¹ сооружали архитекторы Калликрат и Иктин. Внутри храма стояла 11-метровая статуя богини работы Фидия. В правление Перикла на Акрополе были построены несколько храмов и здание для музыкальных состязаний — Одеон².

Фукидид и его сторонники продолжали нападать на Перикла за то, что он расходует слишком много средств на строительство. Наконец борьба между ними достигла такой остроты, что в народном собрании был поставлен вопрос об ostracismе. Перикл был в опасности, но большинство народа поддержало его, и изгнан был Фукидид. Этим был положен конец внутренней борьбе. Аристократы, потеряв вождя, утратили влияние в народном собрании. Перикл не имел больше соперников. Народ поручал ему все важнейшие дела: войско, флот, управление государственными доходами. В течение пятнадцати лет (445—430 гг. до н. э.) Перикл ежегодно избирался стратегом. Народ полностью доверил ему управление государством.

Перикл заботился о благе государства, не делая никаких послаблений прихотям отдельных граждан. Он не боялся выступать против толпы, если под влиянием момента она хотела принять неверное решение. Перикл как бы походил на врача, который ради пользы больного причиняет ему боль или даст горькое, но целительное лекарство. Своей властью Перикл был обязан не столько красоте и убедительности своих речей, сколько всеобщей уверенности, что его действия всегда направлены на благо народа. Все знали его бескорыстие. Превратив Афины в богатейший город, Перикл несколько не увеличил собственного состояния.

Увлечение Перикла науками сблизило его со знаменитой женщиной-философом Ас-

пасией. Она была уроженкой Милета и переехала в Афины, так как этот город при Перикле стал центром научной и культурной жизни. Сюда из различных государств Греции стекались ученые, писатели, поэты и художники. Аспасия увлекалась красноречием, и даже выдающиеся афинские мудрецы приходили к ней, чтобы послушать ее выступление. Занималась Аспасия и философией. В ее доме постоянно можно было встретить талантливых писателей, драматургов, художников и других замечательных людей.

Аспасия резко отличалась от остальных афинских женщин, привыкших к затворнической жизни; ведь афинянке считалось неприличным заниматься чем-либо кроме домашнего хозяйства. Перикл увлекся этой выдающейся женщиной и женился на ней. Любовь Перикла к Аспасии была так сильна, что он разрешал жене, нарушая афинские обычаи, выходить к гостям мужа, разговаривать с ними и даже принимать участие в спорах.

Возрастающее могущество Афин вызывало беспокойство Спарты, которой еще со времени греко-персидских войн принадлежала руководящая роль в греческом мире. Это беспокойство еще усилилось, когда Перикл предложил собрать в Афинах съезд всех греческих государств для заключения между ними всеобщего мира. В Спарте поняли, что если план Перикла осуществится, то это превратит Афины в политический центр всей Греции. Спарта запретила зависимым от нее государствам посылать своих представителей в Афины, и попытка Перикла созвать общегреческий съезд потерпела неудачу.

Перикл не раз стоял во главе войска. Как полководец он пользовался большим уважением, так как никогда не действовал наудачу, не решался на битву, если исход ее был сомнителен. Никогда войска, которые вел Перикл, не терпели поражения. Он не признавал хорошими военачальни-

¹ Название этого знаменитого храма происходит от греческого слова «парфенос» (дева).

² Греческое название «одеон» происходит от слова «оде» — песня.

ками тех стратегов, которые, бросившись в рискованное предприятие, добивались случайного успеха.

Однажды полководец Толмид, которого прежние удачи сделали чрезвычайно самоуверенным, решил в самый неблагоприятный момент вторгнуться в Беотию. Он убедил принять участие в этом походе тысячу знатных афинян. Перикл пытался удержать его, но, видя, что тот не поддается уговорам, сказал: «Если ты не веришь моим советам, то во всяком случае не ошибешься, избрав мудрейшего из советников — время».

Тогда никто не обратил внимание на эти слова Перикла. Когда же спустя несколько дней в Афинах получили известие, что Толмид и его соратники погибли, афиняне осудили осторожность и ум Перикла.

Наиболее удачным из походов, которыми руководил Перикл, был поход во Фракию. На узком полуострове Херсонесе Фракийском, прикрывавшем вход в пролив Геллеспонт, жили афиняне. Этот полуостров имел огромное значение, так как владение им обеспечивало возможность беспрепятственно привозить дешевый хлеб в Афины из богатых черноморских колоний. Однако фракийцы постоянно нападали на афинских колонистов, грозя их уничтожить. Перикл разбил фракийцев и перегородил перешейки укреплениями от моря и до моря, благодаря чему нападения на колонию стали невозможными. Кроме того, Перикл переправил на Херсонес еще тысячу поселенцев, чем усилил эту колонию.

Чтобы показать могущество Афинского государства, Перикл совершил дальний морской поход (437 г. до н. э.). Большая, богато украшенная афинская эскадра прошла проливы, вошла в Черное море и проплыла вдоль всего побережья. Этим была оказана помощь причерноморским грекам, и цари варварских племен увидели, сколь велико могущество Афин.

Но часто Перикл старался сдерживать стремление афинян к новым завоеваниям. Например, когда афиняне собирались захватить Египет, Перикл отговорил их от

этого рискованного предприятия. Все силы государства он направлял на защиту уже имеющихся земель, опасаясь восстаний в подчиненных Афинам государствах, если афинское войско окажется далеко за морем.

Опасения Перикла подтвердились. Достаточно было членам Афинского союза узнать о поражении Толмиды в Беотии, как многие города попытались отложиться от Афин. Сначала мятеж вспыхнул на острове Эвбее, и Перикл отправил туда большое войско (446 г. до н. э.). Вскоре он получил известие, что Мегары (государство, расположенное к югу от Аттики) призвали на помощь против Афин Спарту и войско спартанцев приблизилось к афинским границам. Перикл не решался вступить в сражение со спартанцами, полагая, что их войско сильнее афинского. Он решил действовать хитростью. Он знал, что молодой и неопытный спартанский царь во всем слушается своего советника. Периклу удалось подкупить этого советника, после чего спартанцы прекратили наступление и отошли от границы Аттики. В Спарте были возмущены поведением молодого царя. На него наложили такой большой штраф, что он не смог его уплатить и вынужден был уйти в изгнание.

В конце года, когда Перикл давал отчет народному собранию об израсходованных деньгах, он упомянул, что 10 талантов истрачены на «нужное дело». Народ настолько доверял Периклу, что принял его отчет, не требуя раскрытия секрета.

Оградив Аттику от опасности, Перикл с 50 кораблями и пятитысячным войском переправился на Эвбею. Восстание было подавлено, и эвбейские города снова были включены в Афинский союз. Вскоре между Афинами и Спартой было заключено перемирие на 30 лет.

В это время два участника Афинского союза — Самос и Милет — вели войну за обладание одним небольшим городом на побережье Малой Азии. Самосцы уже одерживали верх, но афиняне приказали им прекратить войну и решить спорные вопросы третейским судом. Самосцы не послу-

шались, и Перикл провел через народное собрание постановление об отправке на Самос карательной экспедиции.

Главной причиной непреклонности афинян было то, что на Самосе господствовали аристократы, а Перикл хорошо понимал, что в борьбе между Афинами и Спартой аристократы всегда будут на стороне последней.

Перикл сам командовал 40 кораблями, отправившимися к Самосу. Он добился установления на острове демократии, а чтобы жители не вздумали после ухода афинян вернуться к старым порядкам, взял заложниками 50 самых знатных граждан и 50 мальчиков из богатых семейств. Однако заложников вывезти в Афины не удалось, самосские аристократы сумели похитить их. На острове началось восстание. Неподалеку от Самоса произошло ожесточенное морское сражение. Перикл одержал блестящую победу, хотя у него было только 44 корабля, а у противника 70. Получив из Афин подкрепление, Перикл начал осаду острова. Она длилась долго. Только на девятый месяц осажденные островитяне сдались (440 г. до н. э.). Перикл срыл стены города, отобрал у самосцев все корабли и заставил их уплатить большой денежный штраф. Часть этих денег была уплачена немедленно, а остальные обещали выплачивать постепенно. Чтобы афиняне были уверены, что долг будет выплачен, самосцы вынуждены были дать заложников.

Возвратившись в Афины, Перикл устроил торжественное погребение погибших при осаде Самоса воинов. Речь Перикла над могилами павших произвела такое сильное впечатление, что когда он сходил с трибуны, многие спешили пожать ему руку, а женщины украшали его венками, как победителя на состязаниях.

Покорение Самоса укрепило власть и влияние Перикла. Ему удалось подчинить одно из самых сильных государств Греции, которое едва не отняло у Афин их владычество на море. Отношения со Спар-

той становились все более напряженными, и Перикл считал, что Афинам необходимо обеспечить себе союзников не только среди государств Восточной Греции, но и на Западе. В это время жители острова Керкиры¹ вели войну с пелопоннесским городом Коринфом. Перикл убедил народ послать на помощь керкирянам 10 кораблей. Этой эскадре было приказано не вмешиваться в войну и принять участие в сражении только в том случае, если пелопоннесцы попытаются высадиться и занять остров.

Однако афиняне опасались, что столь малая помощь не спасет керкирян. Перикл стал обвинять в том, что он, не принеся пользы своим союзникам, дал врагам прекрасный повод обвинить афинян в нарушении перемирия. Тогда Перикл послал еще 20 кораблей на помощь керкирянам. Корабли пришли как раз в тот день, когда произошла большая морская битва у Сиботских островов близ Керкиры (433 г. до н. э.). Коринфяне одержали победу и готовились уже высадиться на остров, когда появившиеся афинские корабли вынудили их отступить.

Это выступление афинского флота против коринфян сочли за нарушение перемирия с Пелопоннесским союзом. Коринфяне обратились с жалобой к главе союза Спарте. К ним присоединились Мегары, которые были недовольны тем, что афиняне запретили им торговать с членами Афинского союза. Однако Спарта не была готова к войне; царь Архидам пытался успокоить спартанских союзников и удовлетворить их требования путем переговоров. Важнее всего было добиться отмены постановления афинян о запрещении торговли с Мегарами, обрекавшего жителей на голодную смерть. В Афины отправили несколько посольств, но Перикл воспротивился отмене постановления о Мегарах. «Если мы уступим пелопоннесцам,— говорил он в народном собрании,— то они тотчас предъявят нам новые требования, полагая, что мы пошли на уступки из страха».

¹ Керкира (ныне греческий остров Корфу) лежит у западного берега Средней Греции.

Отказ Перикла отменить постановление о блокаде Мегар некоторые историки объясняют личными причинами. Афинская беднота последнее время была недовольна Периклом. Ей казалось, что он недостаточно решительно борется за расширение Афинского морского союза. Взысков, поступавших от союзников, не хватало на раздачу денег беднякам. Жить становилось труднее. Периклу было ясно, что только военные успехи помогут ему восстановить свой пошатнувшийся авторитет.

Враги Перикла боялись выступать против него открыто, но стали преследовать его друзей. Руководившего строительными работами на Акрополе скульптора Фидия они обвинили в присвоении части золота, отпущенного на сооружение статуи богини Афины. Однако эту клевету легко удалось опровергнуть. По совету Перикла, Фидий сделал золотую одежду статуи так, что ее легко можно было снять и взвесить. Проверка подтвердила честность Фидия. Тем не менее Фидия продолжали преследовать. Вскоре его обвинили в святотатстве: на щите Афины был изображен бой с амазонками. Говорили, что среди сражавшихся Фидий изобразил своего покровителя Перикла и самого себя¹. На этот раз Фидий не сумел оправдаться и был заключен в тюрьму, где вскоре умер. Ходил слух, что его отравили враги Перикла.

Добившись осуждения Фидия, враги стали преследовать учителя Перикла Анаксагора. Было принято постановление о наказании тех, кто не почитает богов и занимается изучением небесных явлений. Стало ясно, что это постановление направле-

но против Анаксагора, и Перикл посоветовал философу бежать из Афин.

Почувствовав свою силу, враги Перикла решили привлечь к суду его жену Аспасию. Ее обвинили в безбожии, и для того, чтобы добиться ее оправдания, Периклу пришлось самому прийти в суд и униженно просить судей не подвергать Аспасию наказанию.

Спартанцы справедливо видели в Перикле надежного руководителя афинского народа и полагали, что если отстранить его от власти, афиняне станут сговорчивее. Они отправили в Афины послов, чтобы те напомнили афинянам, что по матери Перикл происходит из проклятого богами рода Алкмеонидов и поэтому должен быть изгнан из государства². Однако афиняне разгадали замысел спартанцев. Вражда неприятелей не только не привела к новым нападениям на Перикла, но, наоборот, вызвала у афинян еще больше уважения к человеку, изгнания которого так добивается могущественная Спарта.

Вскоре началась Пелопоннесская война³. Спартанцы с союзниками вторглись в Аттику (431 г. до н. э.). Опустошая страну, они дошли до афинских укреплений. Они вырубали сады, угоняли скот, разоряли жилища. Спартанцы полагали, что афиняне не выдержат, выйдут из-за стен и вступят в бой в открытом поле. Спартанцы не умели брать крепостей, но в открытом бою не знали себе соперников. Перикл удерживал афинян от опасного шага, утешая крестьян, оплакивавших свои погибшие сады и угнанные стада. Он говорил, что вместо вырубленных деревьев вырастут

¹ Согласно мифу, амазонки — женщины-воительницы вторглись в Аттику и были отражены Тесеем. Статуя Афины работы Фидия не сохранилась, но дошли ее многочисленные копии и изображения. На некоторых из них на щите можно различить фигуры Перикла и лысого старика, похожего на Фидия, поднявшего над головой камень. Голова статуи Афины работы Фидия изображена на золотой подвеске, найденной в крымском кургане Куль-Оба и хранящейся в Эрмитаже.

² Приблизительно за 200 лет до описываемых

событий Алкмеониды зверски расправились со своими противниками, убив даже тех, кто искал спасения в храме у алтаря Афины. Это считалось святотатством, и все представители рода Алкмеонидов были изгнаны. Впоследствии их потомки вернулись, и многие из них занимали в Афинах высокие должности.

³ Пелопоннесская война (431—404 гг. до н. э.) велась между Пелопоннесским союзом и Афинами. В войну постепенно были втянуты почти все греческие государства. Война закончилась поражением Афин.

новые, а погибших воинов заменить невозможно.

Когда спартанцы окружили Афины, Перикл решил не проводить народных собраний, чтобы распыленные гневом граждане не приняли неблагоразумного решения. Подобно тому, как во время бури капитан отдает приказание, не обращая внимания на вопли испуганных путешественников, Перикл решил не считаться с возмущением крестьян. Перикла не пугало и то, что друзья постоянно упрекали его, а многие называли даже трусом. Сохраняя самообладание, Перикл спокойно переносил оскорбления.

Вскоре Перикл снарядил морской поход вокруг Пелопоннеса, но сам не принял в нем участия, а с небольшим отрядом пехоты вторгся в Мегарскую область и опустошил ее. В первый год войны спартанцы вырубали сады афинских крестьян и причиняли им большие убытки; теперь они сами терпели не меньше.

Спартамцам пришлось бы прекратить войну, если бы неожиданное бедствие не расстроило планы Перикла. На второй год войны в Афинах вспыхнула страшная болезнь — чума, похитившая больше жизней, чем самое кровопролитное сражение.

Эпидемия озлобила афинян. Гнев народа обратился против Перикла. Враги Перикла говорили, что чума вызвана скоплением в городе сельского люда. Запертые как скот в хлеву, афиняне заражают друг друга, а Перикл не позволяет им выйти за стены и сразиться со спартамцами. Чтобы успокоить граждан, Перикл снарядил 150 кораблей, собрал войско и готовился возглавить новый поход в Пелопоннес. Эти приготовления внушили афинянам большие надежды. Когда флот готовился к отплытию, началось солнечное затмение. Это испугало суеверных афинян, увидевших в этом дурное предзнаменование. Тогда Перикл, подойдя к рулевому своего корабля, наклонился к нему и спросил: «Тебе не испугал мой план?» «Нет, конечно», — отвечал рулевой. «А между тем, — сказал Перикл, — различие между моим планом,

который закрыл тебе свет, и тем, что напугало воинов, только в размерах. Солнце стало невидимым потому, что его закрыл предмет гораздо больший, чем мой план!»

Поход Перикла не имел успеха, так как в войске свирепствовала чума. Во всех неудачах обвиняли Перикла. На следующий год (430 г. до н. э.) он не был избран стратегом. Несмотря на то, что Перикл славился своим бескорыстием, его обвинили в хищениях и приговорили к большому штрафу.

Чума унесла обоих сыновей Перикла от первого брака. Эта беда сразила его. После похорон Перикл долго не выходил из дома, что не могло не отразиться на ходе государственных дел. В Афинах в это время не было руководителя, который, подобно Периклу, мог бы умело управлять государством. Афиняне решили принести Периклу извинения за несправедливо наложенный штраф и пригласить его снова стать во главе государства.

Но на этот раз Периклу не суждено было долго управлять Афинами. Вскоре после своего избрания он заболел чумой. Болезнь протекала вяло, но больной был уже немолод и часто терял сознание. Когда он умирал, друзья и родственники, сидя у постели Перикла, вспоминали, какой это был замечательный государственный деятель и сколько блестящих побед одержал он над врагами. Друзья думали, что умирающий их не слышит. Вдруг Перикл приподнял голову и сказал: «Вы хвалите меня за то, что совершали и многие другие, а о самом замечательном из того, что я сделал, не говорите ни слова. Ведь за все годы моего правления по моему приказу не был казнен ни один афинский гражданин».

Когда Перикл умер (в сентябре 429 г. до н. э.), афиняне поняли, какого замечательного руководителя они потеряли. Даже его противники признали, что огромный авторитет Перикла, основанный на любви и поддержке народа, был спасительным оплотом государства. Многие не замечали этого, пока Перикл был жив, но теперь, когда он умер, это стало ясно каждому.

Великий трагический поэт Софокл родился во второй год 71-й Олимпиады (496/495 г. до н. э.) в небольшом селе Колои, в полупустыне от Афин. На всю жизнь Софокл привязанность к родным местам. Уже стариком он с любовью вспоминал о храмах и домах Колона, о вечно бегущих водах реки Кефис, о виноградниках и холмах, с вершины которых открывался величественный вид на афинский Акрополь и далекое синее море с виднеющимся на горизонте берегом Арголиды. Став известным поэтом, Софокл увековечил свою родину в пьесе «Эдип в Колоне», где он назвал «светлый Колон с его сладкозвучными соловьями» украшением афинской земли.

Софокл был сыном состоятельного человека — владельца оружейной мастерской и получил прекрасное по тому времени образование. Он увлекался всеми видами искусств — гимнастикой, музыкой, хоровым пением. Отец научил сына в учителя лучшего музыканта и певца, какого смог найти. Ученик оказался достойным своего учителя. К 16 годам Софокл стал замечательным музыкантом и прекрасно пел. Когда греки праздновали победу над персами при Саламине, Софоклу предложили руководить хором юношей. В коротком плаще, с лирой в руках вел Софокл танцующих вокруг груды захваченного в Саламинской битве вражеского оружия.

Вся его долгая жизнь — он прожил 90 лет — была связана с афинской демократией эпохи ее расцвета.

В жизни афинских граждан большую роль играл возникший в VI в. до н. э. театр, который называли «школой для

взрослых». Раньше лучшие поэты обращали свои песни, исполнявшиеся под аккомпанемент лиры, к небольшому кругу знатных сотрапезников. Теперь, сочиняя для театра, поэты обращались сразу ко всем гражданам полиса.

На склонах холма полукругом сооружались скамьи, на которых могли разместиться тысячи людей. Внизу устраивалась площадка (орхестра), на которую выходил хор, исполнявший хвалебные песни в честь богов и героев. Слова песен были слышны даже на самых отдаленных скамьях. Уже самим грекам было не совсем ясно, как эти хвалебные песни превратились в театральные представления. Их происхождение, по-видимому, было связано с почитанием крестьянского бога, покровителя виноградарства Диониса, спутниками которого считались козлоногие сатиры. Осенью и весной во время сбора винограда и открывания бочек молодого вина в Афинах и других городах было принято представлять «страсти Диониса», когда хор перодетых сатирами крестьян прославлял своего бога и в песнях рассказывал о его злоключениях. Эти песни назывались дифирамбами¹. Сперва шли только одетые в козлиные шкуры участники хора, но потом их предводитель (корифей²) и актер, изображавший бога Диониса, стали вести разговор с хором и друг с другом (диалог). Так возникла трагедия (буквальный перевод — «песня козлов»), само название которой говорит о ее происхождении.

Ко времени жизни Софокла содержание трагедий стало разнообразней. В них уже рассказывалось не только о страданиях и конечном торжестве Диониса. Действующими лицами трагедий становятся также

¹ И поныне существует выражение «петь дифирамбы», то есть непомерно прославлять кого-либо.

² Корифеями в современном языке называют выдающихся деятелей науки, искусства и др.

другие боги, герои и даже смертные. Однако по-прежнему женские роли исполнялись мужчинами и хор оставался исключительно мужским. Участники его уже не изображали козлоногих спутников Диониса — сатиров, но в зависимости от содержания пьесы — то почтенных старцев, то юных или старых женщин, то есть тех, устами которых автор выражал свое отношение к происходящим на оркестре событиям. Песни хора порицали или восхваляли поступки героев трагедии.

Актеры (их было обычно два или три) надевали на лица глиняные маски. Эти маски, грубо раскрашенные, изображали человеческие чувства — жестокость, радость, горе, боль и были видны издали. Для выражения каждого чувства была особая маска, так что актеру в течение представления приходилось несколько раз менять маску. В отверстие рта маски было вделано нечто вроде рупора, усиливавшего голос актера. Чтобы актеры, особенно игравшие богов, не казались зрителям ничтожно маленькими, они прикрепляли к ногам небольшие скамеечки, нечто вроде обуви на высокой подошве — котурны.

Хотя содержание трагедий все дальше отходило от мифов и религии, а их авторов все больше занимали вопросы общественной и духовной жизни их сограждан, тем не менее дни театральных представлений приурочивались к праздникам и на них царила торжественность и атмосфера священнодействия.

Театральные представления происходили несколько раз в году и продолжались несколько дней с утра до темноты. Зрители начинали собираться на рассвете и в течение дня успевали посмотреть три-четыре пьесы. Поэты вступали в соревнование, и победители получали три награды. Их присуждали несколько наиболее уважаемых граждан. Они же объявляли, какую из пьес этого дня они считают самой лучшей. Такой порядок позволял отмечать наградами действительно выдающиеся произведения, которыми зрители восхищались уже более двух тысяч лет.

Время жизни Софокла падает на период расцвета Афин и на годы правления Перикла. Софокл был другом Перикла, участником его знаменитого кружка, куда входили поэты, художники, философы. Как все греки, Софокл участвовал в политической жизни своего государства. Однажды афиняне избрали его вместе с Периклом стражем, и он участвовал в походе против острова Самоса.

Однако прославился Софокл не как политический деятель, а как замечательный драматург. Каждая его новая пьеса становилась событием для афинян.

В 468 г. до н. э. на празднике великих Дионисий 27-летний Софокл поставил свою первую трагедию о легендарном герое, обучившем афинян земледелию («Триптолем»). Ему предстояло соревноваться с самим Эсхилом. Это было состязание старого искусства — искусства торжественного стиха — и нового, стремившегося увлечь зрителя занимательностью действия. Мнение публики разделилось: одни были за Эсхила, другие — за Софокла. Бурные споры грозили перейти в рукопашную схватку. Руководитель праздника, который должен был назвать судей для присуждения награды, был в затруднении, как выбрать таких людей, авторитет которых будет непререкаем.

В этот день после успешного похода в Афины вернулся флот, возглавляемый всеми десятью стратегами. Стратеги пришли в театр, чтобы после представления принести благодарственную жертву богу Дионису. Им и было поручено вынести решение о награде. Поклявшись, что будут беспристрастны, стратеги посоветовались и присудили первую награду Софоклу. Это был блестящий успех молодого драматурга.

Согласно легенде, Эсхил был этим так огорчен, что покинул родину и уехал на остров Сицилию. Рассказ этот, скорее всего, позднейшая выдумка: Эсхилу не было свойственно мелкое тщеславие, а Софокл всегда подчеркивал свою любовь и уважение к «отцу трагедии».

После первой пьесы Софокл в течение

своей долгой жизни написал еще более 100 трагедий и 18 раз получал высшие награды. К сожалению, из его пьес до нашего времени дошло только 8, но и этого достаточно, чтобы понять и оценить гениальность драматурга.

Пьесы Софокла были следующим шагом в развитии греческого театра. Эсхил писал трилогии. Каждая пьеса трилогии отражала только один какой-нибудь эпизод мифа: лишь познакомившись со всеми тремя трагедиями, зритель получал представление о мифе в целом. У Софокла же каждая пьеса являла собой самостоятельное целое, со своей завязкой, развитием действия и развязкой. Если героями Эсхила были обычно боги или люди, наделенные титаническими силами, то герои Софокла были обыкновенными людьми, характеры которых он идеализировал. При этом он всегда выделял какую-нибудь одну основную черту характера — храбрость, мудрость, гордость и т. п. В изображении душевных переживаний драматург достиг большого искусства. В трагедиях Софокла героев влекут к гибели не страсти и недостатки характера, а несокрушимый рок, судьба, predetermined человеку еще до его рождения. Идея неотвратимой судьбы не случайно играет такую большую роль в трагедиях Софокла. Хотя время его жизни и пришлось на период расцвета Афин, непрерывные войны и глубокие внутренние противоречия невольно наводили наиболее дальновидных афинян на мысль о неизбежном конце их благополучия. Идея неотвратимости судьбы наиболее ясно чувствуется в партиях хора, который все время присутствует на оркестре и своим пением сопровождает развитие действия. Хор у Софокла стоит выше страстей, владеющих героями, и выражает высшую мудрость, общую волю сограждан, которой отдельный человек должен подчиняться.

В историю мировой литературы Софокл вошел как создатель трагического образа мудрого царя Эдипа, принадлежавшего к роду, пад которому за грехи предков тяготело проклятие богов. Трагедия «Царь

Эдип» была представлена на третий год Пелопоннесской войны, когда в Афинах свирепствовала эпидемия чумы.

Миф о царя Эдипе знал каждый афинянин. Эдип был найденным; его родители предсказали, что их сын станет убийцей родного отца и женится на матери, и они решили избежать страшного будущего, замышляя убить ребенка. Только благодаря случайности он спасся от гибели. Его усыновил бездетный коринфский царь Полиб. Юный Эдип ничего не знал о тяготевавшем над ним страшном роке. Только когда Эдип стал уже сильным и красивым юношей, Дельфийский оракул предсказал ему, что он убьет отца и станет мужем матери. Эдип немедленно покинул Полиба и его жену, которых он считал своими родителями, и решил никогда не возвращаться в Коринф, чтобы избежать страшной участи. Простым странником подошел Эдип к столице Беотии — городу Фивам. У самого города, на перекрестке трех дорог, на него чуть не наехала колесница, сопровождаемая тремя всадниками. Они осыпали неосторожного юношу оскорблениями и ударами. В завязавшейся драке Эдипу удалось убить сидевшего в колеснице старца и троих из четырех его спутников.

У Фив Эдипа поджидала новая опасность. Сфинкс — чудовище с львиным туловищем, птичьими крыльями и головой женщины — останавливал всех проходящих и загадывал им загадку: «Кто утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером — на трех ногах?» Никто не мог разгадать эту загадку, и чудовище пожирало путников.

Мудрый Эдип разгадал загадку сфинкса. «Это человек, — сказал он. — Первый год жизни он ползает, в зрелом возрасте ходит на двух ногах, а состарившись, нуждается в посохе».

Убедившись, что его загадка разгадана, чудовище бросилось в пропасть, а жители Фив получили возможность выходить за городские стены. Благодарные фиванцы избрали Эдипа своим царем и дали ему в жены Иокасту — вдову предшествовавшего ца-

ря Лаия, незадолго перед тем убитого неизвестными разбойниками.

Прошло 15 лет. Фивы процветали под властью Эдипа, и жители славили мудрого правителя. Внезапно на страну обрушился гнев богов. В Фивах вспыхнула эпидемия чумы. Описанием страшных бедствий, вызванных болезнью, и начиналась трагедия Софокла. Трудно было придумать более волнующее зрителей начало. В этом году и в Афинах свирепствовала страшная болезнь. Слушая стихи Софокла, каждый гражданин думал о собственном горе и, следя за судьбой мудрого и справедливого Эдипа, сравнивал ее с участью Перикла, недавно еще первого гражданина Афин. Мудрый Перикл, так же как Эдип, много лет счастливо правил в родном городе. Как опытный кормчий, твердой рукой вел он Афинское государство, минуя все опасности. Но началась война со Спартой. Военные действия первый год шли так, как предполагал Перикл. Однако на второй год войны случилось то, чего ни Перикл, ни кто-либо другой не мог предвидеть: в городе началась эпидемия чумы. Эта неожиданная беда подорвала положение Перикла. Он был отстранен от руководства государством и должен был заплатить большой штраф. Несчастья преследовали Перикла: оба его сына, сестра, близкие друзья умерли от чумы. Хотя афиняне вскоре поняли, что несправедливо возлагать на Перикла ответственность за обрушившиеся на них бедствия, и снова доверили ему управление Афинами, воля и силы Перикла были подорваны, и он вскоре умер. Бедствия, обружившиеся на героя трагедии Софокла, напоминали афинянам печальную судьбу их недавнего руководителя; казалось, что Софокл в пьесе ведет речь не о далеком легендарном прошлом, а о сегодняшнем дне.

Жители Фив в трагедии Софокла, подобно афинянам, хотели узнать причину свалившейся на них беды. Они обратились к Дельфийскому оракулу, который приказал найти и изгнать до сих пор не наказанного убийцу первого мужа Иока-

сты — царя Лаия. Эдип энергично принимается за розыски. Он приказывает привести слугу, сопровождавшего покойного царя в его последней поездке. Именно этот слуга принес когда-то весть о гибели царя, якобы убитого многочисленной шайкой разбойников. Еще до того, как слуга, живший далеко в горах, пришел в Фивы, Эдип призвал знаменитого прорицателя Тиресия, про которого говорили, что он хотя и слеп, но видит больше иного зрячего. Тиресий долго отказывался помочь царю в розыске убийцы. В конце концов, рассердившись на настойчивость царя, Тиресий неожиданно объявил убийцей Лаия самого Эдипа. Эдип разгневался. Обиженные Тиресия показалось ему вздором. Иокаста, жена царя, посоветовала ему не обращать внимания на слепые слова Тиресия. Желая успокоить Эдипа, она рассказала о другом неоправданном пророчестве, сделанном ее первому мужу. Дельфийские жрецы предрекли ему гибель от руки собственного сына. Когда у них родился мальчик, продолжала Иокаста, жестокий отец приказал бросить ребенка на съедение диким зверям. Но вот Лаия убил вовсе не сын, а шайка разбойников на перекрестке трех дорог, и Иокаста до сих пор оплакивает своего напрасно загубленного ребенка.

Рассказ жены не успокоил Эдипа. В его памяти встала полузабытая картина схватки, которую ему пришлось выдержать по пути в Фивы на перекрестке трех дорог. Эдип расспрашивает жену, как выглядел Лаий, и в ее описании с ужасом обнаруживает сходство ее покойного мужа с тем высоким человеком, который сидел в колеснице. Впервые у Эдипа появляется подозрение, что, разыскивая убийцу Лаия, он ищет самого себя. Одно только успокаивает Эдипа: ведь единственный спасшийся спутник Лаия утверждал, что царь и его спутники убиты многочисленной шайкой разбойников, Эдип же сражался один против пяти. Теперь с еще большим нетерпением ждет Эдип единственного свидетеля, который может подтвердить или опровергнуть его подозрения.

Со страхом ожидают Эдип и Иокаста решения своей судьбы. Это — апогей трагедии, момент наивысшего напряжения, который Софокл искусно продлил умышленным замедлением действия. Вместо ожидаемого слуги Лаия к дворцу Эдипа подходит вестник, прибывший из Коринфа. Он сообщает, что умер коринфский царь Полиб и жители просят Эдипа вернуться и править ими.

Хотя Эдип и был опечален смертью своего любимого отца, в его душе проснулась надежда. Предсказание Дельфийского оракула не исполнилось, не он, Эдип, убил Полиба. Наверно, и Лайи пал не от его руки. Эдип решил отклонить предложение коринфян стать их царем. Оставалась ведь вторая часть предсказания: брак Эдипа с родной матерью. Эдип поделился своими опасениями со стариком, принесшим ему известие о смерти Полиба.

Услышав слова Эдипа, старик засмеялся; сейчас он освободит Эдипа от страха, преследующего его всю жизнь, дав ему великое счастье — право вернуться на родину. И старец сообщает ошеломленному Эдипу, что Полиб вовсе не был его отцом, а жена Полиба — матерью. Много лет назад старец служил пастухом у коринфского царя Полиба. В лесу он встретил незнакомца, который передал ему младенца. Пастух отдал ребенка своему царю, тот усыновил его и назвал Эдипом.

Старик удивлен тем, что его слова не обрадовали Эдипа. Отчего так испугалась Иокаста, жена Эдипа? Для нее теперь все ясно: она хорошо помнит, как жестокий Лайи, когда ему предсказали, что он умрет от руки рожденного ею сына, передал его пастуху и приказал бросить его в горах, в лесной чаще. Она умоляет мужа прекратить дальнейшие расспросы. «Довольно того, что я страдаю», — убеждает она Эдипа. Но царь неумолим, он должен довести расследование до конца и избавить Фивы от чумы. В этом его долг правителя.

Наступает трагическая развязка. Приходит вызванный Эдипом свидетель смерти Лаия. Он испуган предстоящим допро-

сом: чтобы оправдать свое позорное бегство, он тогда прибег к обману, придумав рассказ о нападении разбойников. Увидев коринфского вестника, слуга испугался еще больше. Он понял, что ему грозит еще одно наказание: именно он нарушил когда-то приказ Лаия, велевшего ему бросить на съедение диким зверям своего новорожденного младенца. Он пожалел ребенка и отдал его пастуху из соседней страны. Слуга был уверен, что никогда больше не увидит ни этого пастуха, ни младенца. И вот теперь в прибывшем из Коринфа вестнике он узнает человека, взявшего из его рук сына Лаия. Отпираться бесполезно. Вестник тоже узнал его. Но Эдип не собирается наказывать слугу, ему стало ясно, что он сын Лаия и Иокасты. Может ли он, убийца отца, женатый на родной матери, осуждать кого-либо? Есть ли на свете более тяжелые преступления? Все предсказания Дельфийского оракула исполнились. Иокаста не в силах вынести позор, на который ее обрекла судьба, она убивает себя. Эдип, сорвав застежку с одежды Иокасты, выкалывает себе глаза. Он считает, что не имеет права уйти из жизни, а должен нести расплату за невольно совершенные преступления. Эдип обрекает себя на слепоту, чтобы не смотреть на причиненное им людям горе. Он гордо идет навстречу своему страшному будущему, не прося пощады, уверенный, что еще будет полезен людям и искупит совершенное им зло.

В конце трагедии хор фиванских старцев поет:

Вот пример для вас -- Эдип:

Он загадок разрешитель и могущественный царь;

Тот, на чью судьбу, бывало, каждый с завистью глядел,

Он низвергнут в море бедствий, в бездну страшную упал!

Значит, смертным надо помнить о последнем нашем дне!

И назвать счастливым можно, очевидно, лишь того,

Кто достиг предела жизни, злого горя не познав.

Эту же тему всесилья судьбы Софокл разрабатывает и в других трагедиях. В «Антигоне» рассказывается о судьбе старшей дочери Эдипа — фиванской царевны Антигоны. Сыновья Эдипа Этеокл и Полиник смертельно враждовали друг с другом. Этеокл захватил власть в Фивах. Тогда Полиник со своими друзьями начал войну против родного города. В поединке под стенами Фив оба брата погибли. Новый царь Креонт приказал лишить Полиника погребения, так как он воевал против своей родины. Однако сестра Полиника, доблестная Антигона, несмотря на царский запрет, воздала брату погребальные почести. За ослушание Креонт приговорил ее к смерти. Слепой прорицатель Тиресий явился к Креонту и поведал ему, что боги разгневались на него за его чудовищную жестокость. Тогда Креонт приказывает освободить Антигону, но уже поздно — Антигона покончила с собой. Узнав о ее гибели, сын Креонта — жених Антигоны — на глазах отца покончил с собой, бросившись на меч. Этого несчастья не могла перенести его мать — жена Креонта, она тоже кончила жизнь самоубийством.

Антигона сознательно избрала путь, который привел ее к гибели. Софокл одобряет ее решение, ибо она подчиняется неписаному нравственному закону. Антигона сохраняет верность родственным узам и не отрекается от брата, хотя тот и совершил преступление. Греки верили, что душа человека, лишенного погребения, обречена на вечные муки. Поэтому они считали, что Антигона совершила героический поступок. Она победила страх смерти и доказала свою верность нравственным принципам, которые, с точки зрения греков, выше и важнее жестоких распоряжений правителей. В «Антигоне» Софокл утверждает нравственное величие человека. Хор поет:

В мире много сил великих,

Но сильнее человека

Нет в природе ничего!

Софокл написал еще много прекрасных трагедий. Сюжеты для них он черпал из сказаний о Троянской войне, мифов о под-

вигах Геракла и странствиях аргонавтов.

Трагедии Софокла поражали четкостью построения и ясностью мысли, которую он хотел внушить своим согражданам. Восхищает то искусство, с которым поэт рисует образы своих героев: как мужчины, так и женщины в его пьесах глубоко человечны. Афиняне очень любили произведения Софокла, любили также его самого и его семью. В афинском театре при жизни Софокла ставили трагедии его родственников — двух сыновей, племянника и даже внука. Бывало, что народ присуждал награду не великому трагику, а его молодым соперникам, но не это расстраивало Софокла.

Как многие люди, для которых основными являются духовные ценности, Софокл не интересовался житейскими благами. Он мало тратил на себя и так же скупко содержал своих сыновей. Афиняне стали посмеиваться над его скарсностью. Позднее возникла даже легенда, что сыновья Софокла обратились в суд, требуя отстранения престарелого отца от управления семейным имуществом. Странности отца они объясняли старческим слабоумием. Софокл будто бы сказал судьям: «Если я Софокл, то я не слабоумен, если же я слаб умом, то значит, что я — не Софокл». Затем вместо защитительной речи Софокл прочел судьям только что законченную свою последнюю пьесу «Эдип в Колоне». Выслушав ее, судьи еще раз удивились таланту и глубокому уму Софокла и не только не осудили его, но объявили пощадку его сыновьям. Сыновья устыдились, и последние годы жизни Софокла уже не были омрачены семейными распрями. Сыновья даже воздвигли на собственннй счет статую отца в Афинах с надписью, прославляющей его талант и мудрость.

Софокл умер в конце Пелопоннесской войны в возрасте около 90 лет и был похоронен в семейном склепе на дороге из Афин в родной Колон. Всего несколько лет не дождал Софокл до поражения Афин в Пелопоннесской войне. Погибло все то, что он так любил. Но его трагедии пережили века и до сих пор доставляют наслаждение людям.

Афинский государственный деятель и великий оратор Демосфен всю свою жизнь посвятил родине и умер, борясь за ее свободу. Он родился в Афинах в 384 г. до н. э. Его отец (которого тоже звали Демосфеном) имел оружейную мастерскую и был богатым человеком.

Когда мальчику исполнилось 7 лет, отец умер, оставив в наследство будущему оратору и его пятилетней сестре крупное состояние.

Воспитание ребенка было поручено матери и ее братьям, которые стали опекунами ребенка. Опекуны, однако, оказались людьми недобросовестными. Они не платили учителям, не заботились об образовании детей и их здоровье.

Когда Демосфен достиг совершеннолетия, опекуны отдали ему только дом и рабов, а большую часть денег и имущества присвоили себе. Молодой человек сначала пытался уговорить опекунов добровольно вернуть наследство, но те отказались. Тогда он решил возратить похищенные деньги через суд. Чтобы добиться успеха в суде, необходимо было оспознательное знание афинских законов, а главное — умение хорошо и убедительно говорить.

В то время, при демократическом строе, почти каждому афинскому гражданину приходилось выступать в суде и в народном собрании. Выдающиеся ораторы пользовались всеобщим уважением, их выбирали на почетные должности в государстве и отправляли послами в чужие страны. В Афинах появилось много людей, которые

учили красноречию: как побеждать в спорах, как сделать слабый довод более сильным.

Самыми выдающимися учителями красноречия в то время были Исократ и Исей. Исократ содержал на дому школу красноречия, но Демосфен не мог посещать занятий, так как плата за обучение была слишком высокой. Тогда он обратился к Исею, в то время лучшему адвокату по делам о наследствах.

Четыре года молодой человек прилежно учился у Исея и заплатил ему за обучение большую сумму денег. За это время он хорошо познакомился с произведениями всех выдающихся писателей. Особенно внимательно он изучал сочинения знаменитого историка Фукидида и философа Платона¹. «Историю» Фукидида будущий оратор знал почти наизусть, так как переписал ее собственноручно 8 раз.

Окончив ученис, Демосфен начал судиться с опекунами. Суд тянулся более 5 лет. Опекуны всячески старались избежать ответственности: они уничтожили завещание отца Демосфена и другие важные документы. В конце концов опекуны были осуждены, однако Демосфену все-таки не удалось целиком вернуть свое наследство.

Тяжелая многолетняя борьба с опекунами закалила характер будущего оратора, развила в нем упорство и настойчивость. Выступать перед народом Демосфен мечтал еще мальчиком. Как-то в ранней юности он упросил своего воспитателя взять его на заседание суда. Мальчик видел, как толпа рукоплескала знаменитому оратору,

¹ Фукидид — афинский историк и государственный деятель V в. до н. э., написал историю Пелопоннесской войны, участником которой он был. Платон (около 428—348 гг.

до н. э.) — знаменитый философ, ученик Сократа. Свои сочинения Платон писал в форме диалогов.

и удивлялся силе его красноречия, которое покорило всех. С этих пор он забросил все другие занятия и игры и стал усиленно упражняться в красноречии. Он решил стать оратором.

Но прежде чем выступать перед народом, Демосфену, по примеру своего учителя, пришлось писать судебные речи для других. Такое занятие хорошо оплачивалось, и молодой человек смог не только содержать свою мать и сестру, но и сделать некоторые сбережения.

Однако составление речей для других не удовлетворяло юношу. Ему хотелось посвятить свою жизнь общественной деятельности.

Первое выступление молодого оратора перед народом кончилось печально: шум, смех и шиканье толпы не дали ему закончить речь. Эта неудача была совершенно естественна, так как Демосфен имел очень слабый голос, говорил невнятно, слегка заикался, картавил; к тому же у него была дурная привычка подергивать во время речи плечом, да и вообще он совершенно не умел держаться перед публикой.

Вторая его попытка выступить с речью тоже оказалась неудачной. Упав духом, прикрыв от стыда лицо плащом, спешил он домой и сначала даже не заметил, что следом за ним пошел его друг, известный афинский актер. Они пошли вместе. Демосфен начал горько жаловаться другу на свои неудачи и говорил, что народ не ценит и не понимает глубокого содержания его речей. «Все это так, — отвечал актер, — но я попробую помочь твоему горю. Прочти мне какой-нибудь отрывок из Софокла или Еврипида¹. Демосфен прочел. Когда он окончил, актер повторил то же самое, но настолько выразительно, что Демосфену показалось, будто он слышит совсем другие стихи. Он понял, как много красоты придает речи выразительность, которой ему так не хватало. С удвоенным усердием он принялся за работу.

Демосфен решил во что бы то ни стало исправить недостатки своей речи. Чтобы никто ему не мешал, он уединился, обрил себе полголовы и не выходил из дома, пока волосы не отросли. По нескольку часов в день он занимался упражнениями, исправляя неясность своего произношения. Он набирал в рот камешков и старался говорить громко и ясно; чтобы научиться произносить звук «р», он брал щенка, слушал его рычание и повторял звуки. Он приучил себя громко произносить стихи, когда поднимался в гору или гулял по берегу моря, стараясь заглушить своим голосом шум ветра и волн.

После долгих и упорных усилий Демосфен достиг своей цели и стал превосходным оратором. Однако он никогда не говорил без подготовки, а всегда выучивал написанную заранее речь; по ночам при свете лампы он старательно готовился к выступлению, тщательно обдумывал каждое слово. Все это впоследствии дало повод противникам великого оратора упрекать его в отсутствии вдохновения и природных способностей.

Но даже враги признали в конце концов силу и мастерство его выступлений. В его речах необыкновенная простота выражения соединялась с величайшей силой чувства и мысли, ясностью и убедительностью. Демосфен всегда строго держался главного предмета, не любил пустой болтовни. Он то говорил спокойно, действуя на разум слушателей, то покорял их силой чувства, передавая им свою горячую веру в правоту защищаемого дела.

Когда Демосфену исполнилось 30 лет, он начал принимать участие в государственных делах и всю силу своего ораторского дарования обратил против самого опасного врага независимости Греции — македонского царя Филиппа. Любовь к родине вдохновляла его на борьбу против македонян и их многочисленных пособников.

Еще недавно Македония была слабым и отсталым государством, с которым греки

¹ Софокл и Еврипид — знаменитые поэты, писавшие для театра. См. выше биографию Софокла.

мало считались. Царь Филипп, правивший с 359 по 336 г. до н. э., объединил страну и организовал большую, прекрасно вооруженную армию. В руках талантливого полководца она стала грозной силой.

Внутреннее положение Греции в это время было благоприятным для вмешательства Македонии: греки вели между собой постоянные войны, афины воевали с союзниками, фиванцы — с фокейцами, а спартанцы — с государствами Пелопоннеса.

Царь Филипп использовал раздоры греков: он всюду имел своих сторонников и агентов. В случае необходимости царь не брезговал и подкупом. «Осел, нагруженный золотом, возьмет любую крепость», — говорил Филипп.

Сперва Филипп подчинил Фессалию и укрепился в Северной Греции. Но это было только начало. Через некоторое время македонянам удалось захватить все афинские владения во Фракии, и они готовились к вторжению в Среднюю Грецию.

Быстрые успехи Филиппа облегчались еще и тем, что вся Греция была разделена на два лагеря ожесточенной борьбой между богатыми и бедными. Бедняки всюду открыто требовали раздела земли и имущества богачей. Богатые рабовладельцы смотрели на Филиппа как на спасителя от наступающих бедняков. Они предпочитали лучше подчиниться Македонии, чем отдать свои богатства народу. При македонском господстве, думали они, можно будет спокойно владеть своим имуществом и рабами, не опасаться народных восстаний.

Демосфен понимал, какую опасность для Афин и Греции представляют Македония и ее царь, и возглавил партию патриотов, противников Филиппа.

В Афинах в это время власть была в руках сторонников Македонии. Во главе македонской партии стояли Евбул и известный оратор Эсхин.

Евбул был за мир во что бы то ни стало. Он не хотел видеть опасности, грозив-

шей со стороны македонского царя. Евбул надеялся успокоить народные массы, раздавая народу деньги, получаемые от разработки государственных рудников. Демосфен боролся с Евбулом и призывал народ отказаться от подачек ради спасения родины. «Богатые, — говорил он, — бросают народу подачки за счет государства, а сами уклоняются от государственных повинностей». Оратору удалось убедить народ, что государственные деньги понадобятся на борьбу с Македонией и их нельзя тратить преждевременно.

Демосфен постоянно выступал теперь с пламенными речами, стараясь пробудить в афинянах патристические чувства. Его знаменитые речи против царя Филиппа называли филиппиками (и в наше время страстные обвинительные речи тоже часто называют филиппиками).

После захвата Фракии Филипп стал угрожать самому крупному городу на Халкидике¹ — Олинфу. В Афины прибыли послы олинфян с просьбой о помощи. Демосфен горячо поддержал олинфян: он произнес три речи в народном собрании в поддержку Олинфа. Хотя постановление о посыле войска в Олинф и было принято, помощь запоздала. Царь Филипп захватил город, а жителей продал в рабство.

Затем Филипп предложил афиныям мир. Афинские послы — Филократ и Эсхин — были подкуплены царем и, несмотря на противодействие Демосфена, заключили мир на невыгодных для Афин условиях (346 г. до н. э.). Вскоре после этого, не обращая внимания на заключенный мир, Филипп разгромил союзника Афин — Фокиду².

Тогда, наконец, афиныяне стали готовиться к решительному отпору Македонии. Демосфен был выбран первым стратегом и стал во главе государства. Филократа обвинили в измене, и он был заочно приговорен к смерти. Демосфен выступил и против другого посла — Эсхина, обвиняя его в измене и продажности. Эсхин искусно за-

¹ Халкидика — полуостров на северном побережье Эгейского моря.

² Фокида — область в Средней Греции, неподалеку от Дельфийского оракула.

щищался и был оправдан, хотя и незначительным числом голосов. Это было время наибольших успехов и славы Демосфена.

Афиняне не могли одни справиться с грозным врагом, поэтому Демосфен стремился создать общегреческий союз против Македонии. Во главе афинского посольства он объехал многие греческие государства, везде произнося страстные речи и побуждая греков к объединению. «Сила македонян, — говорил он, — в слабости и разрозненности греков; если все греки будут едины, то Филипп не осмелится напасть на нас». Население греческих городов с восторгом внимало великому оратору, и вскоре Коринф, Мегары и другие города Пелопоннеса вступили в союз с Афинами.

Филипп между тем пристально наблюдал за положением в Греции. Пока велись переговоры об объединении, пришла грозная весть: войско Филиппа вступило в Среднюю Грецию и заняло крепость Элагею — важный пункт на пересечении дорог из Фив в Аттику. Наступил решительный момент борьбы. Многое зависело теперь от того, на чью сторону встанут Фивы — одно из сильнейших государств Средней Греции.

Демосфен во главе афинского посольства прибыл в Фивы с предложением союза против Филиппа. Но Филипп опередил его: в Фивах уже находились македонские послы, которые, не скупясь на обещания, всячески отговаривали фиванцев от союза с Афинами. Однако Демосфен добился блестящего успеха. Его вдохновенные речи, в которых он призывал к мужеству и напоминал о славе и чести Греции, решили дело: фиванцы вступили в союз с афинянами против общего врага. К этому союзу примкнули многие греческие государства. Еще раз Греция объединилась и гордо подняла голову.

Летом 338 г. до н. э. разыгралось сражение при Херонее. От его исхода зависела судьба Греции.

Армия Филиппа состояла из 30 тысяч пехотинцев и 2 тысяч всадников. Числен-

ность войска союзников была несколько меньше. На рассвете обе армии двинулись друг на друга. Правым крылом македонского войска командовал сам Филипп, левым — его восемнадцатилетний сын Александр, будущий великий полководец, а центром — опытный военачальник Антипатр.

Началось яростное сражение. Долгое время военное счастье не клонилось ни в ту ни в другую сторону. Решающего успеха первым добился Александр: его воины нанесли сокрушительный удар «священному отряду» фиванцев.

На правом крыле афиняне прорвали ряды македонцев и потеснили их. Преследуя врага, афиняне, упоенные успехом, расстроили свои ряды. Увидя это, Филипп, наблюдавший с холма за ходом боя, воскликнул: «Неприятель умеет сражаться, но не умеет побеждать». Он быстро перестроил своих воинов и ринулся на афинян. Те дрогнули, и все греческое войско стало отступать.

Македоняне одержали решительную победу. В этой битве афиняне потеряли убитыми тысячу человек, а 2 тысячи попало в плен.

Демосфен сражался рядовым гоплитом и отступил с поля боя вместе с войском. За это впоследствии оратор Эсхин обвинил его в трусости. Афинский народ, однако, не поверил клевете и в знак своего доверия Демосфену поручил ему произнести надгробную речь в память павших при Херонее. Это считалось высокой честью.

Известие о поражении при Херонее произвело потрясающее впечатление на афинян. Народное собрание призвало мужчин немедленно готовиться к обороне, а женщин и детей из деревень укрыться за стенами города. Кто-то предложил освободить рабов и дать права гражданства иностранцам, которые будут сражаться за Афины. Но даже в столь опасный момент афинское народное собрание не решилось на такую крайнюю меру.

Демосфен вместе со своими сторонниками организовал защиту города, поголовно

вооружил граждан, укрепил городские стены.

Грозная опасность, к счастью, миновала: вскоре удалось заключить мир на сравнительно приемлемых условиях. Филипп оставил Афинам флот и все находившиеся под их властью города (кроме Херсонеса Фракийского). Были возвращены все пленные.

Греческие государства потеряли свободу и независимость, власть везде переходила в руки богачей, сочувствовавших Македонии.

В Афинах подняли голову явные и тайные сторонники Филиппа. Они стали чуть ли не ежедневно возбуждать обвинения против Демосфена и других представителей народной партии.

Царь Филипп между тем собрал общегреческий съезд в Коринфе, на котором торжественно провозгласил создание нового общегреческого союза под своим руководством. Главной целью нового (Коринфского) союза была организация общегреческого похода на Персию, под предлогом отмщения за разорение Греции в годы греко-персидских войн.

В разгар приготовлений к походу, в 336 г. до н. э., царь Филипп был убит.

Демосфен получил известие о смерти Филиппа, когда народ еще не знал об этом. Он явился в народное собрание и радостно объявил, что видел сон, предвещающий афинянам великое счастье. Вскоре пришла весть о смерти Филиппа. Народное собрание постановило принести богам благодарственные жертвы. Великий оратор в тот же день пришел в собрание в праздничной одежде, с венком на голове, хотя собственную его семью постигло горе: всего несколько дней назад умерла его дочь. Но народную радость Демосфен ставил выше личного горя.

Снова к власти был призван Демосфен. Во всех городах Греции поднялось движение против македонян и пробудились надежды на свободу. Афиняне послали посольство в Фивы и другие греческие го-

сударства с предложением союза против Македонии. Афины вступили в сношения также с персами, побуждая их немедленно начать войну с сыном Филиппа Александром. Демосфен полагал, что с наследником Филиппа, мальчишкой и дурачком, как он называл Александра, справиться будет легче.

Вопреки ожиданиям, Александр быстро покончил со своими противниками в Македонии и Фессалии и заставил греков в Коринфе признать себя вождем общегреческого войска, созданного для похода на Персию. Однако ему еще пришлось предпринять поход на север, против восставших на Балканском полуострове племен, которые угрожали границам Македонии.

Пользуясь отсутствием Александра, первыми восстали фиванцы, а за ними другие греческие государства. Фиванцы осадили стоявший у них македонский гарнизон и многих воинов перебили.

Неожиданно Александр появился в войском под стенами Фив. Город был взят и разрушен до основания. Пощадили только дом, в котором когда-то жил знаменитый поэт Пиндар¹. Уцелевшие жители, числом около 30 тысяч человек, были проданы в рабство.

В Афинах царило страшное смятение: ожидали, что Александр начнет осаду города. Однако изъявлением полной покорности удалось выпросить пощаду у победителя. Александр только потребовал у афинян выдачи Демосфена и других противников Македонии.

Демосфен пришел в народное собрание и рассказал народу басню об овцах, вылавших своих собак волкам, после чего овцы превратились в легкую добычу. Себя самого и своих товарищей он сравнил с собаками, а Александра называл волком. К счастью, внимание македонского царя было отвлечено приготовлениями к персидскому походу, и он не стал настаивать на своем требовании. Демосфен и его друзья остались в Афинах.

¹ Великий беотийский поэт (около 518—438 гг. до н. э.), автор многочисленных од и гимнов.

Выступив в поход против Персии во главе 30 тысяч пехотинцев и 5 тысяч всадников, Александр победил персов в сражениях при Гранике и Иссе (334—333 гг. до н. э.); затем он наголову разгромил персидское войско при Гавгамелах (на берегу реки Тигр), завладел Вавилоном и огромными сокровищами персидских царей.

Между тем в Афинах к власти опять пришла македонская партия. Теперь противники Демосфена сочли, что настало подходящее время с ним расправиться. Дело в том, что несколько лет назад один из сторонников народной партии предложил увенчать Демосфена золотым венком за большие заслуги перед родиной. Народное собрание согласилось с этим и постановило наградить Демосфена. Сторонники Македонии возражали, а Эсхин даже внес жалобу на это постановление в суд присяжных. Он доказывал, что Демосфен не заслуживает такой высокой награды.

Демосфен вынужден был защищаться. Суд превратился в поединок двух самых знаменитых ораторов Афин. Враги Демосфена не учли, однако, настроения народа, который видел в Демосфене защитника своей независимости.

Суд начался при огромном стечении народа. Эсхин произнес обвинительную речь, полную несправедливых нападок на Демосфена. В знаменитой защитительной речи «О венке» великий оратор рассказывал обо всей своей деятельности на благо народа, родины и ярко обрисовывал предательское поведение Эсхина. Несмотря на давление со стороны противников, судьи вынесли справедливый приговор. Эсхин был подвергнут денежному штрафу и должен был уйти в изгнание. Успех речи «О венке» был не только победой Демосфена, но и торжеством патриотических сил в Афинах и во всей Греции.

В результате победы на суде влияние Демосфена на государственные дела возросло. Однако теперь, наученный горьким опытом, он действовал осторожно. Он ви-

дел силу врагов и отсутствие единства у греков, а поэтому старался удерживать сограждан от необдуманных выступлений против македонян. Так, например, афиняне по его совету не поддерживали восстания спартанцев, и оно было быстро подавлено македонянами.

Александр между тем всецело был занят азиатскими делами, предоставив полностью распоряжаться в Греции своему полководцу Антипатру. Однако он прислал в Грецию два повеления: во-первых, он потребовал почитать себя богом и, во-вторых, приказывал всем греческим государствам вернуть своих изгнанников. Над первым повелением греки смеялись, но выполнили его, а последнее вызвало сильное негодование. Дело в том, что изгнанниками были сторонники Македонии, ненавистные народу. В это время произошло событие, которое роковым образом отразилось на судьбе Демосфена.

Казначей Александра Гарпал, воспользовавшись долгим отсутствием царя (тот начал тогда поход в Индию), похитил огромную казну персидских царей. На эти деньги он набрал 6 тысяч наемников и с 30 кораблями неожиданно прибыл в афинскую гавань Пирей. Деньгами казначей пытался привлечь на свою сторону афинских государственных деятелей. Он внушал им надежду, что, используя эти богатства, они смогут добиться независимости Греции. Некоторые предлагали взять деньги Гарпала и начать всеобщее восстание против македонян. Однако Демосфен высказался против этого.

Гарпала не допустили в Афины, и он вынужден был искать себе убежище на юге Пелопоннеса. Там он оставил свое войско и большую часть сокровищ, а сам, захватив с собой 750 талантов (более миллиона рублей)¹, вернулся в Афины. Теперь он уже просил только предоставить ему убежище.

Между тем Антипатр и мать Александра Олимпиада потребовали у афинян выдачи

¹ Талант — около 1500 рублей.

похитителя казны. По предложению Демосфена, Гарпал был задержан, а привезенные им деньги положили на сохранение в Акрополь, чтобы вернуть их потом Александру. Гарпалу удалось бежать на остров Крит, где он вскоре был убит.

Когда произвели подсчет захваченных у Гарпала денег, то оказалось, что из привезенной им суммы осталось всего лишь 350 талантов; остальные деньги куда-то пропали. Демосфен предложил произвести строгое расследование. Несмотря на множество обысков, денег не нашли.

Демосфен и некоторые другие лица были привлечены представителями македонской партии к суду по ложному обвинению в расхищении денег, подкупе и устройстве побега Гарпалу. Под давлением противников суд признал Демосфена виновным и присудил его к уплате 50 талантов. Так как он не мог заплатить такой огромной суммы, то его заключили в тюрьму. Друзья вскоре помогли ему бежать, и он нашел убежище недалеко от Афин, на острове Эгине.

Демосфен мучительно переживал свое изгнание, здоровье его было расшатано. Он горько жаловался друзьям на несправедливость приговора. Все, что нам известно о жизни и поведении Демосфена, убеждает в его невиновности. Человек бескорыстный, он был неспособен на бесчестные поступки.

Однако изгнание Демосфена оказалось непродолжительным. Неожиданно пришло известие о кончине Александра в Вавилоне (323 г. до н. э.).

Смерть Александра послужила сигналом для начала освободительного движения во всей Греции. Народные ораторы произносили в Афинах патриотические речи, убеждая сограждан сбросить македонское иго. Из Афин было направлено посольство в Пелопоннес, чтобы побудить пелопоннесские государства примкнуть к борьбе за свободу.

Афинское народное собрание постановило вернуть любимого оратора из изгнания. За ним был послан на остров Эгину

государственный корабль. Когда Демосфен вступил на родную землю, ему устроили в афинской гавани Пирее всенародную торжественную встречу как национальному герою. Впоследствии Демосфен говорил, что это был самый счастливый день в его жизни.

Демосфен возглавил сопротивление македонянам. Началась война, которая вначале шла успешно для афинян. Афинский полководец Леосфен во главе 8 тысяч воинов двинулся в Фессалию против македонского полководца Антипатра; по пути к афинянам присоединились жители общин Средней и Северной Греции — этолийцы и фессалийцы. Союзники одержали победу, а Антипатр с остатками своего войска заперся в крепости Ламии (в Фессалии). Во время осады Ламии афиняны постигло тяжкое несчастье: погиб Леосфен.

После смерти война затянулась и приняла неблагоприятный для афинян оборот. Союзное войско состояло из граждан разных греческих государств и наемников. Сперва начались разногласия среди союзников, а потом стали разбегаться наемники, которым неаккуратно платили жалованье.

На помощь осажденному Антипатру пришли свежие македонские войска. Афиняне храбро выступили навстречу и нанесли им поражение. Однако из Македонии подошли новые подкрепления. Теперь перевес в силах оказался на стороне македонян. Кроме того, афинский флот дважды потерпел поражение, и морское могущество Афин было сломлено.

Македонянам удалось склонить некоторых союзников Афин к заключению мира. Афиняне остались почти в одиночестве. Все же они решились дать последний бой. Он произошел в августе 322 г. до н. э. у города Краннона (Фессалия). Афиняне потерпели поражение, хотя и не такое решительное, как при Херонее.

Пришлось заключить мир, условия которого продиктовали победители: афиняне должны были уплатить Македонии за издержки войны и допустить в свою гавань

македонский гарнизон. Демократия в Афинах уничтожалась, и только несколько тысяч богачей сохраняли право управлять городом. Демосфен и некоторые другие вожди демократии были приговорены к смерти.

Демосфену удалось бежать на остров Калаврию (у берегов Пелопоннеса), где он укрылся в храме Посейдона.

Нашлись предатели, которые добровольно взялись за розыски беглецов. Среди этих предателей наибольшей низостью отличался некто Архий, бывший прежде актером, — он даже получил прозвище «охотника за беглецами». Узнав, что Демосфен находится на острове Калаврии в храме Посейдона как «молящий о защите»¹, Архий прибыл туда с фракийскими наемниками и лицемерно предложил Демосфену отправиться с ним к Антипатру, уверяя, что тот не сделает ему ничего дурного. В ответ Демосфен сказал: «Прежде ты не мог, Архий, растрогать меня своей игрой в театре, а теперь ты не обманешь меня своими обещаниями! Подожди немного, мне

надо кое-что написать родным». С этими словами Демосфен ушел внутрь храма, взял тростниковое перо, как бы собираясь писать, затем поднес перо ко рту и прикусил его, как он обыкновенно делал, когда обдумывал что-нибудь, готовясь писать. В тростниковом пере был спрятан сильнодействующий яд, который Демосфен и проглотил. Переступив порог храма, он пошатнулся и упал мертвым. Это произошло 12 октября 322 г. до н. э.

Так погиб Демосфен, не пожелавший пережить порабощения родины, за свободу и независимость которой он боролся до последнего вздоха.

Вскоре афиняне воздвигли Демосфену медную статую на городской площади. Демосфен был представлен на ней со скорбным выражением лица и сжатыми в отчаянии руками. Надпись на постаменте гласила:

Если бы мѡшь, Демосфѣн, ты имѣл
такую, как разум,
Власть бы в Элладѣ не смѡгъ взять македонский Арей².

¹ Храмы в древности считались священными местами. Поэтому тот, кто вошел в храм и обратился к божеству с мольбой о защите, считался неприкосновенным: его нельзя было арестовать, пока он находился в святилище — у алтаря или статуи бога.

² Арей (Арес) — бог войны у древних греков. Македонским Ареем здесь назван македонский царь — Филипп или Александр.

Александр Македонский по отцовской линии считал себя потомком Геракла, а по материнской — Эака, деда знаменитого Ахилла, самого доблестного из греческих воинов, сражавшихся под Троей. Возводить свое происхождение к мифическим героям было принято у греков, и македонские цари, подражая грекам, тоже придумывали себе легендарные родословные.

Отец Александра Филипп II установил господство Македонии в Греции, а его мать Олимпиада была дочерью одного из влассителей Эпира — области на северо-западе Эллады.

Рассказывают, что Александр родился в тот самый день, когда грек Герострат, стремившийся хоть чем-нибудь прославить свое имя, сжег храм богини Артемиды, считавшийся одним из семи чудес света (356 г. до н. э.).

Уже в детстве Александру были свойственны безграничное честолюбие, смелость и вера в свои силы. В отличие от отца, он стремился только к военной славе. Филипп одинаково гордился военной доблестью, своим ораторским талантом или победами своих коней на Олимпийских играх. Характер сына отличался высокомерием. Когда друзья однажды спросили Александра, не хочет ли он принять участие в Олимпийских состязаниях, он ответил: «Охотно, если мне придется соревноваться с царями».

Каждый раз, когда приходило известие о новой победе македонян, одержанной Филиппом, Александр с беспокойством говорил товарищам: «Боюсь, что отец совершит все сам и не оставит на нашу долю ни одного славного подвига!»

Отвага Александра проявилась уже в ранней юности. Однажды Филиппу предложили купить коня, прозванного за сходство его головы с головой быка Буцефалом¹. Филипп вместе с сыном отправился осмотреть лошадь. Конь оказался совершенно диким, поминутно вставал на дыбы, бил копытами и кусался. Никто не решался даже подойти к нему. Филипп отказался от покупки и приказал увести лошадь. Александр — ему тогда было 14 лет — раздраженно крикнул: «Вы все трусы, раз отказываетесь от такого великолепного коня!» Филипп рассердился на дерзость мальчика и предложил сыну самому укротить Буцефала.

Александр смело направился к коню, схватил его за узду и повернул против солнца, так как заметил, что животное пугается собственной тени. Затем юноша некоторое время оглаживал коня и бежал рядом с ним, давая ему привыкнуть к себе. Заметив, что лошадь устала и стала тяжело дышать, Александр, скинув плащ, вскочил на нее. Конь рванулся, пытаясь сбросить всадника. Крепко держась, Александр дал коню полную волю, выжидая, пока он еще более утомится. Когда лошадь привыкла к всаднику, мальчик заставил ее повиноваться поводьям. Так был укрощен Буцефал, ставший затем верным товарищем македонского завоевателя во всех его походах. Когда Александр, сияя от гордости, подъехал к отцу на присмирившем коне, все разразилось криками восторга, а Филипп обнял его и прослезился от радости. «Дитя мое, — сказал он, — ищи себе более подходящего царства. Македония для тебя слишком мала».

Образование сына Филипп поручил ве-

¹ Буцефал (в греческом произношении Букефал) означает «бычьеголовый».

личайшему ученому того времени Аристотелю¹. Ученый сумел привить способному мальчику не только интерес к военному делу и политике, но и увлечь его медициной и естественными науками. Впоследствии царь всегда сам лечил болезни своих приближенных и любил назначать им лекарства или диету.

С детства Александр пристрастился к чтению и даже во время самых трудных походов перечитывал свои любимые книги. С поэмой Гомера «Илиада» македонский завоеватель не расставался никогда. У него был список «Илиады», исправленный самим Аристотелем и хранившийся в роскошной шкатулке под подушкой. Александр утверждал, что не знает лучшего руководства для ведения войны.

Кроме Аристотеля, у Александра были воспитатели из македонской знати. Они старались закалить юношу, приучали его к умеренности в пище и питье. Александр впоследствии с благодарностью вспоминал, как его воспитатель Леонид приходил к нему в спальню и заглядывал даже под одеяло, чтобы отобрать у мальчика лакомства, которыми мать баловала маленького сына. Наставникам удалось добиться желаемых результатов. Юноша рос умным и развитым не по летам.

Однажды в отсутствие отца Александру пришлось принимать персидских послов. Персы были поражены гибкостью ума и обширностью знаний юноши. Они утверждали даже, что блестящие способности Филиппа намного уступают талантам Александра.

Ему было всего 16 лет, когда Филипп, отправляясь в поход, поручил сыну управление всей Македонией. Сын оправдал надежды отца: он справился с восстанием фракийских племен и основал в усмирённой стране несколько городов, которые он назвал Александрополями (городами Александра).

В битве при Херонее (338 г. до н. э.), в которой Филипп разгромил объединённые силы греков и покончил с независимостью греческих государств, Александр командовал левым крылом македонской армии. Царь радовался удачам сына и не чаял в нем души. Однако вскоре отношения Александра с отцом испортились. Филипп развелся с матерью Александра Олимпиадой и вступил в брак со знатной македонской девушкой Клеопатрой. Честолюбивый Александр, привыкший считать себя единственным законным наследником, опасался, что этот брак может отразиться на его судьбе: если родится мальчик, Филипп может передать ему царскую власть, минуя старшего сына.

Отношения между отцом и сыном стали настолько плохими, что Александр вынужден был вместе с матерью уехать из Македонии. Это было невыгодно Филиппу. Отъезд жены и сына способствовал распространению слухов о невыносимом характере царя. Филипп, желая опровергнуть эти слухи, стал через посредников уговаривать Александра не выражать открытой неприязни к отцу и вернуться домой. Юноша подчинился воле отца, но его отношения с Филиппом продолжали оставаться враждебными. Ещё более ухудшились эти отношения после того, как Александр завязал тайные переговоры с персами, намереваясь жениться на дочери одного из персидских сатрапов. Узнав об этом, Филипп разгневался и выслал из Македонии всех друзей Александра, принимавших участие в переговорах с персами. Неизвестно, какие меры были бы приняты против Александра, если бы в это время не убили самого Филиппа (336 г. до н. э.). Убийца — знатный македонянин — был заколот телохранителями царя на месте.

Причины преступления остались нераскрытыми. Об этом темном деле ходило мно-

¹ Аристотель (384—322 гг. до н. э.) — величайший мыслитель древности, прославившийся своими трудами в самых различных областях знания. Отец Аристотеля был

придворным врачом отца Филиппа, царя Аминты, и это было поводом для приглашения тогда ещё малоизвестного ученого в воспитатели к царскому сыну (343 г. до н. э.).

жество разноречивых слухов. Одни предполагали, что убийца был подкуплен персидским царем, которому стало известно, что Филипп готовит поход македонян и греков в Азию. Другие считали, что убийца мстил Филиппу за нанесенные ему обиды. Но многие потихоньку называли организаторами покушения на жизнь царя самого Александра и его мать. Хотя Александр сразу же казнил всех, кого подозревали в заговоре против его отца, возможно, это было сделано, чтобы обеспечить молчание тех, кто знал о его собственной причастности к заговору. Во всяком случае, вторая жена Филиппа — Клеопатра была брошена в темницу, где ее заставили покончить с собой. Убит был и ее ребенок. Таким образом, Александр остался единственным законным наследником македонского престола.

В этом время Александру было всего 20 лет. Македонии со всех сторон грозили опасности. На севере восстали фракийские племена, на юге покоренная Филиппом Греция готовилась вернуть себе былую свободу. Сперва Александр устремился на север. В нескольких сражениях он усмирил восставших фракийцев.

Вслед за тем царь обратился против восставших греков. Стремительно двигаясь, он достиг Фермопил, единственного прохода из Северной в Среднюю Грецию, раньше, чем объединенные силы греков успели занять этот удобный для обороны пункт. Македоняне ворвались в Среднюю Грецию и осадили город Фивы, который вместе с Афинами возглавлял восстание греческих государств против македонского господства. Несмотря на героическое сопротивление фиванцев, город был взят и разрушен. Все жители, за исключением сторонников македонского царя, были проданы в рабство. Этим страшным примером Александр

хотел запугать остальные греческие государства.

Пораженные ужасом греки смирились. Александр готовился к походу в Персию и опасался, как бы в его отсутствие греки снова не подняли восстание. Это побудило царя сменить свирепую жестокость на иные методы воздействия. Он стал ласково принимать греческих государственных деятелей и ученых, всячески стараясь расположить их к себе, и даже пощадил Афины, которым грозила участь Фив.

Александр совершил путешествие в город Кранию (возле Коринфа), чтобы повидать жившего там философа Диогена. Этот философ учил, что люди могут достичь счастья и свободы в том случае, если сумеют сократить свои потребности настолько, чтобы не зависеть от общества и государства. Личным примером доказывал Диоген правильность своего учения: отказавшись от богатства, не имея своего угла, он жил в большой глиняной бочке, одевался в рваный плащ, питался отбросами, которые подбирал на рынке. Диоген считал, что не зависит ни от властей, ни от общества, благами которого он не желал пользоваться. Слава о его учении и образе жизни распространилась среди бедного люда всей Греции. Некоторые считали его мудрецом, другие возмущались его поведением, называя его собачьим¹.

Когда Александр прибыл в Кранию, Диоген по обыкновению лежал посреди площади перед своей бочкой и грелся на солнце. Услышав шум, философ повернул голову, взглянул на приближающегося царя и его многочисленную свиту, но даже не пошевелился. Александр приветствовал Диогена и спросил его, не нуждается ли он в чем-либо: все его желания будут немедленно исполнены.

«У меня одно желание,— ответил муд-

¹ Название «киники» или «циники» (в буквальном переводе «собачьи») закрепилось в древности за группой философов, к которым примкнул и Диоген. Учение киников выражало протест бедняков против неравного распре-

деления богатств в обществе. Впоследствии это слово превратилось в ругательство, и в современном языке циниками стали называть бесстыдных и наглых людей.

рец,— чтобы ты отошел в сторону и не заслонял мне солнца». С этими словами Диоген повернулся к Александру спиной и и подставил солнцу другой бок. Положение царя было нелепым. Александр предложил бедному человеку все, чего тот ни пожелает, а мудрец, вместо благодарности, попросил могущественного властителя убраться подальше. Свита Александра громко возмущалась поведением Диогена и осыпала философа насмешками. Александр, однако, сумел найти выход из глупого положения. Вместо того чтобы наказать дерзкого, создав ему тем самым славу мученика, Александр улыбнулся и сказал: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном!»

Убедившись, что греки примирились с македонским владычеством, Александр собрал представителей от всех греческих государств и предложил им объявить войну персам. Приготовления к этому походу начались еще при Филиппе II. Подобно отцу, Александр провозгласил войну с Персией общегреческим делом, священным возмездием за поругание эллинских святынь во время нашествия Ксеркса. Представители греческих государств вынуждены были принять план царя.

Армия Александра, которая готовилась выступить против персов, состояла из 30 тысяч пехотинцев и 5 тысяч всадников. Она была превосходно организована и обучена, своими боевыми качествами она намного превосходила войска персов.

К началу похода Александру удалось обеспечить свою армию продовольствием только на месяц, так как в казне у него почти не оставалось денег. Македонскому царю необходимо было сразу добиться решающего успеха, чтобы уstraшенные жители захваченных территорий оплатили его дальнейшие походы. Всякая неудача в начале военных действий грозила гибелью македонской армии. Александр понимал риск задуманного похода: он должен был привести либо к полному успеху, либо к неизбежной гибели Македонии. Накануне выступления Александр роздал остатки

своего имущества друзьям. Один из них, удивленный такой щедростью, спросил: «Что же ты оставляешь себе?» «Надежду»,— ответил царь.

Весной 334 г. до н. э. Александр переправил свою армию через Геллеспонт и начал беспримерный по своей дерзости поход на Восток. Высадившись на малоазийском берегу, царь посетил развалины Трои и устроил пышные празднества в честь героев Троянской войны, первыми добившихся успеха в многовековой борьбе Европы и Азии. Смысл этих торжеств был ясен: потомок Ахилла, Александр продолжал дело своего предка, чтобы победоносно закончить войну против азиатов. Место азиатов-троянцев заняли теперь персы.

Войска персидских сатрапов заняли удобную позицию на крутом берегу реки Граник, через которую македоняне должны были переправиться. Противоположный берег был настолько обрывистым, что переправа казалась почти невозможной. Полководцы Александра единодушно высказались против наступления. Они указывали на глубину реки и быстроту ее течения, на неприступность занятых персами позиций и советовали искать другой, менее опасный путь для вторжения. Александр пренебрег всеми советами. Во главе отборной конницы, составленной из македонских аристократов, царь начал переправу через Граник. Некоторые из македонских полководцев считали, что Александр ведет свои войска на верную гибель. Течение реки уносило людей и лошадей, град стрел сыпался на плывущих. И все же бешеная атака увенчалась успехом: часть конницы во главе с царем выралась на мокрый и скользкий противоположный берег. Стремительное течение реки разбросало македонских всадников, и на вражескую сторону они выбирались в беспорядке, маленькими группами, а то и в одиночку. Персидская конница обрушилась на македонян и попыталась сбросить их обратно в реку, прежде чем Александру удастся собрать свои разрозненные силы.

На крутом берегу завязалась беспорядочная кавалерийская схватка. Поломав при первом натиске копья, воины взялись за мечи. Персы старались пробиться к царю, который выделялся среди других прекрасными доспехами и великолепными белыми перьями на шлеме. Один перс метнул в царя дротик, который пробил панцирь, но не ранил царя.

В этот момент на Александра бросились два знатных перса — Ресак и Спитридат. Царь увернулся от Спитридата, а Ресака ударил копьём. Оно переломилось, не причинив персу вреда; царь выхватил меч и снова бросился на Ресака, но в это время Спитридат, повернув коня, сзади ударил Александра мечом по шлему. Меч скользнул по стали, срубив султан и перья. Перс замахнулся, чтобы нанести более верный удар, но не успел. Брат кормилицы Александра Клит, по прозвищу «Черный», пронзил Спитридата копьём. Одновременно рухнул с коня и Ресак, пронзенный мечом царя.

Пока македонская конница, ведя опасный бой, удерживала захваченный участок берега, сюда начала переправляться пехота Александра. Под ее ударами неприятельская конница обратилась в бегство. Однако служившие у персов греческие наемники не пожелали отступить, и македонянам пришлось вести бой с этими храбрыми и хорошо обученными воинами. Наконец упорство греческих наемников было сломлено, и македоняне овладели полем сражения.

Рассказывают, что в этом бою персы потеряли 20 тысяч пехотинцев и более 2 тысяч всадников. Потери Александра составили будто бы всего 34 человека. Однако этим цифрам нельзя доверять, потому что македонский завоеватель, подобно многим полководцам, имел обыкновение в своих сообщениях преувеличивать потери врага и преуменьшать свои.

Победа при Гранике открыла македонскому завоевателю путь в Малую Азию. Один за другим греческие малоазийские города сдавались Александру без сопротивления. Только богатые и могущественные Милет и Галикарнасс, которые при владычестве персов пользовались большими преимуществами, не пожелали сдаться. Эти города были взяты приступом.

Скоро и глубинные области Малой Азии оказались в руках Александра. В одном из городов Фригии македонский царь увидел колесницу, дышло которой было закреплено сложнейшим узлом, затвердевшим от времени. По преданию, эта колесница принадлежала когда-то основателю города царю Гордию. Существовало предсказание, что тот, кто сумеет распутать этот узел, станет владыкой мира. Честолюбивый Александр решил любым способом добиться успеха. Однако узел не поддавался никаким усилиям. Тогда Александр выхватил меч и разрубил веревки¹. Придворные льстецы тотчас усмотрели в этом благоприятное предзнаменование и хором стали предвещать Александру владычество над миром.

Между тем пришло известие, что персидский царь Дарий с огромной армией двинулся против македонян. Александр поспешил ему навстречу. На границе Сирии и Малой Азии обе армии разминулись во время ночного перехода, двигаясь разными горными дорогами. Когда утром это обнаружилось, оба царя повернули войска навстречу друг другу. Александр был рад этой случайности: ему было бы невыгодно, если бы пришлось сражаться с сильной конницей персов на равнинах Сирии. Александр спешно перебросил свою армию на север, чтобы не дать персам выйти из узких горных проходов.

Оба войска встретились недалеко от сирийского города Исса. Горы подходили здесь к самому морю, оставляя у берега

¹ Отсюда современное выражение «разрубить gordиев узел», то есть решить запутанную задачу неожиданно простым способом,

одним решительным ударом ликвидировать сложный клубок противоречий.

лишь небольшую равнину, посреди которой течет река Пинар. Персидская армия была более многочисленной, но Дарий не сумел использовать это преимущество. Александру, по обыкновению сражавшемуся в первых рядах, удалось обратить в бегство отряд телохранителей царя, состоявший из отборных воинов. Дарий не выдержал вида устремившихся на него македонских всадников и бежал с поля сражения. Весть о его бегстве послужила сигналом к общему отступлению персов. Персидская армия была разбита наголову. В руки победителей попали огромный обоз персов и вся обозная прислуга. Были захвачены роскошная колесница персидского царя, его шатер, доспехи, масса драгоценной утвари и денег. Среди пленных были мать, жена и две дочери Дария.

Огромная добыча позволила победителю щедро вознаградить войска и отправить большие богатства на родину друзьям и родным. Своему воспитателю Леониду Александр послал благовоний на колоссальную сумму в 600 талантов. Этим он выполнил клятвенное обещание, какое еще мальчиком дал самому себе. Однажды во время жертвоприношения Александр бросил в огонь большую горсть драгоценного ладана. Ароматный дым густым столбом поднялся к небу. Леонид, не успевший удержать мальчика, сердито сказал: «Нечего транжирить то, что не тобой добыто. Вот когда завоюешь страну, обильную благовонными деревьями, тогда и будешь бросать ладан пригоршнями». Посылая Леониду ладан, тщеславный Александр хотел напомнить ему об этих словах и похвалиться своими успехами.

Разгромив персидского царя, войска Александра заняли страны, лежащие на восточном побережье Средиземного моря: Сирию, Финикию и Палестину. Большинство приморских городов покорились македонянам без сопротивления. Только один

богатый финикийский город Тир, жители которого держали в своих руках морскую торговлю Персии и получали от этого большие выгоды, не захотел покориться Александру. Часть города была расположена на острове, и когда Александр осадил Тир, все жители переселились на этот остров. Они считали, что не имея флота, македоняне ничего не добьются.

Осада Тира продолжалась более полугода (332 г. до н. э.). Александр приказал сделать в море насыпь, которая соединила остров с материком. Это дало возможность вплотную подойти к стенам города и штурмовать их осадными машинами. Ценой огромных жертв город удалось, наконец, взять. Разгневанный упорным сопротивлением, Александр приказал продать жителей в рабство, а некоторых предал мучительной казни — распял на крестах.

После взятия Тира Александр двинулся на юг, к Египту. Население Египта давно тяготилось владычеством персов и часто поднимало против них восстания. Египтяне видели в македонянах избавителей от ненавистного ига. Заняв Египет (332 г. до н. э.), Александр решил привлечь симпатии египтян, заинтересовав их выгодами торговли с остальными странами, попавшими под его власть. Царь основал новую гавань на побережье Средиземного моря, для того чтобы Египту легче было вести международную торговлю.

Александр сам выбрал полосу земли, лежащую в западной части дельты, между двумя рукавами Нила¹. Здесь у самого побережья расположен остров Фарос, который Александр приказал соединить с материком насыпью. Образовалась искусственная бухта, достаточно обширная, чтобы в ней одновременно могло укрыться много кораблей. Были прорыты каналы, которые соединили гавань с лежащим к югу большим озером, что облегчало связь га-

¹ Место для города было выбрано настолько удачно, что не прошло и 50 лет, как Александрия стала самым многолюдным и цве-

тущим городом Средиземноморья. Город существует и поныне.

вани с внутренними областями Египта. Царь сам начертил примерный план города, главных улиц, рынков и общественных зданий. Он приказал назвать город Александрией, чтобы его имя никогда не было забыто в Египте.

Александр всячески подчеркивал свое уважение к египетской религии и обычаям. Вскоре после основания Александрии он отправился в поход через Ливийскую пустыню. Там, в нескольких сотнях километров от Нила, среди раскаленных песков пустыни, находился небольшой зеленый оазис. Египтяне считали, что здесь пребывает сам бог солнца Амон, почитавшийся также в Греции, где его отождествляли с Зевсом. В оазисе был храм Амона, где жрецы предсказывали будущее. После трудного многодневного перехода через безводную пустыню Александр достиг оазиса. Царь щедро одарил жрецов храма, и те провозгласили его сыном Зевса-Амона и предсказали, что он станет господином мира.

Обожествление царей на Востоке было обычным явлением: египетские фараоны, вавилонские и персидские цари считались богами со времени восшествия их на престол. Для египтян утверждение, что отцом Александра был не царь Филипп, а верховный бог Зевс-Амон, не казалось бессмысленным, а было привычным обоснованием его царских прав. Александр поддерживал легенду о своем божественном происхождении: она должна была помочь ему упрочить власть над покоренными народами Азии.

Первое время Александр сам вместе со своими друзьями смеялся над нелепым утверждением, что он всемогущий бог. Но по мере того как множились его успехи, всеобщая лесть и заложенное в нем с самого начала тщеславие привели к тому, что он уверовал в собственное всемогущество и стал охотно говорить о своем божественном происхождении и верить в то, что для него не существует ничего невозможного.

Еще до завоевания Египта Александр

поразил всех смелостью своих планов. Вскоре после победы при Иссе Дарий прислал к Александру послов, предлагая заключить мир. Он предложил македонскому царю руку своей дочери, обещая вместе с ней отдать все земли, лежащие западней реки Евфрат. Таким образом, персидский царь уступал не только то, что было уже завоевано македонянами, но еще и другие земли — почти половину своей огромной державы. Одновременно Дарий предлагал Александру союз и огромный выкуп, лишь бы тот вернул ему попавших в плен мать, жену и дочерей.

Приближенные в один голос советовали согласиться на столь выгодные условия. Старый Парменион, ближайший сподвижник Филиппа, сказал: «Если бы я был Александром, я бы принял эти предложения». — «Если бы я был Парменионом, — быстро перебил его царь, — я бы тоже их принял!»

Всем стало ясно, что думал Александр: ему суждено совершить то, что недоступно никому другому. Зачем ему соглашаться на половину Персидского царства, когда он сумеет взять все?

Македонская армия не провела в плодородном Египте и одного года. Весной 331 г. до н. э. Александр вывел своих воинов из долины Нила и повел их через пустыни Передней Азии в Месопотамию. Дарий III понимал, что судьба его государства висит на волоске, и тщательно готовился к решающей битве. Набрав огромное войско, он не решился двигаться навстречу македонянам, как это было при Иссе. Выгоднее было остаться на месте, чтобы самому выбрать поле для грядущего сражения.

Дарий расположил свои силы на восточном берегу реки Тигр у деревушки Гавгамелы. Встреча двух армий произошла в последний день сентября 331 г. до н. э. Был уже вечер, когда македоняне подошли к расположению передовых персидских отрядов. Опасаясь нападения, Дарий построил своих воинов в боевой порядок и всю ночь, окруженный факелоносцами,

объезжал их ряды. К утру измученные непрерывным напряжением прошедшей ночи персидские воины еле держались на ногах.

Александр не хотел начать битву прямо с марша. После тяжелого перехода людям необходимо было дать отдых, и царь, уверенный, что персы не решатся покинуть облюбованное ими поле, приказал своим воинам располагаться на почлег неподалеку от персидских позиций.

Македонские полководцы со страхом смотрели на огромную равнину, откуда, как шум волн, доносился смутный гул голосов. Правильные ряды персидских костров начинались совсем рядом и тянулись вдаль насколько хватало глаз. Устрашенные многочисленностью неприятельского войска, полководцы во главе с Парменионом умоляли Александра, если уж он твердо решил дать здесь сражение, не дожидаться утра, а воспользоваться темнотой, которая скроет малочисленность македонян. «Я не краду побед!» — отвечал Александр и, отпустив приближенных, заснул крепким сном.

Сражение началось утром. Александр опасался окружения и поэтому построил свои войска в две линии. В случае обхода вторая линия должна была повернуться назад, чтобы македоняне могли сражаться на два фронта. Расчет царя оказался правильным. Уже в начале сражения великолепная конница персов стала теснить левое крыло македонского войска, которым командовал Парменион. Пользуясь тем, что фронт персов был значительно шире македонского, часть всадников обошла Пармениона и появилась в тылу, близ македонского обоза. Казалось, обоз вот-вот попадет в руки врага. Парменион слал к царю гонца за гонцом с просьбой прислать подкрепление.

В этой битве особенно ярко проявилась любовь Александра к риску: нависшая угроза заставила бы более осторожного полководца направить часть сил на помощь Пармениону — без обоза македонская армия не смогла бы продержаться во вражеской стране. Но Александр не хотел

отвлекать ни одного воина от задуманного им решающего удара. «Сейчас не время думать об обозе, — отвечал он Пармениону. — Если мы погибнем, обоз нам не понадобится; если победим, тем более нечего бояться. Вместо своего обоза захватим неприятельский».

С этими словами Александр приказал подать свои доспехи и стал готовиться к бою. Поверх плотной шерстяной рубахи царь надел двойной холщевый панцирь, захваченный им при Иссе. Шлем Александра был железный, но тонкой работы, и сиял, словно был сделан из серебра. К шлему был прикреплен металлический воротник, украшенный драгоценными камнями. Но самым ценным в вооружении царя был меч замечательной закалки и легкости.

К царю подвели Буцефала. Обычно Александр пользовался другими конями, так как Буцефал был уже стар и силы его надо было шадить. Но когда предстоял бой, Александр всегда садился на своего любимого коня. Едва Александр вскочил на Буцефала, как началось наступление левого крыла персидской армии. Отделившись от общей массы персов, персидские всадники начали обходить позицию, где стоял Александр. Это передвижение создало просвет в рядах противника, и Александр немедленно бросил все свои силы в образовавшуюся брешь. Ворвавшись в расположение персов, Александр увидел персидского царя. Дарий стоял на высокой колеснице, окруженный множеством телохранителей, рослых как на подбор всадников в блестящем вооружении. В бешеном натиске Александр и его отряд устремились в ряды телохранителей. Многие из них бросились бежать, но самые храбрые отчаянно сопротивлялись. На глазах у растерявшегося персидского царя македоняне сталкивали их копьями с коней и добивали мечами. Свалка была такая, что Дарию не удалось даже повернуть колесницу, так как трупы лежали под самыми колесами. Казалось, еще немного — и сражавшийся в первых рядах Алек-

сандр сможет достать Дария мечом. Смертельный ужас охватил царя, и, вскочив на коня одного из телохранителей, он трусливо ускакал с поля сражения.

Заметив исчезновение главнокомандующего, персы стали искать спасения в бегстве. На правом фланге и в центре македоняне одержали полную победу. Однако на левом фланге положение Пармениона оставалось трудным. Александру пришлось отложить преследование Дария и начать переброску войск на левый фланг, но не успели еще все войска туда переправиться, как персы стали отступать и на этом участке.

Битва при Гавгамелах окончательно сокрушила могущество персов. Теперь у Александра не было больше серьезных противников, и хотя восточные провинции Персидского государства готовились еще к сопротивлению, македонский завоеватель мог уже провозгласить себя царем всей Азии. Многие персидские вельможи спешили заявить Александру о своей покорности, и царь охотно утверждал их правителями тех областей, которыми они управляли раньше.

Прежде чем преследовать бежавшего с небольшим отрядом на восток Дария, Александр решил воспользоваться плодами своей победы. Первым делом Александр занял оставшиеся без всякого прикрытия главные города Персидского царства. Македонские войска вошли в величайший город Востока — Вавилон, о сказочных богатствах которого столько писали греческие путешественники. Здесь македонская армия остановилась на отдых, чтобы набраться сил перед новыми тяжелыми испытаниями.

Затем македоняне заняли Сузы — летнюю резиденцию персидских царей. Отсюда горными дорогами в самом конце 331 г. до н. э. войско Александра направилось к древней столице Персеполю, где находились царский дворец и гробницы предшественников Дария. В подвалах дворца столетиями накапливались богатства, отбиравшиеся персами у покоренных

народов. Все эти сокровища достались Александру. Только чеканной монеты в этом дворце, а также в Сузах македоняне захватили несколько тысяч тонн. Чтобы вывезти все эти ценности, потребовалось 10 тысяч пар мулов и 5 тысяч верблюдов.

Безудержная расточительность Александра приняла теперь исключительные размеры.

Когда из дворца вывозили персидское золото, царь заметил неизвестного ему воина, шатавшегося под тяжестью своей ноши. Желая поощрить его усердие, Александр закричал ему: «Ноша покажется тебе легче, если ты потащишь ее не на телегу, а к себе в палатку!» С этими словами он приказал передать воину в собственность все золото, которое тот нес.

Стремление унижить персов толкнуло Александра на поступок, который бросил тень на его имя и славу победителя. Под предлогом мести за сожжение Афин и разрушение греческих храмов во время похода Ксеркса Александр разрушил Персепольский дворец — замечательный памятник персидской архитектуры. Не известно, было ли это сознательным и обдуманным варварством, или же, подстрекаемый своими сотрапезниками, ненавидевшими персов, царь поддался минутному порыву. Как рассказывают очевидцы, сам Александр с венком на голове поднес ко дворцу зажженный факел. С криками радости двигалась за ним толпа македонян и греков. Огонь охватил роскошные залы, в которых хранились созданные трудом многих поколений сокровища искусства. Через несколько часов от самого красивого здания персидской столицы остались только пепел и груды развалин. Что значили произведения искусства и даже человеческая жизнь для Александра, разрушившего державу «Великого царя» и занявшего его престол? Жестокость и пренебрежение к людям свили теперь прочное гнездо в душе всемогущего владыки.

Преследуя бежавшего Дария, Александр занял город Экбатаны. В его окрестно-

стях царю показали пропасть, откуда непрестанно вырывался огонь. Неподалеку из земли сочилась нефть. Местные жители объяснили, что эта жидкость способна гореть, как смола, и что вырывающийся из пропасти огонь не потухает, так как источник нефти дает огню все новую пищу. Александр заинтересовался этим и захотел испытать свойства загадочной жидкости.

Был среди прислужников царя мальчик Стефан, смешной и невзрачный. Вот этого-то мальчика Александр приказал обмазать нефтью и поджечь, чтобы узнать, сможет ли удивительная жидкость гореть на человеческом теле: ведь тогда ее сила может быть использована и на войне. Не ожидавший зла от своего повелителя, Стефан был спокоен. Только когда вспыхнуло пламя, мальчик понял, что он обречен. К счастью, приближенные царя успели сбить огонь, но Стефан остался калек.

Из Экбатан Александр двинулся дальше на восток, где персы собирали силы для новой борьбы. Там находился и Дарий, однако его влияние было подорвано постоянными поражениями. Ходили слухи, будто Дарий готов вступить в переговоры с Александром. Эти слухи побудили персидских правителей восточных областей решиться на низложение царя. Во главе заговора встал Бесс, сатрап одной из восточных провинций Персидской державы — Бактрии. Заговорщики, связав Дария, хотели принудить царя отречься от трона в пользу Бесса.

Известие о том, что Дарий попал в руки Бесса, заставило Александра поспешить. Взяв небольшой отряд всадников, Александр начал преследование бактрийцев, увозивших Дария. Александр, стремясь во что бы то ни стало нагнать беглецов, не давал своим людям ни сна ни отдыха. Измученные бешеной скачкой и отсутствием воды, всадники и лошади пришли в совершенное изнеможение. Как-то отряду встретились погонщики мулов. У одного из них в мехах было немного воды. Видя, что

царь изнемогает от жажды, погонщик налил ему полный шлем драгоценной влаги.

Александр осторожно взял шлем обеими руками и собрался уже пить, когда увидел, с какой жадностью окружающие смотрят на него. Преодолев муки жажды, царь вылил воду на землю, сказав: «Я не стану пить один без моих товарищей! Все должны быть в одинаковом положении!»

Поступок Александра вызвал восторг его спутников. Царь был уверен, что теперь они сделают для него все, что в человеческих силах.

Несмотря на то, что лошади гибли в безводной пустыне, преследование продолжалось. Только 60 человек осталось у Александра, когда он, наконец, настиг противника. Лагерь бактрийцев был покинут. На земле валялись брошенные впопыхах золотые и серебряные вещи. В повозках кричали оставленные женщины и дети. Так велик был страх перед Александром, что Бесс и его сторонники бросили все на произвол судьбы и, не думая о сопротивлении, захватили только лошадей и бежали.

На одной из колесниц македоняне обнаружили труп Дария. Бактрийцы убили его, так как стало ясно, что Александр не прекратит преследования, пока не получит царя живым или мертвым.

Александр притворился глубоко опечаленным смертью персидского царя. Он сам покрыл тело покойного пурпурным плащом, повелел отвезти усопшего в Персеполь и торжественно похоронить его среди могил его предков. Так как Дарий не оставил преемника, то в глазах большинства Александра стал его наследником, и к нему по праву победителя должно было перейти огромное государство. В борьбе с Бессом он мог теперь выступать не как завоеватель, а как носитель законной власти, стремящийся наказать убийцу предшественника царя. Часть населения Персии, которая была верна Дарию, перешла на сторону Александра. Македонский царь смог пополнить свою армию людьми из персидских земель.

Александр разделил армию. Часть, во главе с Парменионом, он оставил на завоеванных землях, а сам с отборными войсками прошел южнее Каспийского моря и двинулся дальше на восток, в Парфию, одну из центральных областей Ирана, а затем в Бактрию. Ее правитель Бесс бежал на север, но жители, не желая навлекать на себя гнев Александра, выдали его македонянам. По распоряжению царя он был предан мучительной казни.

Завоевание Персии казалось Александру только началом великого похода. Впереди мерещилось покорение Азии и всего мира. Опыренный успехами, Александр не прислушивался к голосам призывавших его ограничиться уже завоеванным.

Царь понимал, что для осуществления грандиозных планов недостаточно войск, которые пришли с ним из Македонии. Персидские войска, слабость которых Александр знал, тоже были не способны осуществить его планы. Поэтому царь приказал набрать 30 тысяч персидских мальчиков, чтобы обучить их военным приемам македонян. Эти мальчики должны были в будущем образовать костяк новой армии, такой, какая была нужна Александру.

Александр стремился расположить к себе своих новых подданных. Он женился на дочери знатного персидского вельможи, красавице Роксане, и стал носить персидское платье. Сначала он стеснялся роскошного царского костюма и носил его только на торжественных приемах. Вскоре он привык к новым одеждам и стал в них появляться перед войсками. Это вызывало раздражение македонских воинов. Они видели в поступках Александра стремление отстраниться от своих сподвижников, которые сделали его повелителем Азии.

Недовольство сперва проявлялось в насмешках над одеждой и поведением Александра, а затем переросло в заговоры и покушения на его жизнь. Первый заговор организовал македонянин Димн. Он решил убить царя и рассказал о своем намерении близкому другу Никомachu. Тот посоветовался с братом, который донес о заго-

воре Александру. Отряд телохранителей был послан арестовать Димна. Отважный заговорщик оказал сопротивление и был убит. Казалось, что с гибелью Димна все нити оборвались; но Александр воспользовался раскрытием заговора и начал расправу с влиятельными македонскими полководцами, недовольными политикой царя. Вдохновителями заговора были объявлены старейший и почитаемый македонянами полководец Парменион и его сын Филот, один из храбрейших командиров македонской конницы. После жестоких пыток Филот был казнен, а Парменион тайно убит по приказу царя.

Однажды во время пребывания македонского войска в Средней Азии, царю привезли много свежих фруктов из Греции. По этому поводу решено было устроить пир. На пиру стали петь песни, высмеивающие некоторых македонских полководцев, недавно потерпевших поражение в бою с местными племенами. Клит возмущился тем, что царь в присутствии персов позволяет издеваться над македонянами. Началась перебранка. Александр, которому песня понравилась, закричал Кли-ту: «Ты оправдываешь трусов потому, что, видимо, это качество не чуждо тебе самому».

— Моя трусость, воскликнул Клит, — спасла тебя! Где бы ты был сейчас, если бы я опоздал хоть на миг, когда Спитридат при Гранике занес меч над твоей головой? Если ты стал настолько велик, что можешь выдавать себя за сына Зевса-Амона, то не забывай, по крайней мере, что ты достиг этого кровью македонян.

Эти слова показались Александру вызовом. Швырнув в Клита попавшим под руку яблоком, он потребовал, чтобы ему принесли меч, и приказал трубачу трубить сигнал тревоги.

Но Клит, гордый как все знатные македоняне, не пожелал уступить.

— Если ты хочешь слышать только приятное и видеть лишь таких людей, которые пресмыкаются перед твоей персидской одеждой, не падо приглашать к своему столу людей, привыкших к свободе! — закричал он.

Друзья, желая погасить внезапно вспых-

нувшую ссору, заставили Клита выйти из зала, но вскоре он вернулся и, встав в дверях, продекламировал стихи из одной трагедии Еврипида:

Как плох обычай наш! Когда трофей
У эллинов победный ставит войско
Между врагов лежащих, то не те
Прославлены, которые трудились,
А вождь один хвалу себе берет.

Не долго думая, Александр выхватил из рук одного из телохранителей копье и метнул его в Клита, который упал, обливаясь кровью. Так Александр убил спасшего ему жизнь друга только за то, что тот вступился за своих товарищей и честно сказал царю все, о чем давно думали его соратники.

Вскоре был раскрыт новый заговор против Александра. В македонской армии была группа знатных молодых людей, которые прислуживали царю и одновременно обучались военному делу, чтобы впоследствии занять высшие командные должности. Юноши ели за царским столом и всюду сопровождали царя, составляя часть его охраны. Однажды один из этих знатных юношей, Гермолай, убил на охоте кабана, которого собирался поразить Александр. Разгневанный царь приказал высечь молодого человека. Друзья наказанного были возмущены и составили заговор с целью убить Александра. Однако один из них испугался и выдал заговорщиков.

Александр лицемерно отказался судить юношей и передал их для суда и наказания воинам. Воины приговорили заговорщиков к смерти и побили их камнями.

И на этот раз Александр не удовлетворился наказанием виновных, а воспользовался раскрытием заговора, чтобы расправиться с неугодным ему человеком. Этим человеком был ученый грек Каллисфен, племянник Аристотеля, учителя Александра. Каллисфен был взят в поход с тем, чтобы он составил его подробное описание и таким образом сохранил в памяти потомков подвиги царя. Ученый аккуратно вел летопись похода и, восторгаясь смелостью и решительностью Александра, пользовал-

ся его расположением. Но когда Александр перенял персидские обычаи и превратился в жестокого деспота, Каллисфен стал избегать посещения пирушек и обедов царя. Каллисфен пытался использовать свое влияние на царя, чтобы отвратить его от перенимания таких восточных обычаев, которые унижали подданных и развращали самого Александра. Когда льстецы стали падать ниц перед Александром, царю это так понравилось, что он награждал поцелуем каждого, кто распластается перед ним.

Каллисфен не захотел насть ниц перед Александром, а когда Александр отказался поцеловать его, спокойно сказал: «Что же, одним поцелуем будет меньше!»

Македоняне прониклись после этого случая большим уважением к Каллисфену и говорили, что он «единственный свободный человек» из всего окружения царя.

Несмотря на то, что никто из осужденных заговорщиков даже не упомянул имени Каллисфена, Александр привлёк его к делу о заговоре против царя. Ученый был заключен в тюрьму, где и умер. Царь, однако, продолжал гневаться и в письмах домой обещал, что по возвращении накажет и Аристотеля за то, что тот рекомендовал ему человека, осмелившегося выражать неодобрение своему государю.

Около четырех лет прошло после битвы при Гавгамелах, и Александр готовился к новым завоеваниям. На этот раз он мечтал захватить богатую область реки Инда и добраться на востоке до великой реки Океан, за которой, как думали тогда, находится конец света.

Перейдя горный хребт Гиנדукш, который они приняли за Кавказ, македоняне очутились в Индии, богатой стране с прекрасными пастбищами и замечательными фруктовыми деревьями. Население страны распадалось на множество мелких государств, правители которых враждовали между собой.

Войска Александра пересекли Инд в его среднем течении и углубились в область, орошаемую притоками этой могучей реки.

Здесь находилось государство могущественного царя Таксила, добровольно присоединившегося к Александру, чтобы вместе с ним идти на своего постоянного врага Пора, владения которого лежали дальше на восток.

Подойдя к реке Гидаспу, разделявшей владения обоих царей (июнь 326 г. до н. э.), Александр увидел на противоположном берегу сильное войско Пора. У индийцев были не только пехота и всадники, но и множество боевых колесниц и несколько сот слонов. Безнадежно было пытаться прорваться на тот берег, пока там стояли такие силы. Александр применил хитрость. Делая вид, что он готовится форсировать реку в том месте, где стояла армия Пора, Александр с частью пехоты и отборными всадниками незаметно поднялся вверх по реке и переправился на другой берег. Пор поспешно направил против отряда Александра кавалерию и часть боевых колесниц, но македоняне отбились. Тогда Пор выступил против переправившейся армии Александра со всем своим войском. Упорный бой длился 8 часов. Индийцы потеряли несколько тысяч человек, сам Пор, сражавшийся на боевом слоне, был ранен и захвачен в плен.

Потери македонян тоже были огромны. Александр понял, что если он не хочет, чтобы вся Индия объединилась в борьбе с ним, необходимо вести себя милостиво с побежденными и привлекать местных правителей на свою сторону. Поэтому Александр не только не казнил Пора, но даже отдал ему в управление область, которой он владел раньше. Чтобы обеспечить верность Пора, он расширил его владения, подчинив ему ряд прежде независимых племен. Утратив свою свободу, эти племена возненавидели Пора, и тот не мог обходиться без поддержки македонян. Александру пришлось оставить часть своей армии в долине Гидаспа для поддержки Пора и Таксила. Чтобы обеспечить оставшимся войнам безопасность, Александр построил ряд крепостей. На месте битвы с Пором царь основал большой город и на-

звал его Никеей (по-гречески «победная»). Несколько северней, где была совершена переправа, он поставил город Буцефалию, названный в память его боевого коня, который здесь издох от старости.

Битва с Пором подорвала силы и мужество македонян, которые убедились, что в Индии еще много непокоренных племен. Чтобы поднять дух утомленных воинов, Александр прибег к беспощадной строгости. Он наказывал смертью всех нарушителей дисциплины, невзирая на их прошлые заслуги. Александр старался увлечь солдат собственным примером. Никогда еще македонский царь так часто не подвергал свою жизнь опасности, как во время похода в Индию. При штурме одной крепости в области индийского племени маллов, увлекая за собой воинов, Александр с горстью телохранителей первым взобрался на стену и спрыгнул внутрь крепости. В этот момент лестница, по которой следовали остальные, обломилась, и царь оказался среди врагов. Видя, что в крепости только Александр и два его телохранителя, маллы набросились на них. Скоро один из оруженосцев Александра был убит, а сам царь получил несколько ран и упал на колени у стены. Оставшийся македонский воин заслонил Александра своим телом и продолжал сражаться. В последний момент подоспели македоняне и вынесли из боя потерявшего сознание Александра. Царь долго не мог оправиться от тяжелых ран, полученных в этом бою.

Не в силах сломить сопротивление покоренных народов, Александр все чаще прибегал к жестоким и вероломным расправам с противниками. В одном из городов окруженный отряд индийских наемников упорно защищался до тех пор, пока им не дали обещание, что их отпустят домой с оружием и ранеными товарищами. Но когда, доверяя слову Александра, индийцы покинули свои укрепления, македонский завоеватель приказал всех перебить. В другой раз Александр, вопреки законам войны, приказал повесить мирных индийских жрецов за то, что они призы-

вали сограждан бороться за свою независимость. Однако жестокие расправы не запугали индийцев и только усилили их сопротивление завоевателям.

Александр считал, что сразу за долинами Инда и его притоков находится конец обитаемой земли. Но когда войска дошли до самого восточного из притоков Инда — реки Гифасиса, Александр узнал, что за рекой простирается пустыня, перейдя которую, можно попасть в долину реки Ганга, где находятся богатые и многолюдные государства.

Даже тени сомнения не появилось у Александра в том, сумеет ли он с растаявшей наполовину армией покорить остальные народы мира. Упоенный своим величием, считая, что ему предназначено стать господином всей земли, царь отдал приказ двигаться дальше на восток. Но тут Александр впервые столкнулся с сопротивлением собственной армии. Македонских воинов нельзя было заставить выступить ни угрозами, ни посулами.

Рассерженный Александр на три дня укрылся в своей палатке, никого не желая видеть. Наконец он вышел к воинам и объявил, что войско возвращается на запад. Однако Александр не мог допустить, чтобы обратный путь выглядел отступлением. Было объявлено, что царь решил подчинить племена, жившие в устье Инда.

Построили около 2 тысяч лодок и плотов. На них была посажена часть пехоты. Караван двинулся вниз по течению реки к «Внешнему морю», как тогда называли Индийский океан. Остальное войско двигалось по обоим берегам реки. Путь был беспокойный. То и дело приходилось вести тяжелые битвы с местными племенами и народами. Около 7 месяцев длилось плавание. Наконец македоняне достигли Индийского океана. Здесь войско разделилось. Александр считал необходимым исследовать морской путь из Индии к Персидскому заливу. Он поручил корабли опытному флотоводцу, греку Неарху, приказав ему плыть к устью Евфрата. Большая часть армии, во главе с самим царем, дви-

нулась на запад вдоль берега Индийского океана. Во время двухмесячного перехода по жаркой и безводной пустыне македонское войско испытало страшные лишения. Из более чем стотысячной армии, с которой Александр вторгся в долину Инда, осталось в живых меньше четвертой части.

В изношенной одежде, почти без оружия, потеряв всех лошадей и вьючный скот, македоняне достигли главного города персидской сатрапии Гедрозии. Там заранее было приготовлено все необходимое для возвращающейся армии. После отдыха армия двинулась через Персию к Вавилону. Царь стремился создать впечатление, что индийский поход увенчался грандиозным успехом. По приказу Александра возвращение армии приняло характер торжественного шествия. Войско шло медленно, делая частые остановки. Впереди на колеснице, запряженной восьмеркой лошадей, ехал сам царь, окруженный пышной свитой. За ним двигались бесчисленные колесницы, на которых ехали его друзья и военачальники. Дальше следовало остальное войско. Всю дорогу солдаты кружками, кубками и бокалами черпали вино из огромных глиняных сосудов и пили за успешное окончание похода. Одни продолжали идти вперед, другие, опьянев, падали наземь и оставались лежать, пока их не поднимали. Везде раздавались звуки флейт, слышалось пение. Процессия напоминала скорее праздник в честь греческого бога виноделия Диониса-Вакха, чем возвращение армии.

Так, завершился восточный поход Александра. Воины вернулись в Вавилон, куда по реке Евфрату приплыл и Неарх со своим флотом.

Долгое отсутствие Александра и слухи о его гибели привели к тому, что в стране начались восстания против македонян. Многие персидские вельможи и македонские военачальники, поставленные Александром во главе огромных сатрапий, изменили царю, стремясь стать независимыми государствами.

Македонский завоеватель снова должен

был выступить в поход против восставших племен и непокорных сатрапов. Как обычно, действия Александра отличались быстротой и жестокостью: многие знатные персы, греки и македоняне были казнены, возмущившиеся племена приведены к покорности.

Хотя начавшийся распад громадной империи ясно показал, что старая персидская система управления ненадежна, царь все-таки решил сохранить ее. Он надеялся, что эта государственная система сумеет обеспечить прочность его завоеваний.

Александр во всем подражал древним властителям. По обычаю персидских царей-завоевателей, возвратясь из индийского похода, он подарил каждой женщине по золотой монете. Он восстановил разрушенную македонянами гробницу основателя Персидского царства Кира. Чтобы прекратить вражду между победителями и побежденными и сплотить их в единый народ, Александр потребовал от своих солдат и полководцев, чтобы они женились на персиянках.

В Сузах Александр устроил грандиозную свадьбу. По обычаю персов, он взял себе вторую жену — дочь доведенного им до гибели царя Дария III. Одновременно его ближайшие друзья и сподвижники, всего около 80 человек, женились на знатных персиянках. 10 тысяч простых воинов тоже праздновали в этот день свадьбы с местными женщинами. Был устроен роскошный пир, и каждому гостю Александр подарил по золотой чаше.

Однако все попытки сплотить македонян, греков и персов потерпели крах. Персы хорошо помнили о своей недавней независимости, ненавидели завоевателей и были ненадежной опорой.росло недовольство македонян и греков. Сильное возмущение воинов вызвало решение Александра включить в армию тех 30 тысяч молодых персов, которые по его приказу проходили у греков обучение военному делу.

Когда царь устроил неподалеку от Вавилона, в городе Описе, торжественное

прощание с отправляемыми на родину больными и ранеными воинами, македонские войска взбунтовались и потребовали, чтобы он отпустил домой всех. Сперва Александр попытался усмирить бунт и казнил 13 воинов, которые, как ему показалось, кричали громче всех. Но это не испугало солдат. Тогда Александр изменил тактику. Теперь он пытался уговорить, вызывать жалость к себе у старых соратников. «Идите,— кричал он воинам,— и скажите всем, что вы покинули своего царя, оставили его врагам, с которыми он недавно воевал!»

На этот раз Александру еще раз удалось уговорить большинство македонян остаться. Только 10 тысяч твердо настаивали на своем и были отправлены на родину.

На вершине своих успехов, добившись осуществления самых смелых замыслов, Александр чувствовал себя одиноким, лишенным всякой опоры. Огромная империя, неограниченным властелином которой он был, несмотря на кажущуюся покорность, таила в себе грозные и враждебные силы. Достаточно было одного неверного шага, малейшей ошибки, незначительного поражения, и повсюду могло вспыхнуть возмущение.

Понимая опасность своего положения, некогда бесстрашный македонский завоеватель стал трусливым и суеверным. Царский дворец наполнили жрецы, прорицатели и другие обманщики, пользовавшиеся душевной слабостью царя.

Александр не доверял самым близким друзьям. Ему всюду мерещились заговоры и измена. Царь считал, что только с помощью страха, внушаемого подданным, он сможет сохранить власть. Ему нужно было постоянно поражать воображение покоренных народов новыми грандиозными предприятиями, новыми победами. У Александра не было пути назад, он не мог остановиться, отдохнуть, оглядеться. И царь разрабатывает все более смелые, фантастические проекты. Он готовит большую морскую экспедицию во главе с Нearchом, которая должна объехать Аравию и Аф-

рику и вернуться через Гибралтарский пролив в Средиземное море. Царь подготавливал грандиозный поход на запад для покорения Северной Африки, Италии и Испании. В связи с этим он собирался построить дорогу через пустыню Сахару и вырыть вдоль нее колодцы. 3 тысячи греческих мастеров и ученых работали над углублением русла реки Евфрат, чтобы превратить город Вавилон в морской порт.

Архитектор Стасикрат предложил превратить гору Афон во Фракии в гигантскую статую Александра. На ладони левой руки эта статуя должна была держать целый город с десяти тысячным населением, а из правой руки должен был вытекать горный поток, впадающий в море.

Все эти планы показывали, что македонский завоеватель, упоенный своими успехами, утратил чувство реальности. Сподвижники царя понимали, что надо думать не о покорении новых стран, а о сохранении уже завоеванных территорий. Но Александр не считался ни с чьим мнением, кроме своего, да и высказывать мнение, отличное от царского, теперь никто не решался. Александр верил в свою удачу и не сомневался, что ему удастся все, что бы он ни задумал. Даже сама природа, считал он, должна будет ему уступить: чтобы доказать это себе и другим, царь назначил начало африканского похода на самые жаркие летние месяцы.

Однако этому походу не суждено было начаться. В разгар приготовлений Алек-

сандр внезапно заболел и через несколько дней скончался. Это произошло 13 июня 323 г. до н. э., на 33-м году жизни царя.

Тотчас ближайшие сподвижники Александра стали спорить о том, к кому должна перейти власть в огромном, созданном его завоеваниями государстве. Александр не назначил наследника, жена его только ждала ребенка, сводный брат был слабоумным. Каждый из полководцев мечтал, выдвинув своего кандидата на престол, править от его имени. Еще не успели похоронить завоевателя, как ссоры у гроба перешли в вооруженные столкновения. Скоро эти столкновения переросли в войну, и огромная империя, созданная Александром, распалась. Она была недолговечна потому, что объединяли ее только сила и страх.

Судьба Александра показывает, как меняется характер человека, когда силой обстоятельств он достигает неограниченной власти и получает возможность бесконтрольно распоряжаться сотнями тысяч себе подобных.

Подозрительность и жестокость, презрение к окружающим и боязнь заговоров появились у Александра только после того, как он достиг могущества, которым не обладал до него ни один человек. И даже хорошие качества его характера под влиянием лести и всеобщего поклонения переродились: честолюбие переросло в тщеславие, смелость — в безрассудство, гордость — в манию величия.

На северо-западе Греции лежала некогда небольшая гористая страна Эпир. Там правили цари, которые вели свое происхождение от легендарного греческого героя Ахилла. Рассказывали, что когда-то страну завоевал сын Ахилла Неоптолем (в детстве его называли Пирром). С тех пор в ней правят его потомки.

В 319 г. до н. э. в семье эпирского царя родился сын, ему дали традиционное имя — Пирр.

Времена были бурные. Недавно в Вавилоне неожиданно умер Александр Македонский. Его полководцы и наследники (диадокхи) вступили в яростную борьбу за власть в огромной, созданной Александром империи, включавшей Македонию, греческие земли, Египет, Сирию, всю Малую Азию, часть Средней Азии, часть Индии... Никто из сподвижников умершего завоевателя не хотел уступить. Кровавая борьба шла несколько десятилетий, пока империя окончательно не распалась на отдельные царства.

События эти не сразу отозвались в отдаленном Эпире, и первые два года жизни Пирра прошли спокойно. Затем его отец вмешался в дела соседней Македонии. Там разгорелась борьба между матерью Александра Македонского Олимпиадой и Кассандром, сыном одного из диадохов. Царь Эпира поддержал Олимпиаду, но она потерпела поражение. Кассандр взял вверх, не только в Македонии. Он утвердился также в Эпире, где вспыхнуло восстание. Отец Пирра был свергнут, многие его сторонники погибли. Новый правитель, чтобы избавиться от законного наследника трона, приказал убить двухлетнего Пирра. Убийцы разыскивали мальчика, но

верные слуги успели скрыться, унеся с собой ребенка.

Небольшая группа двигалась на запад, стремясь побыстрее перейти границу Эпира и оказаться в безопасности. Погоня настигала беглецов. Казалось, гибель неизбежна. Тогда трое самых сильных и быстрых мужчин, взяв мальчика, бегом двинулись вперед. Остальные остановились, чтобы как-то задержать погоню. Им это удалось. Преследователи, убедившись, что наследника царства здесь нет, повернули обратно.

Но опасность не миновала. Беглецы еще находились в пределах Эпира, и всякое могло случиться.

У самой границы царства путь им преградила река. Обычно неширокая и неглубокая, она от долгих обильных дождей превратилась в грозный ревущий поток. Заходило солнце. Надвигающаяся темнота еще больше затрудняла переправу через незнакомую реку.

На противоположном берегу беглецы заметили людей и стали им громко кричать. Чтобы привлечь внимание, они высоко поднимали на руки младенца Пирра. Шум, грохот воды, сильный ветер заглушали крики. Тогда один из беглецов отодрал от росшего на берегу молодого дуба кусок коры и нацарапал на нем записку. Он рассказал в ней об их бедственном положении и о царевиче, которого во что бы то ни стало надо спасти. Затем кору прикрепили к дровику, и самый ловкий и сильный из эпиротов метнул его на другой берег. Там прочли записку и поняли, что времени терять нельзя. Люди быстро соорудили плот и по одному переправили беглецов. Первым перевезли Пирра.

Беглецы направились к царю или-

рийского племени тавмантов Главкию. Вначале Главкий колебался. Он опасался, что, приютив сына свергнутого царя, он возбudit вражду тех, кто захватил власть в Эпире. Но когда маленький Пирр — он еще не мог ходить — подполз к царю и обхватил ручонками его ноги, словно моля о защите, Главкий перестал сомневаться. Он взял младенца на руки и передал его жене, приказав воспитывать вместе со своими детьми, как собственного сына.

Спустя несколько лет Пирр превратился в стройного мальчика, решительного и смелого. Больше всего он любил играть в войну. Эта страсть сохранилась и потом, когда он вырос, только война перестала быть игрушкой.

Пирру еще не исполнилось 13 лет (в 307 г. до н. э.), когда обстановка в Эпире изменилась. Главкий решил воспользоваться этим и попытаться вернуть трон своему приемному сыну. Во главе сильного войска он вторгся в Эпир, сверг узурпатора и посадил Пирра на царство.

Прошло четыре года. Все было спокойно в Эпире. Но юный царь тяготился такой жизнью. Он мечтал о славе, о военных подвигах. Во всем стремился походить на Александра Македонского. Ему было уже 17 лет, почти столько же, сколько Александру Македонскому, когда тот успел прославиться в битвах.

Вскоре жизнь Пирра изменилась. Непрерывные распри наследников Александра охватывали все новые земли, создавали везде беспокойную обстановку. Не остался в стороне и Эпир. Там начались волнения, затем поднялось восстание, и Пирр был свергнут с престола. Произошло это, когда Пирр находился в Иллирии, где собирался жениться на одной из дочерей Главкия.

Пирр не мог вернуться на родину. Он снова стал изгнанником, но вскоре нашел применение своей энергии и силам. Непрерывные войны не затихали. Воины требовались везде. Пирр избрал войско Деметрия, прозванного Полиоркетом. Это был сын Антигона Одноглазого — старейшего

полководца Александра Македонского. К тому же Деметрий Полиоркет был женат на сестре Пирра Деидамии.

Несколько лет сражался Пирр на стороне Деметрия. В постоянных битвах он показал не только храбрость, но и полководческие способности. В это время борьба диадохов достигла наивысшего напряжения и близилась к завершению. Полководцы Александра Македонского объединились против Антигона Одноглазого, Деметрия и их сторонников. Летом 301 г. до н. э. наступила развязка. Возле города Ипса во Фригии (Малая Азия) произошло крупнейшее сражение. В нем участвовали десятки тысяч пехотинцев, всадников и небывалое число — свыше 500 — боевых слонов. Битва началась атаками колесниц, затем столкнулась конница и, наконец, вступили в бой слоны и пехота. После долгой схватки воины Антигона не выдержали и начали отходить. Вскоре отход превратился в бегство, которое не смог остановить даже такой опытный военачальник, как Антигон. Сам 80-летний полководец продолжал яростно биться, пока не рухнул на землю, пронзенный дротиками. Юный Пирр тоже участвовал в этой битве и даже обратил в бегство тех, кто сражался против него.

Битва при Ипсе завершила спор диадохов, который привел к распаду великой империи Александра Македонского. На ее развалинах возникло несколько государств. Египет, Сирия, Пергам, Греко-Македонское царство стали самостоятельными.

После поражения при Ипсе Пирр не оставил Деметрия. От его имени он управлял пелопоннесскими городами. А когда диадохи заключили очередной мир, Пирр был вынужден отправиться как заложник в Египет к его правителю Птолемею, в знак того, что договор будет соблюдаться. Несколько лет прожил Пирр в городе Александрии, столице Египта. Он показал себя ловким дипломатом и не только завоевал симпатии и уважение Птолемея, но и породнился с ним: женился на его дочери. Родственные отношения обеспечи-

ли ему поддержку могущественного царя Египта после того, как он решил возвратиться в Эпир. Там правил племянник Александра Македонского — Неоптолем.

Пирр получил от Птолемея деньги, войско и двинулся в Эпир. В 296 г. до н. э. он отвоевал свое царство, однако еще не чувствовал себя достаточно прочно, несмотря на свои победы на полях сражений. Пирр опасался, что Неоптолем может обратиться за помощью к соседним государям, а потому предпочел договориться с соперником о совместном правлении. Такое положение было неустойчивым и длилось менее двух лет. Прикрываясь видимостью дружбы, каждый из них — и Пирр, и Неоптолем — стремился к единодержавию. Каждый только ждал удобного случая, чтобы устранить соперника. Говорили, что Неоптолем и его сторонники собирались отравить Пирра. Узнав об этом, Пирр не подал вида, но поспешил сделать первый шаг. На празднестве, во время спокойной беседы за пиришественным столом, Пирр неожиданно выхватил меч и убил Неоптолема.

Возможно, что слух о предполагаемом отравлении был выдумкой, нужной Пирру как предлог, чтобы оправдать свои действия.

Пирр надолго становится единственным царем Эпира. Его царствование не было спокойным. Честолюбивому Пирру Эпир был тесен, он стремился к захвату других земель, прежде всего соседней Македонии. Воспользовавшись вспыхнувшей там междоусобицей, Пирр вмешался в дела этой страны. Под предлогом помощи одному из претендентов на македонский трон войска Пирра вторглись в Македонию и овладели несколькими городами. Другие государи, опасаясь усиления влияния Пирра, тоже втянулись в македонские распри. Среди них был и прежний союзник Пирра Деметрий Полиоркет, ставший теперь опасным соперником. После непродолжительной войны Деметрию удалось овладеть значительной частью Македонии, и некоторое время в стране было

два правителя. Отношения Пирра и Деметрия все более осложнялись. Деметрий хорошо знал своего прежнего сподвижника, его алчность, его стремление к захватам, и жаждал избавиться от опасного соседа. Особенно обострились отношения между ними после того, как смерть жены Деметрия (сестры Пирра) оборвала их родственные связи.

Разногласия вскоре переросли в вооруженную борьбу. В этой войне развернулся полководческий дар Пирра. Он разбил войска, посланные против него Деметрием в 287 г. до н. э., и когда армия Деметрия перешла на сторону Пирра, он стал царем почти всей Македонии. Значение Пирра возросло. Как избранный войском царь Македонии, он стал вровень с другими диадохами, хотя и был моложе годами. Распространилась по свету слава Пирра как полководца. Восхищала и его личная храбрость. Военный талант Пирра признавали уже давно. Еще Антигон Одноглазый, когда его спросили, кого он считает лучшим полководцем, сказал: «Пирра, если он доживет до старости».

Все чаще Пирра — к его удовольствию — сравнивали с Александром Македонским.

Пирр умел привлекать к себе людей. После одной битвы воины дали ему прозвище «Орел». «Это благодаря вашей доблести я сделался орлом, — ответил Пирр, — ваше оружие — вот крылья, которые вознесли меня!» Пирр завоевал симпатии своих воинов, хотя и губил их тысячами во время войн.

Пирр был благосклонен к друзьям, он мог, когда этого хотел, не гневаться, а спокойно принимать разумные решения. Как-то Пирру донесли, что один из его приближенных ругает и поносит его и что в наказание этого человека надо изгнать из страны. «Нет, — ответил Пирр, — пусть лучше остается на месте и бранит меня перед немногими, чем, странствуя, позорит меня перед всем светом».

Однако во всем, что касалось его власти или военных дел, Пирр был непреклонен и беспощаден.

В Македонии Пирр все же не смог утвердиться. Несколько лет шла яростная борьба. И Пирр, и его соперники безудержно стремились к власти, их жадность, равно как и их взаимное коварство, жестокость не знали пределов. Для достижения своих целей они ничего не жалели, никого не щадили. Распри не прекращались, столкновения возникали снова и снова. В этой длительной борьбе в конце концов Пирр потерпел поражение от своих многочисленных противников и вынужден был удалиться из Македонии в свой родной Эпир.

Пирр мог мирно править своим наследственным царством, но его тяготила спокойная жизнь, и он, как писал историк Плутарх, «скучал, когда сам не чинил никому зла и ему никто не доставлял хлопот». Он по-прежнему жаждал новых подвигов, новой славы. И тут ему представился случай насытить свое честолюбие.

В Эпир прибыли послы от южноиталийского города Тарента. Они обратились к Пирру с просьбой помочь в борьбе против римлян.

В это время Рим, подчинив Среднюю Италию, стал угрожать югу полуострова, где находились богатые греческие города-колонии. Больше всех опасался за свою независимость крупнейший из этих городов — Тарент. В этом городе возникло тревожное положение. Враждебная толпа тарентинцев напала на римские корабли, зашедшие в гавань. Несколько судов было потоплено. Послы Рима, которые прибыли, чтобы выяснить обстоятельства инцидента, ничего не добились и подверглись оскорблениям. Рим получил повод к войне.

В 281 г. до н. э. римское войско двинулось на юг и подошло к границам владений Тарента. Первая же битва показала военное превосходство римлян — тарентинцы потерпели поражение. Правительству Тарента ничего другого не оставалось, как искать себе союзника. Было решено обратиться к прославленному эпирскому царю. Послы Тарента обещали Пирру дать многочисленные войска — не только свои, но и своих союзников. «Нам нужен,— говори-

ли послы,— только опытный полководец, а лучше и славнее Пирра мы никого не знаем».

Пирр охотно принял предложение тарентинцев. В его голове уже роились грандиозные планы: он создаст великую западную империю, подобную той, какую в свое время Александр Македонский создал на Востоке.

Не все разделяли взгляды Пирра. Не все были согласны с его решением.

Жил при дворе эпирского царя грек из Фессалии, ученик знаменитого оратора Демосфена, по имени Киней. Современники говорили, что в ораторском искусстве он не уступал своему учителю. Кроме того, Киней был хитрым и ловким человеком и успешно выполнял разные дипломатические поручения. Пирр высоко ценил его. «Своими речами Киней покорил мне не меньше городов, чем я силой меча», — сказал как-то Пирр.

Узнав, что Пирр согласился помочь Таренту, Киней спросил у царя: «Римляне — народ храбрый и воинственный. Если боги пошлют нам победу, то как мы ею воспользуемся?» На это Пирр ответил: «Если мы победим римлян, то вся Италия окажется в нашей власти». После некоторого молчания Киней спросил снова: «Ну, а когда Италия окажется в нашей власти, что мы будем делать после этого?» «По соседству с ней», — ответил Пирр, — находится Сицилия, богатый и плодородный остров. Там не прекращаются народные волнения и всяческие беспорядки, и его нетрудно завоевать». «Прекрасно, — сказал Киней, — но покорение Сицилии будет ли последним нашим завоеванием?» «Нет! — воскликнул Пирр. — Это будет только началом. Ведь из Сицилии нетрудно достигнуть Африки и овладеть Карфагеном». «А располагая такими возможностями, — продолжал Киней, — мы затем легко подчиним Македонию и вместе с тем и Грецию. Но вот что мне не ясно: когда мы выполним все эти планы, что мы будем делать дальше?» «Тогда, — засмеялся Пирр, — мы будем жить в мире и спокойствии, будем проводить вре-

мя в пирах, веселье и дружеских беседах». «В таком случае, — сказал Киней, — к чему эти войны, опасности, кровопролития, когда ты уже теперь располагаешь всеми условиями, чтобы жить в мире и спокойствии и проводить время в пирах и дружеских беседах?»

Конечно, подобные беседы не могли охладить воинственного пыла царя.

Прежде всего Пирр послал в Тарент самого Киней с тремя тысячами воинов, чтобы тот договорился с правителями города и подготовил все для приема его войск. Затем, погрузив на суда более 20 тысяч пехотинцев, 3 тысячи всадников и 20 боевых слонов, Пирр отплыл в Италию. Это было в начале 280 г. до н. э.

Плавание оказалось трудным. На море разыгрался жестокий шторм. Он разбросал корабли Пирра, и многие из них затонули. Корабль самого царя отнесло далеко в сторону, и, сильно потрепанный, он еле добрался до тарентской бухты. Постепенно подошли и другие суда. Кроме своих сил, эпирский царь рассчитывал на обещанную помощь тарентинцев и их союзников, а также на поддержку со стороны враждебных Риму итальянских племен. Однако вскоре Пирр понял, что тарентинцы сами не склонны сражаться, а надеются только на него. Тогда Пирр предпринял жесткие меры: он приказал закрыть гимнасии, все увеселительные заведения и призвал в армию всех способных носить оружие. Это вызвало недовольство у тарентинцев, но им пришлось подчиниться, так как римляне шли на город.

Пирр послал к римлянам гонцов с предложением договориться о мирном решении конфликта. Но командовавший римским войском консул Публий Валерий Левин ответил гордым отказом.

Весной 280 г. до н. э. начались военные действия. Наемная армия Пирра была хорошо организована и вооружена. Римлянам впервые предстояло столкнуться с таким сильным противником. Но и Пирру еще не приходилось воевать с пехотой, подобной римской.

Главные силы римлян, состоящие из четырех легионов, двинулись навстречу Пирру. Переправившись через реку Сирус, римляне вышли к городу Гераклею, лежащему к западу от Тарента, и завязали схватку с передовыми отрядами противника. Вскоре в бой вступили главные силы Пирра. У степ Гераклеи началось большое сражение. Оно было очень ожесточенным. Семь раз римские легионы сталкивались с фалангой Пирра, но исход борьбы не определился. Тогда Пирр бросил в бой своих слонов. Огромные, невиданные дотоле в Италии животные испугали римских всадников и обратили их в бегство. Вслед за тем удалось расстроить и ряды римской пехоты. Под натиском слонов и повторных атак пехоты римляне дрогнули и побежали. Преследуя бегущих, воины Пирра овладели римским лагерем. 7 тысяч убитых и раненых римлян остались лежать на поле сражения. 2 тысячи были захвачены в плен. Потери Пирра тоже оказались велики. Сам царь был ранен в битве.

После победы при Гераклее на сторону врагов Рима перешли многие местные племена и почти все южные греческие города. Остатки римской армии отступили на север. Путь для продвижения в глубь страны был открыт. Не встречая серьезного сопротивления, Пирр двинулся на Рим. По преданию, он очень близко подошел к городу.

Однако римляне не пали духом. Они проявили исключительную энергию. Войска одного консула двигались с юга, другой консул со своей армией шел с севера навстречу Пирру. Рим готовился к обороне. Пирр не решился дать сражение и отошел. Он очистил занятую им в Средней Италии территорию и отвел войска на зиму в Тарент. Военные действия затихли до будущего года.

В это время с римлянами велись переговоры. В Тарент прибыла делегация из Рима, чтобы договориться об обмене пленными. Пирр отправил в Рим своим послом Киней, поручив ему склонить римлян к миру. Киней, прибыв в Рим, встретился с

влиятельными политическими деятелями. От имени царя он привез их женам и детям богатые дары. Выступая в сенате, Киней выдвинул условия мира: римляне должны уйти из Средней Италии и признать господство Пирра над югом полуострова.

Киней слушали внимательно. Под влиянием его речей и подарков, а еще больше под впечатлением печального для римлян опыта двухлетней войны многие сенаторы склонялись принять предложения Пирра. Многие колебались, не зная, на какую сторону встать. Все решило выступление сенатора Аппия Клавдия. Его, дряхлого, слепого старика, внесли в зал заседаний. Он обратился к сенату с пламенной речью.

«Римляне! — сказал он. — До сих пор я роптал на судьбу, лишившую меня зрения, теперь, слепой, жалею, что я не глух, ибо тогда я бы не слышал постыдных советов и решений, губящих славу Рима!»

Аппий Клавдий призвал продолжать борьбу, и римский сенат отверг мирные предложения Пирра.

Весной 279 г. до н. э. Пирр начал новое наступление на север. Там римляне сосредоточили 70-тысячное войско. Близ города Аускула произошло второе за эту войну крупное сражение. Обе стороны к этому времени успели произвести некоторые изменения в своих армиях. Пирр ввел, учтя опыт римских легионов, разделение войска на отдельные отряды. Римляне приспособили свои колесницы для борьбы со слонами.

Упорное сражение при Аускуле длилось два дня. Первый день принес римлянам успех. Но на второй день Пирру удалось оттеснить римское войско на равнину, где он мог развернуть пехоту и пустить в дело конницу и слонов. Римляне были разбиты. Но победа досталась Пирру дорогой ценой, его армия понесла большие потери. На поле битвы легло более 5 тысяч отборных воинов Пирра — почти четвертая часть его войска. Среди убитых было много его полководцев, друзей, старых сподвижников. Говорят, что когда после сражения Пирра стали поздравлять

с успехом, он воскликнул: «Еще одна такая победа, и я останусь без войска!» С тех пор «пирровой победой» стали называть такую победу, которая на самом деле близка к поражению.

В Италии Пирру трудно было восполнить свои потери. Кроме того, в Таренте и других греческих городах росло недовольство поборами Пирра и его вмешательством в их внутренние дела.

В это время к эпирскому царю прибыли послы из города Сиракуз, что на острове Сицилия. Они обратились за помощью, так как карфагенский флот осадил Сиракузы. Предложение показалось Пирру заманчивым. Здесь, в Италии, его положение осложнялось: несмотря на победы, Рим был еще далеко не сломлен. Предстояла длительная и упорная война. А в Сицилии открывалась возможность быстро овладеть богатым и плодородным островом. Пирр решил отправиться в Сицилию и вести войну против Карфагена — могущественной республики, расположенной на севере Африки (на территории нынешнего Туниса).

Вскоре Пирр покинул Италию, оставив там в некоторых городах свои гарнизоны. Высадившись в Сицилии, Пирр двинулся к Сиракузам. Стремительным ударом он заставил карфагенян снять осаду и увести свои корабли. После этого успеха войско эпирского полководца легко захватывало город за городом, и вскоре он стал фактическим хозяином острова. Таким образом Пирру удалось объединить под своей властью два царства — Эпир и Сицилию. Однако продолжалось это недолго. Сказались трудности управления столь отдаленными друг от друга территориями. Кроме того, недовольные поборами и притеснениями пришлых завоевателей, сицилийские греческие города перестали поддерживать царя. Без их поддержки Пирру было нелегко удержаться. Дурные известия приходили также и из Италии. Там римляне продолжали войну и захватили несколько городов. Кроме того, они вступили в союз с Карфагеном, который с тре-

вогой следил за успехами Пирра в Сицилии. Этим богатым островом карфагеняне сами хотели завладеть. Поэтому они охотно предложили Риму помощь против общего врага.

В 276 г. до н. э. Пирр покинул Сицилию. Переправа через пролив оказалась трудной и опасной. Карфагенские корабли нанесли урон флоту Пирра.

Но Рим не хотел начинать военных действий. Неожиданная вспышка чумы ослабила римское войско, и требовалось время, чтобы возместить потери. На следующий год (275 г. до н. э.) Пирр снова двинулся на Рим. Около города Беневента, в центре Италии, произошло решающее сражение. Воины Пирра вступили в бой усталыми после тяжелого ночного перехода. Кроме того, некоторые союзники покинули Пирра и к нему давно уже не прибывало новых пополнений.

Атака Пирра была отбита. Исход завязавшегося сражения снова решили слоны, однако на этот раз не в пользу Пирра. Осыпавшиеся градом огненных стрел, пускаемых римлянами из-за стен лагеря, слоны в испуге и бешенстве ринулись обратно, топчя своих же воинов и обращая их в бегство. Пирр потерпел страшное поражение. В сопровождении только нескольких всадников он бежал в Тарент.

Пирр решил как можно скорее вернуться на родину. Хотя он оставил в Таренте около 8 тысяч пехотинцев и 500 всадников, но итальянский поход был проигран. Позднее Пирр отозвал из Тарента и эти войска. Так рухнули надежды Пирра на завоевание Италии и Сицилии. Шесть лет потратил он на эти войны, и хотя был побежден, но и в поражениях сохранил мужество. По-прежнему его повсюду считали самым опытным и отважным из современных ему царей.

Вернувшись на родину, Пирр начал борьбу со своим основным противником. Им был сын Деметрия Полиоркета Антигон Гонат, который господствовал почти во всей Македонии и в ряде греческих городов, в том числе в Коринфе и Аргосе. Ус-

пех снова сопровождал Пирру. После нескольких сражений ему удалось вытеснить Антигона Гоната из Македонии. Победа, правда, была омрачена бесчинствами наемников Пирра, которые разграбили и осквернили могилы македонских царей. Это вызвало недовольство населения.

Стремясь утвердить свое влияние в Греции, Пирр ввязался в борьбу со Спартой. Без объявления войны он вторгся на ее территорию. Однако Пирр недооценил твердость и мужество своих новых противников. Он пренебрег полученным им от спартанцев гордым посланием.

«Если ты бог,— писали спартанцы,— то с нами ничего не случится, ибо мы ничем против тебя не погресли, если же ты человек, то найдется кто-нибудь и посильнее тебя!»

Пирр осадил Спарту. Жители отчаянно боролись за свою независимость, отбивая все попытки врагов прорваться в город. В ожесточенных схватках погибло много воинов Пирра и он сам много раз подвергался смертельной опасности.

На помощь спартамцам подходил отряд, посланный Антигоном Гонатом. Тогда Пирр, не закончив кровавого спора со Спартой, принял роковое решение — идти на Аргос. Вечно жаждущий новых приключений, он решил вмешаться в распри, которые тогда шли в Аргосе между различными группами населения.

Пирр быстро шел к Аргосу. Он не замедлил марша и тогда, когда на его арьергард напали спартанцы и в схватке убили его сына.

В глубокой темноте войско Пирра подошло к стенам Аргоса. Крадучись, стараясь не шуметь, воины входили в ворота, которые заранее открыли сторонники Пирра. Неожиданно движение замедлилось. В низкие ворота не могли пройти боевые слоны. Пришлось снимать с их спин башни, в которых размещались стрелки, затем, уже за воротами, снова водружать башни на спины гигантов. Эта задержка и шум привлекли внимание аргосцев, и они поспешили занять укрепленные места,

удобные для отражения нападения. Одновременно аргосцы отправили гонца к Антигону с просьбой побыстрее прислать подкрепления.

Завязалась ночная битва. Стесненные узкими улицами и многочисленными каналами, прорезавшими город, пехотинцы и конные воины с трудом продвигались вперед. Все перемешалось. Разобщенные группы людей в тесноте и мраке сражались каждая за себя, не получая приказов командующего.

Когда рассвело, Пирр увидел весь этот беспорядок и пал духом. Он решил, пока не поздно, начать отступление. Однако в этой обстановке не все поняли приказ полководца и не до всех он дошел. Часть воинов продолжала бой. Пирр успешно отражал натиск врагов, но затем его оттеснили на узкую улицу. Там скопилось много людей, которые, прижатые друг к другу, с трудом могли сражаться. Кроме того, посреди улицы, жалобно трубя, лежал раненый слон и мешал продвижению.

Пирр верхом на лошади успешно обогнал и держал врагов на расстоянии.

Вдруг один из аргосцев, простой и незнатный воин, живший на этой же улице, метнул копьё. Оно пронзило панцирь Пирра и легко его ранило. Пирр устремился на аргосца. Мать этого воина, старая женщина, с крыши увидела, как Пирр ринулся на ее сына. Испугавшись за его жизнь, желая ему помочь, старуха оторвала от крыши тяжелую черепицу, подняла ее двумя руками и с силой бросила в Пирра. Черепица попала в незащищенную нижнюю часть шеи и перебила позвонки. Пирр упал. К нему подскочило несколько аргосцев, и один из них отрубил Пирру голову.

Так закончилась жизнь Пирра, полная превратностей, взлетов и падений. Пирр строил грандиозные планы, для осуществления которых не жалел ни средств, ни людей, но часто ему не хватало предусмотрительности, чтобы довести их до конца. Современники считали его выдающимся полководцем. Несколько десятилетий спустя Ганнибал утверждал, что опытом и талантом Пирр как полководец превосходил всех.

Столица современной Италии Рим — очень старый город, его прошлое теряется в глубине веков. История в древние времена была больше искусством, чем наукой. Подлинные сведения подменялись различными легендами, в которых вымысел причудливо переплетался с достоверными историческими событиями далекого прошлого.

Среди многих легенд, которыми пытались объяснить происхождение города и его название, постепенно выделилась одна. Она связала возникновение города с именем Ромула. Легенду эту знал каждый школьник в Древнем Риме.

Когда погибла Троя, часть ее защитников спаслись, увезя с собой сокровища родного города. Во главе троянцев стоял герой Эней. Долго носились корабли беглецов по морю. Наконец ветер пригнал их к берегу. Перед ними была широкая, впадающая в море река, берега которой густо поросли деревьями и кустарником. Яркое солнце освещало равнину. Голубое небо отражалось в водах реки и прибрежных озер. Это был берег Италии, и местность называлась Лаций. Беглецы решили поселиться здесь. Впоследствии на берегу одного из небольших озер возник город Альба-Лонга. В нем правили потомки Энея.

Прошло много лет. Один из царей Альба-Лонги, умирая, призвал двух своих сыновей — Нумитора и Амулия и сказал им: «Пусть каждый выберет себе что пожелает. Один пусть возьмет корону и власть, другой — все мое богатство».

Нумитор, выбрав корону, стал царем Альба-Лонги. Коварный Амулий взял себе золото, решив, что оно поможет ему добиться власти. С помощью заговора Амулий сверг своего брата с трона и стал по-

всителем города. Как всякий человек, пришедший к власти нечестным путем, Амулий страшился возмездия. У Нумитора была дочь Рея Сильвия. Амулий боялся, что у нее родятся дети, которые смогут отомстить ему за своего деда. Чтобы предупредить это, он назначил Рею Сильвию жрицей богини домашнего очага Весты. Жрицы этой богини — весталки — обязаны были дать обет безбрачия. За нарушение обета им грозила смерть.

Амулий успокоился, зная теперь, что у Нумитора не будет внуков — его законных наследников. Однако вскоре царю донесли, что Рея Сильвия родила двух мальчиков. Рассказывали, что их отцом был сам бог войны Марс.

Амулий был разгневан и испуган. Он приказал казнить Рею Сильвию, но за нее заступилась дочь Амулия. Она умоляла отца отменить жестокий приговор. Амулий внял мольбе дочери и отменил казнь, повелев заточить Рею Сильвию в темницу навечно. Но детей царь не пощадил: он вызвал доверенного слугу и приказал ему бросить новорожденных в реку Тибр. Слуга взял младенцев, положил их в деревянное корыто и понес к реке. Он спустился к воде, но побоялся волн и бурного, стремительного течения и оставил корыто на краю берега. Раб полагал, что волна подхватит корыто, унесет его и близнецы утонут.

Вода в реке быстро прибывала, и волна подхватила корыто, но течение вынесло деревянную колыбель на тихое место, где она и застряла в корнях большого дерева.

В это время пастух Фаустул, пасший у реки царское стадо, увидел внизу, у воды корыто с двумя младенцами. Он заметил

также и волчицу, которая подошла к этому месту, чтобы напиться. Пастух хотел броситься на помощь, так как подумал, что зверь сожрет детей, но остановился, пораженный необыкновенным зрелищем. Он увидел, что волчица, подойдя к детям, ласково их облизала и стала кормить своим молоком. Затем прилетел дятел и принес в клюве пищу. Когда волчица ушла и дятел улетел, Фаустил спустился к реке, взял деревянное корыто с детьми и унес к себе домой. Он назвал одного мальчика Ромулом, другого — Ремом. С тех пор братья жили и воспитывались у пастуха Фаустула и его жены Акки Ларенции.

Ромул и Рем выросли сильными, высокими юношами: они быстро бегали, прекрасно владели мечом и копьем, стали смелыми воицами и охотниками. Их уважали и любили за то, что они помогали бедным людям и защищали слабых от разбойников, которых тогда много бродило в лесах. О Ромуле и Реме разнеслась добрая слава, и к ним стали приходить нищие крестьяне и даже беглые рабы.

Смелость и независимость юношей, рост их отряда обеспокоили царя Амулия, и он приказал схватить братьев.

Однажды, когда Рем шел с несколькими товарищами, на него палили царские воины и схватили его. Рема привели к Амулию и сказали: «Вот, царь, один из тех, кого ты велел схватить. Мы взяли его на пастбищах Нумитора, твоего брата».

Амулий приказал выдать Рема для суда Нумитору. Хитрый Амулий решил, что люди станут меньше обвинять его в том, что он отнял все права у своего брата.

Нумитор взволнованно глядел на стройного юношу, стоявшего перед ним. «Кто ты и откуда?» — ласковым голосом спросил Нумитор.

Рем смело ответил: «Я ничего от тебя не скрою. Я вижу, что ты более достоин быть царем, чем Амулий. Прежде чем решить судьбу пленника, ты желаешь его выслушать. Амулий расправляется без суда. Я — Рем, брат Ромула. Мы всегда считали себя детьми царских слуг Фаустула и Акки

Ларенции. Но говорят, что наше рождение окутано тайной. Поразительные вещи слышал я о нашем детстве. Дикie звери и птицы кормили нас: волчица поила нас своим молоком, дятел носил нам в клюве кусочки пищи, когда мы лежали в корыте на берегу большой реки. Это корыто и теперь цело. На его медных скрепах — какие-то старые письмена».

Нумитор стал догадываться, что перед ним его внук, один из сыновей Реи Сильвии, которая все еще томилась в темнице. Он продолжал расспрашивать Рема, ища подтверждения своей догадке.

А в это время Фаустил, призвав Ромула, рассказал ему правду о его происхождении. Пастух и прежде намекал о загадочном появлении братьев, но сейчас, когда Рем был схвачен, считал, что больше ничего скрывать не надо.

Фаустил умолял Ромула помочь выручить Рема, а сам поспешил во дворец. Он взял с собой корыто, которое некогда служило колыбелью Ромулу и Рему. У городских ворот стража остановила Фаустула. У пастуха спросили: «Зачем ты идешь в город? Что несешь с собой?»

Ответы Фаустула показались подозрительными, и его заставили распахнуть плащ. Увидев старое корыто, которое старик так усердно прятал, стража засмеялась и хотела его пропустить. Услышав смех, подошел один из царских слуг. Это был тот, который когда-то по приказу царя Амулия отнес к реке детей Реи Сильвии. Он сразу же узнал корыто, приказал схватить Фаустула и отправить во дворец к Амулию.

Царь был испуган: «Неужели внуки Нумитора живы?»

Фаустула подвергли мучительным пыткам. Под плетью палача он сознался, что дети живы, но не сказал, где они находятся. «Они пасут стада далеко от Альба-Лонги», прошептал он запекшимися от крови губами.

«А зачем ты шел сюда? — грозно спросил Амулий. — Зачем нес это корыто?» «Я нес его Рее Сильвии, матери детей, — со

стоном ответил старик.— Она много раз просила, чтобы ей принесли эту колыбель: матери так хочется взглянуть на нее, потрогать руками...»

В это время царю донесли, что какие-то вооруженные люди ворвались в город и движутся к дворцу. Это подоспел Ромул. Он привел с собой на выручку брата немалые силы, разбив их на отряды по 100 человек в каждом. К Ромулу присоединились многие жители Альба-Лонги, ненавидевшие тирана Амулия, а также и Рем, в котором старый Нумитор признал своего внука.

Амулий растерялся: как затравленный зверь метался он по дворцу, не зная, что предпринять, как спасти свою жизнь.

Вскоре дворец был окружен, его немногочисленные защитники перебиты. Люди Ромула и Рема ворвались внутрь. Амулий был убит.

Ромул и Рем провозгласили своего деда Нумитора царем Альба-Лонги, освободили из тюрьмы свою мать Рею Сильвию, окружив ее почетом и уважением.

Нумитор объявил Ромула и Рема своими законными наследниками. Однако братья не захотели оставаться в Альба-Лонге. Вместе с собравшимися вокруг них людьми они решили основать новый город. Ромул и Рем выбрали для него место, куда когда-то были выброшены Тибром и где их вскормила волчица.

Между братьями возник спор о том, где строить город, как его назвать и кто будет в нем править. Ромул выбрал для постройки Палатинский холм. Рем считал, что лучше строить на Авентинском холме. По обычаю, условились решить спор гаданием по полету птиц и таким путем узнать волю богов. Братья сели порознь друг от друга и стали ждать появления вещих птиц. Такими птицами считались коршуны. Вскоре со стороны Рема показали 6 коршунов. Через несколько мгновений мимо Ромула пролетело 12 птиц.

Братья опять начали спорить. Рем утверждал, что преимущество должно быть у того, кому первому явились вещие пти-

цы. Ромул доказывал, что царем должен быть тот, кто увидел вдвое больше коршунов. Рем не соглашался.

Когда Ромул стал копать ров, которым собирался окружить стену будущего города, Рем издевался над работой брата и портил ее. Назревала новая ссора. Насмехаясь, Рем перепрыгнул через ров и был убит. Одни говорят, что удар ему нанес разгневанный Ромул, воскликнув при этом: «Так будет со всяким, кто осмелится переступить стены моего города!» Другие утверждают, что Рема убил один из друзей Ромула. Рассказывают также, что в стычке погибло несколько человек, в том числе и Фаустул, воспитатель братьев.

Похоронив Рема, Ромул принялся за постройку города. В то время строительство сопровождалось различными обрядами. Прежде всего вырыли большую яму, куда сложили полезные для человека плоды и хлебные злаки. Затем каждый бросил в яму горсть земли, принесенную из тех мест, откуда он родом. Это символически выражало единство всех пришельцев, будущих граждан города. Яма — ее называли «мундус» — стала центром города.

Затем Ромул запряг в плуг быка и корову и пропахал глубокую борозду: здесь должна была вырасти городская стена. В тех местах, где пахарь приподнимал плуг, в борозде образовывались разрывы, — так намечались будущие ворота. После совершения обряда стена считалась священной. Город был назван именем своего основателя, и Ромул стал его царем.

Новый город всячески стремился увеличить число своих жителей. Поэтому там при первых выстроенных храмах создали убежища, считавшиеся священными и неприкосновенными. Здесь находили защиту беглые рабы, несостоятельные должники и всякий нищий безопасного пристанища. Рим принимал изгнанников и пришельцев, откуда бы они ни приходили. Их прошлым никто не интересовался. Население Рима и сам город стали быстро разрастаться.

Римские ученые уверяли, что они точно высчитали и определили дату основания

города. Это событие, по их словам, произошло 21 апреля 753 г. до н. э. И хотя этот день римляне ежегодно праздновали и называли его днем рождения отечества, конечно, весь рассказ об основании Рима — легенда, да и сами Ромул и Рем — мифические личности. Мы знаем, что Рим получил свое название не от Ромула, а что легенда о Ромуле была придумана позднее, чтобы объяснить возникновение и название города¹.

Такой же легендой был рассказ о дальнейшей жизни и смерти Ромула.

Став царем, Ромул разделил всех, кто мог служить в войске, на отряды. Каждый отряд состоял из 3 тысяч пехотинцев и 300 всадников и назывался легионом. Остальные жители считались простым народом — популус. Сто лучших граждан были отобраны Ромулом и названы патрициями (латинское слово *pater* означает «отец»). Собрание патрициев составляло сенат — совет старейшин (от латинского *senex* — старец).

Находившие убежище в Риме пришлые люди стекались сюда из разных городов. Женщин было мало. Ромул направил посольство к соседним племенам с просьбой разрешить их девушкам выходить замуж за римлян. Но соседи отказались, ответив, что не хотят иметь дело с беглецами и разбойниками.

Тогда Ромул решил действовать хитростью. Он распустил слух, будто на территории Рима найден алтарь, выстроенный неизвестному богу. Его называли Консом — богом совета². Ромул объявил, что в честь этой находки в Риме будут происходить празднества. Предстоящий праздник привлечет множество людей из разных мест. Особенно много пришло народа из соседнего племени сабинян. Они пришли со своими женами и детьми.

Начался праздник. Ромул, одетый в пурпурный плащ, сидел впереди вместе с лучшими людьми Рима. Когда зрители увлеклись состязаниями, Ромул поднялся с места, снял с себя плащ, а затем снова накинул на плечи. Это был условный сигнал. Увидев поданный знак, римские юноши обнажили мечи и с громкими криками кинулись в толпу гостей. Каждый из римлян схватил на руки девушку-сабинянку и унес к себе в дом.

Оскорбленные сабиняне стали готовиться к войне с обидчиками. Вначале они направили послов в Рим с предложением вернуть похищенных девушек, а затем начать переговоры об установлении дружеских и родственных отношений между двумя народами. Но Ромул отклонил эти предложения.

Царь сабинского города Ценины Акрон первым начал военные действия, двинув своих воинов против Рима. Когда оба войска сблизились, полководцы, по старому обычаю, вызвали друг друга на поединок. Ромул был опытен, осторожен, силен и хладнокровен, ценинский же царь — горяч и несдержан. Это его и погубило. Ромул воспользовался растерянностью в стане врага, разбил его войско, занял Ценину, а жителей переселил в Рим. Это способствовало росту города.

Ромул захватил и разорил еще несколько сабинских городов, а жителей также переселил в Рим.

Некоторое время спустя большое войско сабинян двинулось против римлян. Их предводителем был Тит Таций. Сабиняне близко подошли к Риму, но дальнейшее продвижение им преградил Капитолий — высокий холм, с трех сторон обрывающийся отвесными скалами. Только с восточной стороны подступы к Капитолию казались более доступными, хотя путь и проходил

¹ В легенде об основании Рима наряду с вымыслом отразились воспоминания о подлинных исторических событиях. Город Альба-Лонга действительно существовал. Известно, что его жители сжигали трупы умерших. Такой же обычай существовал и у пер-

вых поселенцев Палатинского холма. На этом основании ученые считают, что в отдаленные времена на месте будущего Рима поселились выходцы из Альба-Лонги.

² Отсюда и слова: консул — советник, консилиум — совет.

по заболоченной, топкой долине. На вершине холма были воздвигнуты прочные стены, за которыми укрывались защитники.

Тит Таций понял, что штурмом ему эту цитадель не взять. Но сабинянам помогло предательство: дочь начальника римского гарнизона Тарпея тайно явилась к врагу и предложила Титу Тацию впустить его воинов в крепость.

«За это каждый воин пусть отдаст мне то, что носит на своей левой руке», — сказала Тарпея, указав на тяжелые золотые браслеты.

Тит Таций с презрением выслушал ее корыстную речь, но, взглянув на неприступные вершины Капитолия, согласился.

Ночью Тарпея отворила одни из ворот крепости врагу. Так, благодаря измене, сабиняне овладели Капитолием.

Предательница потребовала платы. Хотя Тит Таций и вынужден был воспользоваться изменой, но он презирал изменников. Помня об уговоре, он сказал: «Выполните обещание, воины! Отдайте все, что вы носите на левой руке. Не скупитесь. Все отдайте, как это делаю я». С этими словами Тит Таций снял золотой браслет и щит с левой руки и бросил их в Тарпею. Все воины последовали его примеру: в предательницу полетели щиты, настолько тяжелые, что под их тяжестью она умерла.

Высокую скалу на Капитолии, у которой погибла изменница Тарпея, впоследствии стали называть Тарпейской скалой (с нее римляне сбрасывали приговоренных к смерти преступников).

Потеряв капитолийские укрепления, римляне надеялись победить врага в открытом сражении. Оно началось в узкой долине, расположенной между Капитолийским и Палатинским холмами. Первыми двинулись вперед сабиняне. Их конница неслась на римлян. Впереди скакал отважный, смелый воин Курций. Неожиданно ноги его лошади погрузились в густую, вязкую глину. Напрасно всадник ударами и криками старался повернуть коня, топ

все больше и больше засасывала его. Тогда Курций встал на круп лошади и прыжком достиг твердой почвы, а бедное животное погрузилось в топкое болото, которое образовалось после недавних дождей. Трясина была незаметна, и только гибель коня Курция предупредила сабиняно о подстерегавшей их опасности. Это место долго потом называли озером Курция.

Сабиняне обошли опасное место, и вскоре завязалась кровавая сеча. Под ударами мечей падали убитые и раненые. Потери были велики у той и другой стороны. Ромул бился впереди: его видели там, где было труднее и опаснее. Неожиданно он покачнулся и опустился на одно колено: камень, пущенный из пращи, ранил его в голову. Увидев, что их предводитель ранен, римляне дрогнули и побежали к Палатинскому холму, преследуемые сабинянами. Ромул с большим трудом поднялся на ноги. Он пытался остановить бегущих воинов. Ему это удалось. Римляне снова повернулись лицом к врагу, и битва возобновилась с прежней силой.

Вдруг сражающиеся услышали крики и плач женщин. С холмов сбежали похищенные некогда римлянами сабинянки. Женщины громко рыдали, волосы их были распущены, многие прижимали к себе детей. Плача, они протягивали детей своим мужьям — римлянам и отцам и братьям — сабинянам, умоляя мужчин прекратить побоище и не оставлять их сиротами или вдовами. «Что дурного сделали мы вам? За что вы приносите нам столько горя? Вы ранее не смогли спасти нас, так зачем же теперь вы отрываете мужей от жен и угрожаете оставить наших детей сиротами?! Наши дети — это ваши внуки. Мы все ведь близкие друг другу люди. Пощадите наших детей и мужей, сабиняне! Пощадите наших братьев и отцов, римляне!..»

Вид женщин и их справедливые упреки заставили обе стороны опустить оружие. Предводители Ромул и Тит Таций начали переговоры о перемирии. Пока вожди договаривались, женщины подвели своих детей и мужей к отцам и братьям,

приносили еду и питье, оказывали помощь раненым.

Когда между сабинянами и римлянами был заключен мир, оба племени объединились, поселившись в одном городе, который в честь Ромула сохранил название Рим. Граждане Рима стали именоватьс^я квиритами, в честь родного города Тита Тация — Куры. Оба вождя должны были царствовать и командовать войском сообща.

Объединившиеся народы заимствовали друг у друга обычаи, участвовали в праздниках, как старых, так и вновь учрежденных. Был введен праздник женщин — матроналии (от латинского *matrona* — замужняя женщина), в память о том, что женщины положили конец войне между сабинянами и римлянами. Этот день отмечался ежегодно 1 марта.

Справлялся и старый, установленный Ромулом и Ремом праздник в честь бога Луперка, защитника стада от волков (от латинского *lupus* — волк). Праздник этот назвался «луперкалии» и сопровождался различными обрядами. Жрецы-луперки нарезали из шкур принесенных в жертву животных тонкие ремни. Держа их в руках, жрецы обегали Палатинский холм. Бег они начинали с того места, где, по преданию, Ромула и Рема кормила волчица. Своими ремнями жрецы хлестали встречающих. Люди верили, что эти удары приносят счастье и удачу, а женщинам облегчают роды. Ремни назывались «фебруа», а поэтому и месяц, когда праздновали луперкалии, стали называть «фебруарий» — февраль.

Четыре года Ромул и Таций правили вместе. На пятом году случилось несчастье: родичи Тация убили ларентских послов, что считалось тягчайшим преступлением. Ромул потребовал сурово наказать убийц. Однако Таций задерживал исполнение смертного приговора. Тогда родственники убитых, считая Тация виновником того, что правосудие не свершилось и их родные остались неомощенными, напали на Тация и убили его. Ромул спо-

койно отнесся к этому событию и даже не пытался расследовать обстоятельства гибели Тация. Ромул устроил своему соправителю торжественные похороны и стал править один.

Ромул вел непрерывные войны с соседними народами, подчиняя их власти Рима.

Как часто бывает со многими правителями, власть которых укрепили постоянные удачи, Ромул возгордился. Он отказался от прежней близости к народу. Он окружил себя приближенными и телохранителями — ликторами. Они шли всегда впереди царя, держа в руках связки прутьев — фасции, в которые был воткнут топор. (Ликторы исполняли в Древнем Риме приговоры.) Ромул стал носить пышную одежду — красный хитон и плащ с широкой пурпурной каймой. Правил он единолично. Царь, сидя в кресле, разбирал дела, вершил суд, не спрашивая совета у старейшин, чем унижал и оскорблял их. Недовольство царем росло, но против могущественного Ромула боялись выступить открыто: внешне все были ему покорны.

Наступил 38-й год царствования Ромула. В один из жарких июньских дней он приказал народу собраться за городской стеной, возле места, которое называлось Козьим болотом. В это время поднялся сильный ветер и разразилась гроза: оглушительно гремел гром, сверкали молнии. Стало темно, как ночью. Испуганные люди бросились в разные стороны. Вскоре гроза прекратилась, небо прояснилось, и все возвратились к Козьему болоту. Но Ромула не было. Царь исчез.

Сенаторы объяснили народу, что Ромул, при блеске молний, вознесся на небо и оттуда будет для римлян богом, как раньше был добрым царем. Не все поверили этому. Прошел слух, что сенаторы убили Ромула во время грозы, чтобы избавиться от его все возрастающей власти и вернуть себе прежнее влияние.

В Риме был установлен культ бога Квирина-Ромула, в честь которого на одном из холмов построили храм. Холм после этого стал называться Квиринальским.

После смерти Ромула в Риме возникли разногласия: спор шел о том, из какого племени следует избрать нового царя — из римлян или сабинян. Те, кто пришел с Ромулом, считали несправедливым, чтобы сабиняне, получившие римское гражданство, властвовали над основателями Рима. Сабиняне, в свою очередь, утверждали, что они не были покорены римлянами, а слились с ними на равных правах: Ромул и Тит Таций обладали одинаковой властью. После смерти Тация римлянин Ромул правил один, а теперь справедливость требует, чтобы царем стал сабинянин.

Не придя к единому мнению, сенаторы решили сами управлять государством. Каждый сенатор поочередно надевал платье властителя Рима, брал в руки знаки царского достоинства, приносил жертвы богам, как верховный жрец, и становился царем, власть которого продолжалась в течение суток. Сенаторов обоих племен этот порядок вполне устраивал, так как никому невозможно было возвыситься над другими. Так продолжалось некоторое время. Но простые люди были недовольны, ибо видели, что знатные захватили власть и заботятся только о себе. В народе говорили: «Сейчас у нас вместо одного царя стало сто».

Народ требовал, чтобы власть снова была вручена одному достойному человеку, избранному всеми гражданами Рима. В конце концов сенаторы решили выбрать правителя, боясь, как бы народ не сделал этого сам.

После долгих пререканий, сенаторы при-

шли к единому решению, объявив на народном собрании, что наиболее достойным кандидатом признан Нума Помпилий, сабинянин по происхождению. Народ приветствовал это решение.

Нума жил в сабинском городе Куры, который был родиной соправителя Ромула — Тита Тация. В этот город и направилось посольство из наиболее именитых граждан Рима, чтобы предложить Нуме царскую власть.

Нума был известен далеко за пределами своего города, прославившись скромностью, миролюбием и глубоким умом. Он давно мог занять высокое положение — ведь он был женат на дочери царя Тита Тация. Но государственным почестям Нума предпочитал спокойную частную жизнь. Из своего дома он изгнал расточительство и роскошь. Нума любил уединение, бродил по окрестным рощам и лесам, наслаждаясь красотой природы и предаваясь размышлениям. Многие считали, что Нума потому подолгу бывает в священных рощах, что там он общается с богами. Прошел даже слух, что нимфа-камена Эгерия¹ стала его супругой, после того как умерла его жена. Мудрость и предусмотрительность Нумы объясняли тем, что Эгерия раскрывала ему божественные предначертания.

Послы Рима прибыли в Куры. Они склонились перед Нумой и предложили ему царствовать в Риме. Послы были уверены, что Нума обрадуется выпавшему на его долю счастью. Но Нума не хотел отказываться от своей спокойной жизни и ответил послам:

¹ По верованиям древних римлян, каждое дерево, река, источник имели свое божество. Камнями называли нимф источников, счи-

тали, что они обладают даром прорицания. Впоследствии их отождествили с греческими богинями-музами.

— Каждому человеку трудно менять привычный образ жизни, особенно это трудно тому, кто доволен своей жизнью. Вы зовете меня на царство. Жизнь и смерть Ромула показывают, что ваше царство выросло на крови. Сам Ромул прослыл убийцей своего брата, а потом виновником смерти соправителя Тита Тация. Когда же он стал править один, то сделался самовластным и жестоким государем. Смерть его окружена тайной, и говорили, что его убили сенаторы, хотя они и рассказывают народу, что Ромул был вознесен на небо. Я простой человек. Вы знаете, кто мой отец и моя мать. Ромул всю жизнь воевал. Все войны, которые он вел, были успешны, и вы, римляне, привыкли к победам. Вы даже не представляете себе, что можно жить без войны. Вам нужен молодой царь — воин и полководец. Я для этого не годюсь. Больше всего я люблю мир и ненавижу все, что связано с войной. Вам не нужен царь, который почитает справедливость и будет учить вас любить мир. Ищите себе другого царя, римляне. «Мудрый Нума! — отвечали послы. — Ты утверждаешь, что любишь мир, но ведь твой отказ неминуемо породит у нас междоусобную войну. Ведь ты единственный человек, кого все римляне согласны признать своим царем».

Сограждане тоже уговаривали Нуму согласиться. Одни говорили, что это окончательно соединит римлян и сабинян в единый народ. Другие утверждали, что он сумеет ввести в Риме справедливые, полезные для всех законы.

Нума согласился.

Когда он вступил в Рим, навстречу ему вышли сенаторы, жрецы и тысячи граждан. Женщины осыпали его цветами. На городской площади — форуме — сенатор, который в этот день был временным царем, поднялся со своего места и вручил Нуме знаки царского достоинства. Двенадцать ликторов стали впереди Нумы. Затем, по обычаю того времени, Нума поднялся на Капитолийский холм, чтобы узнать волю богов. Римляне верили, что гадание по

полету птиц позволяет узнавать будущее. Нума сел на вершине холма, закрыл лицо плащом, а стоявший позади жрец положил руку на голову царя. Все вокруг притихло. Народ напряженно глядел на него. Прошло несколько минут, и появились вешние птицы. Они пролетели справа от Нумы. Это считалось благоприятным знаком. Раздались радостные крики.

Став царем, Нума прежде всегопустил воинский отряд из 300 человек, который в последние годы правления Ромула охранял царя. Нума сказал: «Охрана нужна только тому, кто не доверяет народу и боится его. Избрав меня царем, народ показал, что он мне доверяет. Я же верю народу, и мне не нужны телохранители».

Население Рима было очень разнородно: одни пришли еще вместе с основателем города, другие поселились позднее или же были насильственно переселены из покоренных городов. Много в городе жило и беглецов, которых охотно принимали, не спрашивая, что заставило их уйти из родных мест. Постоянные столкновения с соседями укрепили воинственный дух римлян: сила заменила право и закон. Нума хотел навести порядок в государстве и установить справедливые законы, которые бы защищали слабых от произвола сильных и богатых. В те далекие времена законы, политика, и религия были тесно связаны друг с другом. Вот почему многие законы, введенные, по преданию, Нумой Помпием, касались религиозных правил и жреческих должностей.

Прежде всего Нума отдал дань памяти Ромула: основатель города стал почитаться в Риме под именем бога Квирина, воинственного подобного Марсу. Учредил Нума и должность жреца бога Ромула-Квирина. До этого в Риме было два жреца. Один — верховного бога римлян Юпитера, другой — бога войны Марса. Вместе со жрецом Квирина их стало трое.

Нума создал коллегию жрецов, которых стали называть понтификами. Над ними стоял верховный жрец, или великий понтифик. Жреческая коллегия понтификов

управляла всей религиозной жизнью государства и наблюдала за общественным и частным богослужением. Первым верховным понтификом считался сам Нума. Его власть в делах религии была безграничной: он был религиозным главой государства и считался толкователем воли богов. Нума совершал религиозные церемонии и наблюдал за исполнением обычаев и обрядов. Во всех своих действиях он советовался с коллегией понтификов.

На форуме, на склоне Палатинского холма, был построен небольшой храм Весты. У алтаря богини всегда горел священный огонь, который олицетворял общий очаг Римского государства. Весталки должны были следить за тем, чтобы священный огонь никогда не угасал.

В весталки посвящались девочки из самых знатных семейств Рима. Они должны были служить богине 30 лет. Говорили, что первые 10 лет они учились тому, что должны делать; во второе десятилетие делали то, чему выучились, а в третье — уже сами учили других. Весталки давали обет безбрачия, нарушение которого сурово каралось: клятвеннопреступницу живой зарывали в землю. Это был страшный и печальный обряд.

Осужденную весталку усаживали в крытые носилки. Внутрь носилок не проникал свет, а толстые, персвязанные ремнями покрывала заглушали звуки. Снаружи не был слышен плач несчастной. В глубоком молчании носилки поднимали и несли через форум. Толпа молча расступалась перед процессией. Наконец процессия доходила до так называемых Коллинских ворот. Неподалеку от них возвышался небольшой холм, на склоне которого зияло черное отверстие — вход в подземелье. Носилки ставили на землю, развязывали ремни и медленно поднимали покрывало. Верховный понтифик за руку выводил женщину, голова которой была закутана плащом. Жрец подводил осужденную к спуску в подземелье, и та по приставной лестнице сходила вниз. В маленькой келье-яме стояла узкая кровать, горел светильник. У лежа

находилось немного пищи — хлеб, вода в кувшине, молоко, масло, по ее хватало лишь на короткий срок. Когда несчастная весталка спускалась в подземелье, лестницу убирали, а вход заваливали землей, пока поверхность холма не становилась ровной. Такой страшной смертью наказывались весталки, нарушившие обет безбрачия.

Зато весталки имели большие преимущества по сравнению с другими гражданами Рима. Впереди весталок, как и у высших должностных лиц, шел ликтор, и все уступали им дорогу. Даже правитель государства при встрече с весталкой приказывал своим ликторам опускать к земле свои фасции с топорами. В цирках и амфитеатрах, на празднествах и собраниях весталкам предоставлялись почетные места. Оскорбивший весталку приговаривался к смерти. Если осужденный, которого вели на казнь, случайно встречал на пути весталку, казнь отменялась и человек получал свободу. Весталки очень почитались в Древнем Риме.

По преданию, Нума учредил также жрецские коллегии фециалов и салиев.

Фециалы ведали международными отношениями. Их посылали послами в другие государства. Они совершали обряды, предшествующие объявлению войны и заключению мира. До того как начиналась война, фециалы должны были использовать все возможное и доступное, чтобы разрешить конфликт мирным путем. Но если переговоры терпели неудачу, то объявлялась война: стоя на границе, жрец-фециал бросал в сторону врага на неприятельскую территорию окровавленное копье.

Особая легенда связана с созданием коллегии жрецов-салиев. Рассказывали, что на восьмом году царствования Нумы Рим охватил жестокий мор: тысячи людей умирали от неизвестной болезни. Римляне пребывали в страхе и смятении, они молили богов смилостивиться над ними. Вместе с народом молился и царь. Вдруг с неба упал медный щит необычайной формы. «Это знамение богов, — сказал Нума. — Щит послан в знак

того, что боги охраняют и защищают Рим. Я слышал голос с неба, который произнес: «Пока этот щит будет у римлян, их могущество никто не сможет оспорить. Рим будет в безопасности от врагов».

Мор вскоре прекратился. Нума приказал хранить щит как зеницу ока. Однажды царь призвал лучших мастеров-оружейников и сказал им: «Сделайте одиннадцать точно таких же щитов. Сделайте так, чтобы никто не мог отличить подлинного от тех, какие вы создадите вновь. Тогда нельзя будет похитить подлинный щит».

Взглянув на щит, мастера отказались от работы, признав, что они не смогут добиться полного сходства щитов. Только один мастер, по имени Ветурий Мамурий, взялся за работу. Через некоторое время он принес свои изделия и, положив все 12 щитов рядом, предложил царю угадать, какой из них служил для него образцом. Как ни бился Нума, но не смог отличить подлинный щит от поддельного.

После этого Нума учредил коллегия жрецов (в честь богов Марса и Квирина) из 12 человек — по числу щитов, которые они должны были хранить.

Ежегодно в марте процессия жрецов обходила город, направляясь к храму Марса. На жрецах были красные вышитые хитоны, перехваченные металлическим поясом. Поверх хитонов жрецы надевали легкие панцири, а на голову — остроконечные шлемы. В левую руку каждый жрец брал короткий меч, а в правую — копьё, или жезл. В таком наряде жрецы медленно шествовали по улицам. Под звуки труб они пели обрядовую песню и, приплясывая, ударяли в такт мечами по священным щитам, которые впереди несли служители. От этой торжественной пляски и произошло название жрецов — салии (по-латыни *salii* — скачущие, прыгающие).

В те далекие времена, когда люди не понимали и боялись многих явлений природы, магические обряды занимали важное место в жизни суеверных римлян. Точное исполнение обрядов казалось надежной защитой от опасностей и несчастий и помогало

умилостивить таинственные силы природы, обожествляемые людьми. Установление большинства обрядов приписывалось Нуме Помпилию.

Особое значение римляне придавали обряду жертвоприношения. В жертву богам приносились животные, растения, плоды. При этом молитвы были очень подробными. Римлянин боялся пропустить что-либо или сказать лишнее, чтобы боги не потребовали больше, чем он хотел или мог обещать, и, так сказать, не могли поймать молящегося на слове. Поэтому у алтаря какого-либо бога человек говорил: «Прими в дар это вино, которое я тебе приношу». Римляне считали, что если забыть указать, что жертвуется именно это вино, то бог может потребовать все вино, какое хранится в доме. Одна из легенд рассказывает, как Нума торговался с самим Юпитером, главой римских богов, которого он увидел в роще на Авентинском холме.

«Ты принешишь мне в жертву голову», — сказал Юпитер. «Хорошо», — ответил Нума, — ты получишь головку лука с моего огорода». «Нет», — перебил Юпитер, — я имею в виду нечто человеческое».

«Тогда получишь волосы», — быстро сказала царь.

«Да нет же, мне надо что-то живое». «Ладно», — подхватил Нума, — получишь рыбку».

Юпитер засмеялся находчивости Нумы и согласился со всем, что тот предлагал.

Нума воздвиг в Риме храмы в честь богини Верности и бога Термина. Царь внушил римлянам, что клятва верности — величайшая из всех человеческих клятв. Термин был богом границ, рубежей, пограничных межвых знаков. Последние нужны были для того, чтобы отличить, где кончается твой участок земли и начинается чужой. Межевые знаки считались священными.

Построив храм бога Термина, Нума установил особый праздник — терминалии. Праздновались терминалии ежегодно в мае. В этот день жрецы окрестных селений со своими семьями приходили к каменным межвым знакам. Они украшали камни цвета-

ми и веселились. Этот обряд был связан с земледелием, которое высоко ценил Нума. Он говорил: «Земледелие способствует миру. Тот, кто обрабатывает землю, не хочет, чтобы плоды его труда погибли в войне. Однако земледелец будет храбро защищать свою землю от врагов, и с развитием земледелия воинская доблесть не исчезнет. Не будет только несправедливой, алчной, корыстолюбивой воинственности, приносящей людям несчастья».

Нума сам обходил поля граждан, поощрял трудолюбивых и наказывал нерадивых.

В Риме развивались торговля и ремесла. Многие и здесь связывались с именем легендарного Нумы. Считалось, что он разделил ремесленников на несколько цехов: флейтистов, золотых дел мастеров, плотников, красильщиков, сапожников, дубильщиков, медников, гончаров. Остальные профессии были организованы в один цех. Каждый цех устраивал свои собрания, имел свои праздники.

Предания рассказывают, что именно Нума Помпилий преобразовал римский календарь. Он высчитал, что в году 365 дней, и разделил каждый год на 12 месяцев. При этом был изменен порядок месяцев. При Ромуле первым месяцем римского календаря считался март, названный так в честь бога войны Марса. Царь Нума первым месяцем года сделал январь, посвятив его древнему италийскому богу Янусу. С именами различных богов связывались и другие месяцы: весенний апрель — с богиней любви Венерой, май — с древней италийской богиней земли Маией, а июнь — с именем Юионы, супруги Юпитера. Остальные месяцы издревле просто назывались пятым, шестым, седьмым, восьмым и т. д. Названия эти сохранились и в наше время. Правда, после того как январь стал первым, февраль вторым, а март лишь третьим месяцем года, все сместилось и в Древнем Риме — месяц, который называли пятым, превратился в действительности в седьмой, и т. д. Вот почему теперешний девятый месяц года называется сентябрем (септембер — от латинского septem — семь). То же слу-

чилось и с восьмым месяцем (октябрь — октябрь, octo — восемь): он оказался десятым; девятый (ноябрь — ноябрь, novem — девять) стал одиннадцатым; десятый (децембер — декабрь, decem — десять) — двенадцатым. Все они и поныне сохраняют старые названия.

Где же прежние пятый и шестой месяцы? Они еще в древности получили новые названия: один в честь Юлия Цезаря стал называться июлем, другой — в честь Октавиана Августа, римского императора — августом.

Нума не случайно посвятил первый месяц года Янусу: этот древнейший италийский бог когда-то считался богом света и солнца. Янус открывал небесные двери и выпускал утром на землю день, а вечером, когда день возвращался, Янус затворял за ним двери. Наступала ночь. Само имя «Янус» происходит от латинского слова janua — дверь, вход. Потом Янус стал божеством начал, создателем всего существующего на земле. Считалось, что он создал и обучил человека. В молитвах имя Януса упоминалось прежде других богов. Изображали Януса с двумя лицами: одно было обращено назад — к прошлому, другое глядело в будущее. Римляне почитали Януса как покровителя и защитника государства, как бога, который решает вопросы войны и мира.

В Риме воздвигли храм Янусу, не похожий на другие. Он состоял из двух больших арок, в каждой из которых были ворота. Арки соединялись друг с другом боковыми стенами. Когда начиналась война, ворота храма Януса отворялись и войска, отправлявшиеся в поход, проходили через храм под сводами его арок. Пока шли военные действия, ворота храма Януса оставались открытыми. В мирное время ворота затворялись. Последнее случалось очень редко — Рим постоянно вел войны. Только при царе Нуме Помпилии двери храма Януса ни разу не открывались. В Риме царили мир, спокойствие, безопасность и доверие. За все царствование Нумы — а он правил 43 года — не было ни одной войны, ни одного волнения среди подвластных ему жителей. Поэты воспевали это прекрасное время:

Съедены ржавчиной крепкие копы,
Съеден двуострый меч,
Медных труб умолкли призывы...

Конечно, всякому преданию свойственны преувеличения, но эта легенда должна была показать людям, насколько мир благотворней войны, даже победоносной.

Рассказы о мирном правлении Нумы нравились простым римлянам, которые, как всякий народ, не любили войны и страдали от нее в первую очередь.

Мудрое и мирное законодательство Нумы Помпилия, твердое соблюдение законов укрепили Рим. В отличие от Ромула, власть Нумы держалась не на воинской силе и тираннии, а на разумных, справедливых законах. У Нумы не было врагов и завистников, никто не злоумышлял против него.

Легенда рассказывает, что Нума умер, как жил — спокойно, тихо. Он достиг глубокой старости и медленно угас, сохранив до конца ясность мысли. Однажды он не поднялся, как обычно, с восходом солнца. Когда к нему вошли, то увидели, что царь скончался. Ему было за восемьдесят лет.

Хоронили Нуму не только римляне, но и соседние союзные и дружественные народы.

Древние римляне сжигали умерших. Однако Нума приказал не устраивать ему погребального костра, а похоронить у подножия Яникульского холма.

Его последняя воля была выполнена. В могилу опустили два гроба: в одном покоилось тело царя, в другой положили книги законов и философские книги, написанные самим Нумой. Подобно греческим законодателям, Нума сам писал свои законы.

Два царя — Ромул и Нума — укрепили Римское государство, но разными путями. Ромул был воин, а Нума — мирный законодатель. Это принесло ему славу в народе. Конечно, законы, обычаи, обряды, установ-

ление которых приписывается Нуме Помпилию, в действительности складывались на протяжении столетий. Казалось, что законы Нумы посвящены культу и поклонению разным богам. Реформатор придавал своим нововведениям религиозную форму, но главное, к чему он стремился и за что цепили этого царя современники и потомки, — это его стремление к миру. Легенда как бы противопоставляла его Ромулу. В глазах народа легендарная история правления Нумы как бы подтверждала, что мирные завоевания и законы не менее прочны, чем то, что добыто силой оружия.

Слава Нумы еще усилилась после того, как последующие цари вновь начали бесконечные войны. Эта политика войн и насилия расширила римское государство, но принесла неисчислимые страдания народу.

Легенда о добром и мудром царе Помпилии долго жила в народе. Особенно оживала она в трудные времена, когда войны и мятежи делали жизнь невыносимой. Народу казалось, что аристократические правители Рима скрывали подлинную волю справедливого Нумы. Это отразилось в рассказе о легендарном событии, якобы случившемся 400 лет спустя после смерти Нумы.

В Риме много дней подряд шли дожди и размыли могильную насыпь у подножия Яникульского холма. Открылась могила Нумы, в которой увидели два каменных гроба. Вскрыли тот, в котором должен был находиться прах царя, но гроб был пуст.

Во втором гробу нашли книги, написанные Нумой. Когда с ними ознакомился сенат, то он решил, что с их содержанием не стоит знакомить народ. Книги сожгли, чтобы исчезла память о справедливом царе. Однако Нума не был забыт. В народе продолжали помнить человека, который создал мудрые законы и видел силу государства не в войне, а в мире.

римляне часто воевали со своими соседями. Они покорили значительную часть Средней Италии. В этих нескончаемых войнах прославились многие полководцы. Одним из наиболее знаменитых был Марк Фурий Камилл. За свои подвиги он четыре раза удостоивался большого триумфа высшей награды победителю.

В Риме ходило немало рассказов о смелости, мужестве, скромности, уме и полководческом даре Камилла.

Прочную славу Марк Фурий Камилл завоевал в войне с Вейями, одним из самых богатых и красивых городов Этрурии¹. Сильные Вейи были постоянным соперником Рима, и между ними часто возникали столкновения. Во многих сражениях римляне терпели поражения. Исход этой длительной борьбы могло решить только покорение или разрушение одного из враждовавших городов.

Собрав значительные силы, римляне осадили Вейи, обнесенные высокими крепкими стенами. Защитники города были хорошо вооружены и имели достаточные запасы продовольствия. Осада оказалась очень трудной. Шел год за годом, а овладеть Вейями все не удавалось.

Прошло семь лет. Воины и граждане Рима пачали роптать: «Наши начальники слишком нерешительны! Они медлят, как черепахи! Надо их заменить...»

Сенат прислушался к голосу народа и назначил новых военачальников. Среди них был и молодой Марк Фурий Камилл.

Понимая, что сразу овладеть Вейями невозможно, Камилл выступил против тех городов, которые помогали осажденным. Под-

чинив их, он несколько облегчил положение римлян, стоявших под стенами Вей, но осада продолжалась без серьезной надежды на скорый успех. В разгар войны случилось несчастье. Воды горного Альбанского озера вышли из берегов и хлынули вниз, заливая луга, пашни, сметая все на своем пути. Лагерь римлян и их укрепления были сметены потоком. Это было тем более неожиданно, что после жаркого лета все реки и озера обмелели и в некоторых источниках иссякла вода. Не умев объяснить причин катастрофы и пораженные грозным явлением природы, люди сочли это чудом и дурным предзнаменованием. Осажденные радовались несчастью римлян. Один из этрусских воинов насмешливо кричал со стены города: «Эй, римляне! Плохи ваши дела! Никогда не взять вам нашего славного города! Это показали Альбанские воды!..»

Случилось так, что несколько дней спустя, во время стычки у городской стены, этот насмешник попал в плен к римлянам. При допросе пленный рассказал следующее: «Я открою вам тайну, почему я уверен, что никому не взять города. Существует предсказание, что Вейи только тогда падут, когда враг повернет назад хлынувшие воды Альбанского озера и помешает им соединиться с морем».

Суверенные римляне поверили предсказанию. Тысячи воинов вышли с мотыгами и лопатами, чтобы соорудить преграду на пути вод. Был построен также водоотводный канал. Однако еще три года пришлось римлянам стоять под стенами Вей.

Наступил десятый год осады. Римский народ был крайне недоволен. Он требовал решительных действий. Тогда сенат прибегнул

¹ Этрурия — область на западе Италии, севернее Лация (современная Тоскана).

к крайним мерам: все должностные лица Рима были отстранены от власти, вместо них диктатором был назначен Марк Фурий Камилл. Ему теперь были подчинены все гражданские и военные власти в государстве.

Камилл энергично приступил к делу. Разгромив последних союзников осажденного города, спокойный за свой тыл, Камилл занялся осадой Вей. Он внимательно осмотрел укрепления города и понял, что штурмовать этот хорошо укрепленный город слишком опасно. После долгих размышлений он вспомнил, как тысячи римских граждан рыли землю у Альбанского озера, как быстро рос водоотводный канал... И пришло решение.

Прежде всего Камилл отдал приказ прекратить беспорядочные стычки с осажденными. Наступило затишье. Защитники Вей насмехались над римлянами. Они кричали со стен, что римляне трусят и поэтому укрываются в своем лагере.

Тем временем незаметно для осажденных войны Камилла рыли подкоп под стены города. Почва была мягкой, и работа подвигалась быстро. Сменяясь каждые шесть часов, римские воины день и ночь рыли подземный ход. Через несколько недель работа была завершена. Был готов глубокий и длинный подкоп, который заканчивался внутри города.

Настал решительный день. Часть римского войска, возглавляемого Камиллом, двинулась к городу, словно собиралась его штурмовать. Защитники Вей заняли места на стенах и башнях, готовые отразить врага. В это время другая часть римских воинов скрытно вошла в подземный ход и вскоре оказалась внутри крепости.

По преданию, выход из подкопа случайно оказался под храмом богини Геры. Римляне притаились, ожидая сигнала. В храме происходило богослужение. Послышался голос жреца, говорившего: «Кто закончит совершение обряда, тот победит...»

В этот момент римляне, взломав пол, появились перед изумленными этрусками. Схватив лежавшие на алтаре жертвы, они быстро завершили обряд, повергнув в ужас

суеверных этрусков. В это время шел общий штурм города. Неожиданный удар римских воинов с тыла решил дело. Вейи пали. Римляне захватили огромную добычу. Но главное — была достигнута желанная цель: могущественный, опасный соперник был сокрушен.

Камилл был удостоен большого триумфа. Пышность, с какой прошел триумф, возбудила зависть некоторых граждан. Особенно их раздражало то, что в триумфальную колесницу Камилла были впряжены четыре белых коня. «Никто так не поступал, — говорили завистники, — Камилл хочет сравняться с богами».

Но вскоре (в 394 г. до н. э.) вспыхнула новая война. На этот раз противниками Рима стали жители города Фалерий. Римлянам снова понадобился опытный военачальник, и они опять обратились к Камиллу. Его поставили во главе римского войска.

Римский полководец двинул свои силы к Фалериям. Город этот был прекрасно укреплен, и Камиллу стало ясно, что одним ударом его не взять. Началась осада.

Уверенные в прочности стен, окружавших город со всех сторон, фалерийцы не боялись врага. На башнях и стенах были только дозорные. Жители продолжали заниматься своими делами. Даже школа, куда ходили все дети фалерийских граждан, выходила, как обычно, вместе с учителем за городские ворота для прогулки. Однако учитель оказался предателем. Он с каждым днем уходил с детьми все дальше от стен города. Шло время. Однажды, выйдя, как всегда, с детьми из города, он подвел их к вражескому лагерю и окликнул римских часовых. Передав им детей, он попросил отвести его к римскому полководцу. Солдаты отвели его и детей к Камиллу. Учитель низко поклонился и сказал, указывая на детей: «Я воспитатель этих детей. Моя обязанность обучать их и охранять. Но, Камилл, оказать тебе услугу для меня куда важнее, чем выполнить долг. Вот почему я пришел к тебе и привел с собой детей. Бери их, и Фалерии сами падут к твоим ногам».

Камилл ужаснулся поступку учителя, пре-

давшего беззащитных детей врагам. Он отвернулся от учителя и громко сказал окружающим: «Квириды! Все вы знаете, что война — дело жестокое и часто несправедливое. Но для порядочных людей и на войне существуют какие-то законы. Все мы желаем победы. Мы не можем покупать победу ценой преступления. Полководец и его воины должны рассчитывать на свое искусство и мужество, а не на чужую подлость...»

С этими словами Камилл повернулся к ликторам и, указав на учителя, сказал: «Возьмите этого негодяя и свяжите его».

Ликторы схватили изменника, сорвали с него одежду и связали ему руки за спиной. «Принести прутья и плети», — приказал Камилл, — и раздайте их детям. А вы, дети, идите назад, к своим отцам, матерям, а изменника гоните перед собой. Пусть каждый подгоняет его своим прутом или плетью!»

Когда в городе стало известно, что благодаря подлому поступку городского учителя дети попали в руки врага, жители были потрясены. Повсюду слышались рыдания и горестные вопли. Толпы людей, вышедшие на городские стены, с отчаянием глядели в сторону римского лагеря. Вдруг все увидели удивительную картину: какой-то голый человек со связанными за спиной руками, спотыкаясь, брел к городу. За ним, стегая его плетями и прутьями, крича и улюлюкая, шли дети. Родные и близкие, забыв об опасности, бросились из ворот навстречу ребятишкам.

Узнав о том, что произошло, фалерийцы восхваляли Камилла, называли его отцом родным, спасителем детей. Народное собрание города решило прекратить сопротивление и послало именитых граждан сообщить об этом Камиллу. Победитель был милостив к капитулировавшим фалерийцам. Они должны были заплатить лишь небольшую дань, чтобы возместить понесенные римлянами расходы. Затем вчерашние враги заключили между собой дружественный союз.

Однако большинство воинов было недовольно таким исходом войны. Особенно недовольны были Камиллом за то, что он не дал разграбить город и захватить добычу,

которая, казалось, уже находилась в их руках. В Риме многие разделяли недовольство воинов. На Камилла посыпались одно за другим различные обвинения. С горечью слушал он эти наветы, но не возражал своим хулителям. Он считал, что ему не в чем оправдываться. Когда же сказали, что Камилл идет против народа и не любит своих сограждан, он не выдержал и решил покинуть родной город.

Ранним утром Камилл простился с семьей, вышел из дома и направился к городским воротам. Выйдя из города, он обернулся и, глядя на раскинувшийся перед ним Рим, воскликнул: «О римляне! Вы опозорили и изгнали меня. Скоро вы раскаетесь, и вам еще понадобится Камилл. Вы нетерпеливо будете ждать его возвращения. И если моей родине будет угрожать опасность, я забуду обиды и приду на помощь».

Прошло менее года, и тяжкое бедствие обрушилось на Римское государство. Рим подвергся нашествию галлов.

Галлы были многочисленным народом. Уже давно они покинули свою родину и двинулись на поиски новых земель. Одни племена заняли северные районы Западной Европы, другие осели на равнинах между Пиренеями и Альпами. Позднее десятки тысяч галлов перешли Альпы и вторглись в плодородные долины Северной Италии.

Многие племена галлов еще вели кочевую жизнь. Они двигались в поисках добычи и новых земель. Походы, сражения, пиры они считали единственными занятиями, достойными мужчин. Небольшого роста, крепко сложенные, они были прирожденными воинами. Сражаясь, галлы не закрывали головы щлемом: их длинные, косматые волосы развевались по ветру, а опущенные вниз длинные усы придавали им дикий, воинственный вид. Перед боем галлы надевали яркие праздничные одежды, а шею украшали золотыми ожерельями. Оружием им служили длинный меч, кинжал и пика. Сражались галлы преимущественно пешими.

В начале IV в. до н. э. одно из многочисленных племен галлов вторглось в Этрурию и осадило город Клузий, дружествен-

ный Риму. Жители обратились к римлянам за помощью. Римский сенат отправил к галлам послов.

Галлы встретили послов с подобающими почестями. Те передали письма, взятые из Рима, и просьбу римского сената не нападать на клузийцев, старинных союзников и друзей римского государства. Обратившись к предводителю галлов Бренну, послы спросили: «За что вы напали на город Клузий? Чем провинились перед вами его жители?»

Бренн дерзко рассмеялся и ответил: «Клузийцы виновны в том, что не хотят уступить нам часть своей земли, хотя мы бедны и нас много, а они даже не могут распахать все свои земли. Так же были виноваты перед вами, римлянами, жители многих городов, земли которых вы захватили. Когда народы не хотят уступить, вы, римляне, начинаете войну, опустошаете целые области, покоряете города и жителей обращаете в рабство. Я не осуждаю вас и не виню за то, что вы делаете. Сильный должен подчинять слабого. Это древний закон и людей, и зверей. Бросьте вы жалеть осажденных клузийцев! А то ведь и галлы могут начать жалеть те народы, которые терпят от вас несправедливости!»

Послы поняли, что им не убедить галлов. Они покинули их лагерь и направились в Клузий, чтобы рассказать о результате переговоров.

Вскоре осажденные предприняли вылазку. Под стенами города завязалось сражение. Один из римских послов, Квинт Фабий Амбуст, присоединился к клузийцам и напал на галльского воина — высокого, ловкого и красивого всадника. Поединок проходил стремительно. Звенело оружие, храпели сталкивавшиеся друг с другом кони. Пыль, поднятая лошадьми, мешала различать того, кто бился на стороне клузийцев. Но вот галльский воин упал на землю. Победитель соскочил с коня и стал, по обычаю, снимать с убитого оружие. И тут предводитель галлов узнал в победителе Квинта Фабия.

«Боги свидетели! — закричал Бренн. —

Этот римлянин нарушил священный обычай! Он прибыл к нам как посол, его встретили как посла, ему оказали почести, его пропустили в осажденный город. А теперь он сражается против нас, как враг!»

Галлы решили снять осаду Клузия и идти на Рим. Они медленно продвигались вперед. Бренн ожидал ответа из Рима, куда он отправил послов с требованием выдать Фабия, нарушившего законы войны.

Когда в Риме узнали о случившемся, немедленно собрался сенат. Многие осуждали поступок Фабия. Хранители международных договоров — жрецы-фециалы говорили: «Квинт Фабий Амбуст совершил кощунство и навлек позор на Рим. Сенат должен выдать виновного. Пусть он понесет заслуженную кару, а Рим восстановит свою честь».

Сенаторы не пришли к единому мнению и обратились к народному собранию. Народ восхищался смелостью Фабия и не хотел его наказывать. Более того, Фабий и его братья на народном собрании были избраны военными трибунами.

Галлы, узнав об этом, пришли в ярость. Медлительность Бренна исчезла, и его воины быстро двинулись на Рим. Они очень спешили, нигде не задерживались и даже не разоряли земель, лежавших на их пути. Когда тысячи вооруженных галлов проходили мимо какого-нибудь города, жители которого, заперев ворота, стояли на стенах, готовые защищаться, галлы кричали: «Не бойтесь! Мы идем на Рим! Только римлянам мы объявили войну! Остальные народы — наши друзья!»

Римское войско выступило навстречу противнику. 40-тысячную армию возглавляли военные трибуны. Римские военачальники и воины относились к галлам пренебрежительно. Недалеко от Рима, у впадения в Тибр небольшой речки Аллии, римляне разбили лагерь. Очень скоро показались и галлы. Заиграли тысячи боевых рожков, воздух огласился страшным боевыми криками. Галлы немедленно бросились вперед и смяли левое крыло римлян, не ожидавших такой стремительности. Почти все римские воины на этом

участке были истреблены. Правый фланг тоже понес большие потери и обратился в бегство. Ужас, который галлы вселили в сердца римлян, был так велик, что в бегстве они даже сбивали друг друга с ног. Часть воинов бежали в Рим, другие укрылись в соседних Вейях, так как были уверены, что Рим сегодня же будет занят врагом. Такого поражения римляне еще не знали.

Галлы сначала сами не поняли размеров своей победы. Они не стали сразу преследовать врага, а занялись разделом захваченной добычи. Время было упущено. Римляне сумели воспользоваться передышкой. Мирные жители покинули город, а воины укрепили Капитолий — крепость, расположенную на высоком холме с крутыми обрывистыми склонами. Туда спосили оружие и запасы продовольствия.

Старейшие сенаторы и жрецы не пожелали укрыться за стенами Капитолия. Они облачились в праздничные одежды, пришли на форум¹, уселись в кресла, сделанные из слоновой кости, и стали ожидать своей участи.

К вечеру, на третий день после битвы при Аллии, галлы подошли к Риму. Ворота города были открыты. На стенах не было видно ни одного воина. Галлы побоялись сразу вступить в город, опасаясь ловушки. Им казалось невероятным, что римляне отказались от сопротивления. Решили дождаться утра. На рассвете разведчики донесли, что никакой опасности нет, и галлы через Коллинские ворота устремились в Рим. Улицы были пусты, двери домов закрыты, все кругом словно вымерло.

Когда галлы дошли до форума, они увидели нескольких стариков, сидящих в креслах. Ни один из них не двинулся с места. Галлы остановились в изумлении. Они приняты этих людей за искусно сделанные статуи. Один из галльских воинов приблизился к сенатору Манию Папирию и осторожно

потрогал его за подбородок, затем, осмелев, дернул за длинную бороду. Старик поднял посох и ударил им обидчика. Галл выхватил меч и зарубил Папирия. Другие галлы бросились на стариков и перебили их. Затем враги рассыпались по улицам, убивая всех встречных. Начались грабежи, поджоги и бесчинства. Рим заплыл и через несколько дней превратился в груды тлеющих развалин. С волнением и скорбью смотрели на гибель родного города воины, укрывавшиеся за стенами Капитолия. Они отклонили предложение сдаться и готовились обороняться до последнего человека.

Осада Капитолия оказалась длительной: проходили месяцы, а крепость не удавалось взять. В поисках пищи отряды галлов рыскали по окрестностям и опустошали их, возбуждая ненависть местного населения. Самый сильный из этих отрядов направился к латинскому городу Ардее, расположенному недалеко от Рима. Там проживал после своего изгнания Марк Фурий Камилл. Он жил там как простой гражданин. Когда пришли известия о нашествии галлов, поражении при Аллии и гибели Рима, Камилл решил выступить против врагов своей родины. Он страстно убеждал ардейцев не оставаться в стороне от борьбы: «Борьба с галлами — общее дело. Рим — только начало. Когда падет Капитолий, варвары уничтожат города Италии один за другим. Опасность уничтожения грозит и Ардее, если она не будет готова к войне».

По решению городских властей организация обороны Ардеи была поручена Камиллу. Он энергично взялся за дело. Вооружены были все, кто способен носить оружие. Так в Ардее было втайне создано войско, о существовании которого враги и не подозревали.

Когда отряд галлов, разграбив окрестности Ардеи, возвращался в Рим, он расположился на ночлег на равнине. Ни о чем не беспокоясь, галлы пировали, радуясь бога-

¹ Форум — рыночная площадь, служившая также местом проведения народных собраний.

Впоследствии в Риме было несколько форумов.

той добыче, и заснули, даже не выставив часовых. Лазутчики донесли обо всем Камиллу, и он решил воспользоваться беспечностью врага. С наступлением темноты Камилл вывел из Ардеи своих воинов и неожиданно напал на галлов. Крики атакующих, рев боевых труб настолько ошеломили врагов, что большинство из них не успели оказать сопротивление и погибли.

Весть об успехе Камилла дошла до римлян, скрывавшихся в Вейях после разгрома под Аллией. Они прислали Камиллу гонцов с просьбой возглавить борьбу против галлов, на что тот ответил: «Я не могу решать. Я только слуга отечества. Сейчас мое отечество в Капитолии, там, где мои сограждане защищают последний клочок римской земли. Без воли защитников Капитолия я не вправе принять командование. Их воля для меня закон».

Тогда молодой Понтий Коминий вызвался пробраться в осажденный Капитолий и передать защитникам слова Марка Камилла. Юноша не взял с собой письма, чтобы в случае неудачи враги ничего не могли узнать. Он запомнил все, что ему надо передать, надел на себя легкую одежду, под которой спрятал кусок коры пробкового дуба. За день Понтий Коминий прошел весь путь, и когда стало темнеть, был уже на берегу Тибра. Мост охраняли галльские часовые. Понтий снял с себя одежду, обмотал ею голову и вошел в реку. Пробковая кора хорошо держала его на воде. Переплыв Тибр, он вышел к городу и осторожно двинулся дальше. Свет костров, шум и говор указывали ему, где враги, и Коминий обходил опасные места. Так в темноте он достиг подножия Капитолия. Вокруг стояла тишина. Капитолийский холм в этом месте казался особенно крутым и недоступным. Поэтому галлы здесь выставили слабую охрану.

С огромными усилиями, цепляясь за каждый выступ, рискуя ежеминутно сорваться, лез Коминий по отвесной скале. Подойдя к стене, он окликнул стражу и назвал себя. Его пустили. Немедленно собрался сенат, которому Понтий сообщил о победе Камилла. Осажденные ничего об этом не знали,

и радость их была велика. Сенат единодушно назначил Марка Фурия Камилла диктатором и вручил ему неограниченную власть в военных и гражданских делах.

Понтий Коминий спустился тем же путем и благополучно возвратился к своим. Римляне радостно встретили решение сената. Камилл со своим отрядом, к которому присоединилось еще 20 тысяч добровольцев, стал готовиться к нападению на галлов.

Между тем новая опасность нависла над осажденным Капитолием. Днем галльский дозор обходил холм и случайно остановился у того места, где ночью взбирался наверх Коминий. Росшая в расселинах трава кое-где была примята, виднелись следы осыпавшейся земли. Галлы сразу же сообщили обо всем своему военачальнику Бренну. Тот внимательно осмотрел склон холма, а затем велел собрать к нему наиболее ловких и отважных воинов. К ним обратился Бренн со словами: «Воины! Сам неприятель показал нам путь, как овладеть цитаделью Рима. На эту скалу поднялся римлянин, значит, сможет подняться и галл. Где прошел один человек, пройдут много людей. Им даже легче будет подниматься, ибо они будут помогать друг другу. Сегодня ночью мы овладеем Капитолием. Ваша храбрость, воины, принесет вам славу, и вы захватите богатую добычу!»

В полночь большой отряд галлов скопился у подножия Капитолийского холма. Молча, помогая друг другу, они стали карабкаться по скале. С большим трудом первые галлы достигли вершины, за ними поднялись другие и стали у подножия стены готовиться к штурму. Внутри цитадели была тишина: уставшие защитники крепости спали. Заснули и часовые. Даже собаки, чуткие ко всякому шороху, ничего не почуяли. Вдруг в ночной тишине загготали и захлопали крыльями священные гуси, находившиеся в храме богини Юноны. Несмотря на связанный с осадой голод, римляне сохраняли гусей Юноны и кормили их, но вдвоем накормить не могли. Голодные гуси стали особенно беспокойными и подняли крик, который разбудил римских часо-

вых¹. Увидев, что они обнаружены, галлы бросились на приступ.

Первым устремился навстречу врагу храбрый воин Марк Манлий. Ударом щита он свалил с крутизны галла, успевшего подняться на самый верх. Другой галл замахнулся секирой, но Манлий успел ударить его мечом, отрубив правую руку. Падая со стены, этот галл увлек за собой еще несколько человек, карабкавшихся наверх. В это время подоспели другие римляне. Завязалась яростная схватка. Мечами, копьями, камнями, дротиками, руками, щитами они сваливали в пропасть врагов. Скоро все поднявшиеся на скалу галлы были перебиты, остальные отступили. Капитолий был спасен.

На рассвете сигнальная труба собрала защитников Капитолия. Смелый Манлий получил награду, самую высокую, какая могла быть в осажденной крепости: каждый воин отдал ему свой однодневный паек хлеба и вина. Начальник караула, едва не пропустивший врага, был приговорен к смерти. Его сбросили со скалы.

После неудачной попытки взять Капитолий галлы усилили осаду. Они плотным кольцом окружили крепость. Осажденные испытывали жестокий голод. Съев скудные запасы продовольствия, они были вынуждены варить кожу своих щитов и сандалий. Измученные римляне решили начать переговоры. Галлы тоже были изнурены длительной осадой, болезнями и голодом, ибо Камилл уничтожал отряды, посланные за продовольствием. Галлы хотели кончить войну поскорее и согласились на переговоры. Они обещали очистить город и римские владения, если римляне уплатят им огромный выкуп, 350 килограммов золота. Римляне приняли эти условия. По обычаю, договор скрепили взаимной клятвой.

Принесли золото и стали взвешивать. Галлы хотели обмануть римлян и получить побольше драгоценного металла. Сперва по-

тихоньку, а потом и открыто они стали тянуть вниз чашу весов с гирями. Возмущенные римляне запротестовали. Тогда Бренн снял свой тяжелый меч и бросил его на ту чашу весов, где стояли гири.

«Что это значит?!» — воскликнули римляне. «Горе побежденным — вот что это значит!» — кричал Бренн, и слова его впоследствии стали поговоркой.

Силы были неравны, и осажденным пришлось отдать больше золота, чем было оговорено. В это время послышались звуки труб и в воротах города показался Камилл со своими воинами. Он спешил на помощь своим соотечественникам. Все расступились. Камилл приказал снять золото с весов и сказал: «Римляне привыкли спасать отечество не золотом, а железом!»

В ярости Бренн воскликнул: «Римляне нарушают договор, скрепленный клятвой!» — «Этот договор не имеет силы, — возразил Камилл. — Он незаконный. После того как я был избран диктатором, вся власть перешла ко мне. Лишь диктатор может заключать договоры, а я его не заключал. И не заключу!»

Рассвирепевший Бренн подал сигнал к бою. Обнажив мечи, галлы и римляне бросились друг на друга. На узких улицах, среди развалин не могло развернуться настоящего сражения. Происходили лишь отдельные стычки, которые прекратились с темнотой.

Убедившись, что римлян ему не разбить, Бренн решил вывести войска из города. Ночью галлы покинули Рим. На рассвете Камилл настиг галлов. Началась битва, которая продолжалась целый день. Галлы потерпели полное поражение.

Победители возвратились в освобожденный Рим, где семь месяцев хозяйничали галлы. Вернулись в Рим и жители. Навстречу своим женам и детям шли героические защитники Капитолия; бледные, измученные, едва державшиеся на ногах от голода

¹ С этих пор возникла поговорка: «Гуси Рим спасли». В память об этом событии раз в год по улицам Рима торжественно проно-

сили богато убранного гуся и распятую собаку, предки которой плохо сторожили Капитолий и едва не пропустили туда врага.

и лишений, они со слезами обнимали своих близких. Все восхваляли Камилла, называли его «вторым основателем Рима».

Камилл удостоился триумфа, который он заслужил как спаситель отечества. Нужно было восстанавливать разрушенный Рим. Многие граждане говорили: «Зачем восстанавливать Рим! Надо покинуть пепелище и переселиться в Вейи. Они сохранились, и там удобно жить».

Некоторые возражали и против приказов Камилла: «Он заставляет нас разбирать развалины и восстанавливать город из честолюбия. Мало ему славы полководца-диктатора, он хочет еще прославиться как великий строитель».

Чтобы окончательно все решить, Камилл созвал сенат. Первым поднялся старый Луций Лукреций. К его голосу всегда прислушивались. Вдруг за дверью послышался топот: это проходил отряд дневной стражи. В тишине четко прозвучал голос центуриона: «Стой! Будем отдыхать здесь». Эти слова означали, что отряд остановился на отдых перед курией (так называли здание, где происходили заседания сената).

Луций Лукреций не колеблясь повторил слова центуриона и добавил: «Да, римляне, отдых должен быть здесь, где жили наши отцы и деды, где находятся гробницы наших героев, могилы наших предков!» Все единодушно пришли к тому же мнению.

За год почти весь город был отстроен. Еще не закончились восстановительные работы, как пришло сообщение: в римские владения вторглись племена эквов, вольсков и латинян. Вскоре стало известно, что у Медицейской горы окружено римское войско. Камилла снова избрали диктатором. Набрав войско, Камилл выступил против неприятеля. Он решил идти в обход Медицейской горы в тыл врага. Неприятель, заметив костры римлян и боясь очутиться между двух огней, стянул все свои силы в лагерь, поспешно его укрепляя. Камилл понял, что надо торониться, пока к врагам не подошла помощь.

Взглянув на неприятельский лагерь, Камилл увидел, что все укрепления там дере-

вянные. Камилл знал, что каждое утро ветер с гор дует в сторону вражеского лагеря.

Римский диктатор приказал приготовить большое количество зажигательных стрел. Затем он разделил свои силы на две части, приказав одним бросать во врагов копья, стрелять из луков и как можно громче кричать, чтобы привлечь внимание противника. Сам Камилл с другой частью войска занял позиции спиной к горам. Рассвело, с гор, как обычно, подул резкий, сильный ветер. По сигналу Камилла тысячи зажигательных стрел посыпались в лагерь врагов. Они впивались в дерево, поджигая его. Ветер раздувал пламя. Запылала ограда лагеря, за ней деревянные постройки. Люди гибли в огне. Те, кто успевал выскочить из огня, падали под ударами копий и мечей римлян.

Это сражение принесло Камиллу новую славу. Он еще не раз командовал римскими войсками. В последний раз Камиллу пришлось возглавить войско уже глубоким стариком: ему шел 80-й год. Его снова избрали диктатором, когда до Рима докатился слух: от берегов Адриатического моря снова наступают галлы.

Боевой опыт помог Камиллу выработать особую тактику для борьбы со своим старым противником. Галлы сражались длинными мечами, которыми старались поразить врага в голову или плечо. Зная это, Камилл приказал выковать для своей тяжелой пехоты железные шлемы с гладкой, полированной поверхностью, чтобы плохо закаленные мечи врага соскальзывали, не нанося вреда, или ломались. Щиты он велел обить медью. Воинов обучили не метать копья, а, превратив их в пик, защищаться ими от вражеских мечей. Это принесло успех в завязавшейся битве. Копья римлян отбивали удары мечей и пробивали кожаные щиты врагов. Мечи галлов скользили по доспехам римлян и ломались. Скоро галлы оказались безоружными. Тогда ударила тяжелая римская пехота. Галлы побежали, но мало кто из них успел спастись. Эта битва оказалась последней для Камилла. Вскоре он умер.

Тиберий и Гай Гракхи принадлежали к старинному римскому роду Семпрониев. Их отец дважды избирался консулом и за победы в Испании и на острове Сардинии удостоился триумфов. Когда в 151 г. до н. э. отец Гракхов умер, старшему сыну Тиберию было только 11 лет, а младшему едва исполнилось 3 года. Все заботы о воспитании мальчиков легли на плечи их матери Корнелии, дочери знаменитого полководца Сципиона, победителя Ганнибала. Корнелия старалась, чтобы ее дети были достойны славы отца и деда. Ее труды не пропали даром: дела братьев Гракхов навсегда прославили их имена.

15-летним юношей Тиберий отправился в Африку в ряды армии, сражавшейся под стенами Карфагена. Шла третья Пуническая война. В одном из сражений юный Гракх совершил свой первый подвиг. Случилось это так. Решено было взять штурмом предместье Карфагена Мегару. Под покровом ночной тьмы, стараясь не делать шума, римские воины двинулись к крепостным стенам, надеясь захватить врага врасплох. Но карфагенские часовые их заметили. Тогда римляне бросились на открытый штурм. Карфагеняне яростно оборонялись. Наконец, группе римских воинов удалось захватить одну из крепостных башен. По шатким доскам, переброшенным на головокружительной высоте к стенам крепости, самые отважные ринулись вперед. Первым прыгнул на стену Тиберий. Имя героя стало известно всей армии.

После разрушения Карфагена Тиберий вернулся в Рим. Его слава была столь велика, что его избрали в коллегию авгуров¹,

в которую входили только знатные и уважаемые граждане Рима. Гордый сенатор Анний Клавдий — один из опытейших политиков своего времени — предложил Тиберию в жены свою дочь. Рассказывали, что, придя домой, Анний Клавдий с порога крикнул жене: «Антистия, я просватал нашу дочь!» Та удивленно спросила: «К чему такая поспешность? Или ее женихом стал Тиберий Гракх? Вот это было бы счастьем для дочери!» Так велико было уважение римлян к молодому Гракху.

Вскоре Тиберий был избран квестором² и вместе с консулом Манцином направлен в Испанию, где народ восстал против римского владычества. Восставшие укрепились в крепости Нуманции. Война шла неудачно. Поговаривали, что в Риме никогда не было такого бездарного полководца, как Манцин.

Однажды в ставку консула проникли ложные слухи о том, что вторая римская армия, воевавшая в Испании, потерпела поражение. Испуганный Манцин приказал той же ночью отступить от стен Нуманции. Защитники города заметили отход и, преследуя римлян, оттеснили их в непроходимое горное ущелье. Гибель 20-тысячной римской армии казалась неизбежной. Послы, отправленные Манцином, униженно просили начать мирные переговоры. «Мы согласны», — ответили нумантийцы, — но пусть переговоры ведет Тиберий Гракх. Мы помним его отца, который был у нас наместником, и слышали о Тиберии, что он не только смел, но также честен и справедлив». Тиберия направили послом. Он умело вел переговоры, и мир был заключен. Римскому войску разрешили вернуться на родину. В Риме Тиберия ожидали неприятнос-

¹ Авгуры — жрецы, предсказывавшие будущее по полету птиц и их поведению.

² Квестор — выборная должность в Риме. В армии квесторы ведали финансовыми вопросами.

ти. Значительная часть народа и сенаторы возмущались капитуляцией армии. Они говорили: «Кто позволил Тиберию говорить с врагом от имени римского народа? Этот договор позорит римское оружие, не следует его признавать». Однако Гракха спасли аристократические связи, заступничество родственников и солдат из армии Манцина. Помилованы были и остальные военачальники. Только Манцина, босого, в одной рубашке, закованного в цепи, выдали нумантийцам. Однако нумантийцы не казнили несчастного полководца, а великодушно отпустили на родину.

Тиберий Гракх много думал о положении римского народа. Еще направляясь в Испанию, он обратил внимание, что на полях совершенно не видно свободных крестьян. Повсюду попадались лишь рабы, закованные в цепи, и надсмотрщики с длинными бичами. То здесь то там раздавался свист плети из воловьих жил да жалобный крик избиваемого раба. Куда же исчезли свободные крестьяне, еще недавно трудившиеся на этой земле? Положение народа, судьба Римского государства глубоко волновали Тиберия. Скоро он понял причину поразившего его явления. Пока крестьяне, составлявшие основную часть римского войска, сражались в Африке, в Малой Азии, Испании или Греции, их хозяйство приходило в упадок, а земли захватывались богатыми землевладельцами (оптиматами). Разоренные крестьяне либо шли в батраки, либо уходили в города и жили там на подачки городских богачей. Чем меньше оставалось свободных крестьян, тем слабее становилось Римское государство: ведь батрак или городской нищий не имел права служить в армии. А сильная армия защищала страну от внешних врагов и держала в повиновении сотни тысяч рабов в самой Италии. Все это понял Тиберий Гракх и решил бороться за преобразования в стра-

не. По существовавшим в Риме обычаям, предлагать проект новых законов мог только человек, занимающий государственную должность. Поэтому Тиберий выставил свою кандидатуру на пост народного трибуна¹, общая в случае избрания добиться передела земель. Став народным трибуном (133 г. до н. э.), Тиберий выступил с требованием предоставить землю народу. Обращаясь к римлянам, он говорил: «Дикие звери в Италии имеют логова и норы, куда они могут спрятаться, а люди, которые сражаются и умирают за Италию, не владеют в ней ничем, кроме воздуха и света. Лишенные крова, точно кочевники, бродят они повсюду с женами и детьми. Полководцы обманывают солдат, когда на полях сражений призывают их защищать от врагов могилы отцов и храмы: ведь у множества римлян нет ни отчего дома, ни гробниц предков, — они сражаются и умирают за чужую роскошь, чужое богатство. Их называют владыками мира, а они не имеют даже клочка земли».

По проекту закона, предложенного Тиберием Гракхом, общественные земли, незаконно присвоенные богачами-оптиматами, возвращались государству. Они были розданы малоземельным и безземельным гражданам. Новые владельцы не имели права продавать свой участок, который должен был переходить по наследству от отца к сыну.

Народ восторженно встретил этот проект. Но он вызвал бурю негодования среди землевладельцев. Они решили не допустить принятия закона, грозившего их богатству и влиянию. Оптиматы стали распространять клеветнические слухи о том, что Тиберий переделом земель хочет вызвать междоусобицу в стране и захватить власть в свои руки. Однако авторитет Тиберия был слишком велик: народ полностью доверял своему трибуну. Распространяемые врагами клеветнические слухи ничего не могли изменить.

¹ Народными трибунами называли представителей простого народа, избираемых по римским округам (трибам) на один год. Трибуны обладали правом «вето», т. е. могли запрещать любое постановление властей,

если считали, что оно враждебно народу. Трибуны обладали правом неприкосновенности: их нельзя было арестовать и ни одно должностное лицо не имело права их сместить.

Враги Тиберия не дремали. Они нашли другой способ борьбы с ненавистным им законом. Оптиматы уговорили одного из трибунов, богатого землевладельца Марка Октавия, наложить вето на законопроект Тиберия. Тиберий был потрясен: Октавий, в прошлом его друг, выступает против закона, которого так жаждет народ, который так нужен республике! Думая, что Октавий боится потерять свои земли, Тиберий предложил из своих личных средств возместить ущерб, который ему нанесет новый закон. Октавий отказался. Тогда Тиберий, пользуясь тем же правом вето, приказал приостановить деятельность всех государственных учреждений, пока его законопроект не будет поставлен на голосование в народном собрании. Прекратили работу магистраты, был опечатан храм Сатурна, в котором находилась государственная казна, и таким образом были прекращены все платежи.

В знак протеста против Тиберия оптиматы стали появляться на улицах Рима в траурных одеждах. Наиболее решительные противники реформы стали готовить покушение на Тиберия. Но никакие угрозы не могли заставить его отступить. Гракх потребовал обсудить создавшееся положение перед народом.

И вот настал день народного собрания. На центральной площади Рима — форуме, подле трибуна, собралась многотысячная толпа. Люди приветствовали Тиберия, ободрили его. Но вдруг крик гнева и возмущения прокатился по площади. Оказалось, что оптиматы, желая сорвать голосование, похитили избирательные урны. Возбужденный народ был готов ринуться на расправу с ненавистными богачами. Тогда на трибуну, где находился Тиберий, поднялись бывшие консулы Манлий и Фульвий. Они стали умолять Гракха не допустить кровопролития и обратиться в сенат: ведь там заседают самые мудрые и уважаемые люди государства. Пусть они решат, как следует поступить. После долгих уговоров Тиберий согласился. Но когда сенаторы не поддержали его предложений, он снова созвал народное собрание. «Граждане! — обратился он к

римлянам. — Трибуны, которых вы облекли такой большой властью, что одно лишь слово каждого из них может остановить жизнь государства, не могут прийти к соглашению. Поэтому я предлагаю: пусть волей народа один из нас будет отстранен от должности».

И повернувшись к своему противнику, Тиберий спокойно произнес: «Октавий! Спроси мнение граждан. И если римский народ лишит меня звания трибуна, я тотчас отправлюсь в свой дом и буду жить как простой гражданин. Клянусь тебе, Октавий, что ты не увидишь меня в числе твоих недругов, если народ отметит тебя своим доверием».

Понимая, что народ ни за что не лишит Тиберия звания трибуна, ибо все знают, как смело борется он за народное счастье, Октавий молчал. Тогда заговорил Тиберий. «Народный трибун, — сказал он, обращаясь к притихшей толпе, — лицо священное и неприкосновенное, так как деятельность его посвящена народу, и он призван защищать интересы народа. Но если трибун, отвернувшись от народа, причиняет ему вред, умаляет его власть, препятствует его свободе, такой трибун сам отстраняет себя от должности, ибо не исполняет своего долга. Тот, кто ниспровергает демократию, — уже не трибун. Я предлагаю решить, может ли занимать должность трибуна Марк Октавий, раз он препятствует принятию закона, который даст римскому народу кров, хлеб и работу».

Началось голосование. Вот уже 17 триб из 35 высказались за то, чтобы Октавий был отстранен от должности трибуна. Но Тиберий приостановил голосование. Дружески взяв Октавия за руку, Тиберий вновь попытался убедить его в неразумности упорства.

«Октавий! Откажись от своего «вето». Этого жаждет народ, терпящий лишения и горе. Взгляни, с какой надеждой смотрят на тебя сейчас граждане, и подумай, с каким презрением и ненавистью будут смотреть они, если ты обманешь доверие тех, кто тебя избрал. Не покрывая позором свое честное имя!»

Октавий молчал. Его глаза наполнились слезами. Казалось, он внял убеждениям друга, внял голосу совести, внял воле народа. Но когда Октавий взглянул на сгрудившихся в стороне аристократов, на их траурные одежды, на их лица, застывшие в напряженном ожидании, он, словно внезапно пробудившись, освободил свои руки из рук Тиберия и, глядя ему в лицо, произнес: «Нет!» Уважение кучки оптиматов оказалось для Октавия дороже, чем счастье народа.

Тиберий продолжил голосование. Большинство голосов Октавий был отстранен от должности. По приказу Тиберия сопротивлявшегося Октавия стали сводить с трибуны. Между разгневанным народом, бросившимся на Октавия, и защищавшими его богачами завязалась схватка. Октавий едва спасся: его выхватили из толпы и дали возможность бежать.

После отстранения Октавия и избрания на его место другого трибуна все препятствия были устранены. Аграрный закон Тиберия был принят. Для передела земли была избрана комиссия из трех уполномоченных: сам Тиберий, его младший брат Гай и тесть Аппий Клавдий. То, что уполномоченные были членами одной семьи, не смущало римлян: напротив, в этом видели залог их успешной деятельности. Но сенат всячески мешал работе Тиберия: ему отказались предоставить помещение для работы, задерживали необходимые средства и т. д. Враги продолжали злоумышлять против Тиберия и его единомышленников. Положение становилось опасным.

Противники Тиберия получили новый предлог для нападок на трибуна. Умер Аттал, царь Пергама, одного из малоазийских государств. Посланец царя Евдем передал завещание, которое объявляло наследником покойного римский народ. Тиберий внес законопроект, по которому все сокровища пергамского царя распределялись между гражданами, получающими земельные участки по новому закону. При этом Тиберий подчеркнул, что намерен решить этот вопрос с самим народом, не обсуждая его в се-

нате. Это вызвало у сенаторов чрезвычайное раздражение: они надеялись, что несметные богатства Пергама не минуют их рук. Вновь волна клеветы обрушилась на Тиберия. Один из сенаторов, Квинт Помпей, заявил: — Я сосед Тиберия, и мне известно, что Евдем привез в Рим и передал Тиберию корону пергамских царей. Разве не ясно всякому, что Гракх собирается стать царем Рима, погубить республику!

Затем выступил Квинт Метелл: «Когда Тиберий-отец, в бытность свою цензором, возвращался с позднего ужина домой, граждане тушили огни, чтобы цензор не подумал, что они засиделись в гостях или пьянствуют. Теперь не так. Тиберию-сыну самому освещают путь ночью. И кто?! Люди из черни, самые отчаянные и негодные!»

Так старался укорить Тиберия всякий, кому не нравилось, что трибун, встав на защиту народа, пренебрегает мнением богачей и аристократов. Но враги не только клеветали и укоряли: они продолжали угрожать, хотя по закону личность народного трибуна была неприкосновенной. По просьбе Тиберия его дом каждую ночь стали охранять вооруженные граждане.

Оптиматы с нетерпением ждали окончания срока полномочий Тиберия Гракха. Они надеялись, что тогда смогут легко расправиться с ним, а главное, отменить аграрный закон. Чтобы не погубить начатое дело, Тиберий решил вторично выставить свою кандидатуру на выборах народных трибунов. Это было нарушением обычая, запрещавшего одному и тому же человеку два года подряд избираться на эту должность. Воспользовавшись этим, оптиматы стали обвинять Тиберия в намерении устроить государственный переворот. Они распространяли слухи о многочисленных дурных предзнаменованиях, якобы предвещавших гибель Тиберия. Будто бы в его боевой плем заползли змеи и вывели там детенышей. Утром того дня, когда были назначены выборы народных трибунов, жрецы утверждали, что необычно вели себя священные куры: они не хотели выходить из клетки и отказыва-

лись клевать корм. А это считалось недобрым предзнаменованием.

В день выборов неудачи преследовали Тиберия. Выходя из дому, Тиберий так сильно ударился ногой о порог, что сквозь обувь выступила кровь. Пройдя несколько шагов, он увидел на крыше дома двух дерущихся воронов. Камень, который столкнули птицы, упал у самых его ног. Некоторые из спутников Тиберия заколебались и стали советовать вернуться назад. Но проходивший мимо друг и учитель Гракха философ Блоссий сказал: «Велик будет стыд и позор, если ты, сын Гракха, внук Сципиона Африканского и вождь римского народа, испугавшись ворона, не отзовешься на призыв граждан! А что скажут враги? Они, конечно, станут утверждать, что трибун считается с приметами больше, нежели с желанием народа».

И Тиберий продолжал свой путь.

Сначала все складывалось хорошо. Народ восторженно приветствовал трибуна. Но в это время один из сторонников Тиберия, сенатор Фульвий Флакк, с трудом пробившись через толпу к трибуне, сообщил, что сенаторы готовятся к расправе с Гракхом и его единомышленниками и что они собрали возле площади много своих вооруженных сторонников. Друзья Тиберия, услышав о грозящей опасности, опоясали тоги и, разломав заборы, вооружились обломками. Стоявшие в задних рядах не слышали слов Фульвия и не понимали причину тревоги. Тогда Тиберий, не надеясь, что его услышат, коснулся рукой головы, жестом желая показать, что его жизни угрожает опасность. Враги поспешили истолковать этот жест по-своему: «Тиберий хочет стать царем! — кричали они, — он хочет возложить на свою голову корону!» Главарь противников Тиберия Сципий Назика устремился в курию, где шло заседание сената, и потребовал от консула немедленной казни Гракха. Консул возразил: «Я не положу начало насилию и не нарушу правосудия. Но если народ, послушавшись Тиберия, нарушит законы республики, я применю свою власть для ее защиты».

Спокойный тон консула еще более распалял ярость сторонников Назика. Вскочив с места, Назика крикнул: «Что я слышу? Даже консул предает республику! Кто хочет помочь мне, пусть следует за мной!»

С этими словами он бросился к выходу. За ним устремились другие сенаторы. Толпа людей, вооруженных палками, камнями, ножками от разбитых скамеек, хлынула на площадь, где происходило народное собрание. Стойких сторонников Тиберия на площади было немного. Крестьяне, обязанные Тиберию своей землей, отсутствовали, так как наступило время полевых работ. Городскую бедноту в большинстве составляли люди, зависящие от аристократии, жившие ее подачками. Они расступились перед сенаторами и не оказали сопротивления. Друзья Тиберия были частью убиты, частью обращены в бегство. В схватке на площади погиб и сам Тиберий. Это случилось в 133 г. до н. э.

Расправа над сторонниками Тиберия Гракха продолжалась еще несколько дней. Людей без суда предавали казни. Даже трупы их подверглись надругательствам. Тела Тиберия и 300 его сторонников были брошены в реку. Но народ не испугался жестокой расправы. Он продолжал чтить память геронческого трибуна и ненавидел его врагов. Сципий Назика — инициатор убийства Тиберия, несмотря на занимаемый им высокий пост верховного жреца, был вынужден покинуть Рим и умер в изгнании. Опасаясь гнева народа, сенат не посмел разогнать комиссию по переделу земель, в которую вместо Тиберия избрали одного из его сторонников.

Когда погиб Тиберий Гракх, его брату Гаю шел двадцать первый год. Как и Тиберий, он выделялся умом, образованностью и ораторскими способностями. Гай был более вспыльчив, чем брат, и, выступая, настолько отдавался чувству гнева, что начинал кричать и часто допускал чрезмерные резкости. Зная свой недостаток, Гай заставлял своего раба становиться позади и следить за речью господина. Заметив, что Гай чрезмерно распалялся, раб останавли-

вай" его. Но различия в характерах не мешали обоим братьям одинаково горячо любить свой народ и самоотверженно бороться за его права.

Первое время после гибели брата Гай не появлялся в народном собрании и, казалось, отошел от политической деятельности. Но эти годы не прошли даром. Гай постоянно упражнялся в красноречии и развивал свой ораторский талант. Первая же речь, произнесенная Гаем на судебном заседании, восхитила слушателей и принесла ему славу первого оратора Рима. Богатые римляне поняли, что если младший Гракх пойдет по стопам брата, над ними снова нависнет угроза. Поэтому они были очень довольны, когда узнали о предстоящем отъезде Гая в Сардинию в качестве квестора. Сам Гай направился туда с радостью: военная слава влекла молодого человека не менее, чем слава оратора. В Сардинии Гай выделился среди других знатных молодых людей храбростью в битвах, дисциплинированностью и справедливостью. Что же касается рассудительности, трудолюбия и скромности, то, по словам современников, он не имел себе равных. Вскоре эти таланты молодого квестора принесли римлянам немалую пользу.

Когда наступили зимние холода, консул обратился к местным жителям с требованием снабдить римских солдат теплой одеждой. Сардинские города отправили в Рим депутатов с просьбой освободить их от этой повинности. Сенат удовлетворил их просьбу. Консул, командовавший римской армией в Сардинии, оказался в трудном положении: войско страдало от стужи. Тогда Гай поехал по сардинским городам и так убедительно рассказывал всем о страданиях римлян, что жители стали добровольно жертвовать воинам одежду.

Рост популярности Гая беспокоил сенат. Сенаторы опасались возвращения Гракха в Рим, и когда настало время сменять гарнизон в Сардинии, консулу и его квестору Гаю Гракху было приказано остаться на острове еще на год. Узнав об этом, рассерженный Гай самовольно уехал в Рим. Этот

поступок вызвал всеобщее осуждение; даже простой народ считал, что квестор не имел права оставить должность раньше своего полководца. Гая привлекли к суду. Его защитительная речь была яркой и убедительной.

«Я участвовал, — сказал Гай, — не в десяти походах, как предписано законом, а в двенадцати. Я был квестором целых три года, хотя обязателен лишь годовым сроком! Может быть, я извлек выгоду из столь долгой службы? Нет! Из всех участников войны я один уехал с полным кошельком, а вернулся с пустым!»

Попытка осудить Гая провалилась. Знать пыталась еще несколько раз привлечь его к суду по разным ложным обвинениям, но каждый раз красноречие Гая и безупречность его поведения помогали ему доказать свою невиновность. Попытки недругов не допустить Гая к важным государственным постам тоже не имели успеха. Гай выставил свою кандидатуру в народные трибуны на 123 г. до н. э. Все богатые как один человек поднялись против Гая. Зато со всех концов страны в Рим стекалась такая масса народа, желавшего голосовать за младшего Гракха, что форум не мог вместить всех пришедших. Хотя знать оказала немалое давление на народ и многих склонила не голосовать за Гая, он все-таки был избран народным трибуном.

Заняв этот пост, Гай легко выдвинулся благодаря своему уму и красноречию. Выступая по разным вопросам, он не раз вспоминал трагическую гибель своего брата и напоминал о жестокости его убийц — оптиматов: «Наши предки присудили к смертной казни Гая Ветурия лишь за то, что он не уступил дорогу трибуну, переходившему через площадь. А народный трибун Тиберий был зверски убит на глазах у всех, и никто не был за это наказан. Враги воюли его труп через весь город, отказали ему в погребении, бросили в реку, точно собаку. А сколько друзей Тиберия убили без суда?»

Под влиянием речей Гая в народе ожили воспоминания о героической жизни его бра-

та и о том произволе, который творила знать. Поэтому народное собрание приветствовало деятельность Гая: люди видели в нем продолжателя дела Тиберия.

Прежде всего Гай провел закон о твердых ценах на хлеб: это принесло большие выгоды римской бедноте. Была возобновлена работа комиссии по переделу земли: вновь безземельным гражданам стали отводить участки. Чтобы привлечь на свою сторону всадников¹, Гай провел судебную реформу. До этого судебные дела велись сенаторами. Всадники не могли попасть в сенат: ведь его члены не выбирались, а назначались. Обычно бывало так, что место умершего отца занимал его сын; немного самых знатных римских семей из поколения в поколение стояло во главе государства. Всадники не допускались к управлению. По предложению Гая, в руки трехсот представителей этого сословия был передан суд.

Людей поражала энергия и распорядительность Гая. Постоянно его видели среди граждан, и с каждым, будь то ремесленник или посол, солдат или ученый, крестьянин или сенатор, он разговаривал приветливо. Популярность Гая была настолько велика, что он без труда добился своего переизбрания народным трибуном на второй срок (122 г. до н. э.).

Но враги Гая нашли коварный способ ослабить влияние народного вождя и подорвать его авторитет. Исполнителем этого замысла стал один из трибунов, Ливий Друз. Он происходил из знатной и богатой семьи, был опытным политическим деятелем и блестящим оратором. Должность народного трибуна обязывала Друза стоять на защите прав народа, но на деле он стал послушным орудием знати. Друз предлагал законопроекты внешне чрезвычайно заманчивые, осуществить которые, однако было невозможно. Например, Гай предложил образовать две колонии, где желающие могли бы

получить земельные наделы. Друз же, демонстрируя свое мнимое народолюбие, предложил создать 12 колоний, хотя в действительности для них не нашлось бы земли. Когда Гай с трудом добился снижения арендной платы за землю, Друз по соглашению с сенатом предложил полностью отменить арендную плату. Знать была готова на любые уступки, лишь бы Друз стал самым популярным человеком в Риме, а влияние Гая было бы ослаблено. Друз всегда подчеркивал, что все его проекты вносятся с одобрения сената, и таким образом обманывал граждан, убеждая их, что сенат заботится о народе. Коварству Друза не было границ: он клеветал на Гая, говоря, что тот берется сам руководить всеми финансовыми делами новых римских колоний в надежде обогатиться.

Как раз в это время Гай отбыл в Африку, где на месте разрушенного Карфагена хотел основать колонию Юнонию. Скоро из Африки пришли дурные вести.

«Граждане! — рассказывал приехавший оттуда гонец. — Несчастье грозит нашей новой колонии. Видно, неправ был Гракх, когда предложил распахать земли на месте, преданном проклятию: ведь там стоял Карфаген — город, причинивший Риму столько вреда. Боги прогневались на нас. Когда мы хотели водрузить римское знамя на месте будущей колонии, поднялся сильный ветер. Знамя было разорвано в клочья, а внутренности животных, принесенных в жертву, были сброшены с алтарей и раскиданы по нечистой земле».

Потрясенные слушатели качали головами, а рассказчик продолжал: «Долго трудились мы, ставя каменные столбы на границе колонии. А когда настало утро, ни одного столба не оказалось на месте! Куда же делась эти камни? Ночью набежала стая волков. Мы видели, как в темноте блеснули их глаза. Потом волки исчезли. Вероятно,

¹ Название «всадники» восходит к тому времени, когда являться в армию на собственном коне могли только богатые люди. Позднее всадниками назывались богачи (землевла-

дельцы и торговцы), не входившие в сенаторское сословие, но игравшие видную роль в Риме.

они были посланы богами, чтобы сотворить это чудо¹».

Несмотря на суеверные страхи римлян, Гай продолжал работы по основанию колонии со свойственной ему энергией и деловитостью.

Аристократ Луций Оппимий, злейший враг Гая и яростный противник его реформ, выдвинул свою кандидатуру в консулы. Это заставило Гая покинуть Африку и вернуться в столицу: он хотел помешать избранию Оппимия.

Вернувшись в Рим, Гай переселился с Палатинского холма, где жили аристократы, в квартал, расположенный ниже форума и заселенный беднотой. Он хотел быть ближе к народу, большинство которого его по-прежнему любило и уважало. Гай намеревался выступить с новым законопроектом о предоставлении гражданских прав италиям². Услышав об этом, жители различных областей Италии стали сходить в Рим, желая поддержать своего защитника. Гражданские права, которых добивался для них Гай, означали, что они смогут получать от государства, так же как и римская беднота, земельные наделы и материальную помощь.

Предложение Гая враги сумели использовать против него. Консул Гай Фанний выступил перед народом с речью, в которой грозил римлянам, что новые граждане отнимут у них все имущество.

«Неужели вы не понимаете, спрашивал он, — что, даровав италиям гражданские права, вы тем самым ограбите сами себя? Не надейтесь, что после этого вы будете занимать в цирках и амфитеатрах те же места, что и сегодня! Ведь эти люди заполнят весь город, на их долю достанется весь хлеб при раздачах, а вы ничего не получите».

Римляне действительно стали опасаться за свои привилегии. Используя их тревогу, Фанний внес предложение не допускать в

Рим италиков, а тех, кто уже прибыл, высылать из города. Это нанесло удар замыслам Гая. Ведь именно италики могли оказать ему наибольшую поддержку. Поэтому Гай протестовал против действий консула и обещал помочь италиям, которых хотели изгнать.

Как-то, проходя по улице, Гай услышал крики знакомого ему италика, которого схватили ликторы консула. По виду ликторов Гай понял, что они не подчинятся его приказу, а попытка принудить их силой приведет к столкновению, которого Гай хотел избежать.

Стало ясно, что Гай не в состоянии выполнить своих обещаний, так как народ не склонен был делиться с италиями своими привилегиями. Римская беднота понимала, что чем больше будет граждан, тем меньше достанется при раздачах на долю каждого. Главный враг Гая, вождь оптиматов Оппимий, был избран консулом. Однако Гай не падал духом. Он в третий раз выставил свою кандидатуру в трибуны, но на этот раз не был избран. Говорили, что трибуны пошли на обман и исказили результаты подсчета голосов.

Теперь богачи перешли в наступление: по их требованию был изменен ряд законов, и народ лишился многих прав, добытых для него Гаем.

В основанную Гракхом колонию Юнонию сенат послал комиссию, которая придирчиво проверяла прошлую деятельность Гая, ища любого предлога, чтобы обвинить его в злоупотреблениях. Многие сторонники Гая призывали его продолжать борьбу с аристократами, перейдя к открытой борьбе. Говорят, что так же думала и мать Гая Корнелия. По ее приказу в Рим прибыла группа воинов, переселенных жнецами. В решительный момент они должны были выступить на стороне Гракха. Отношения между сторонниками Гая и аристократами так обострились, что столкновение могло произойти в любой момент. Так и случилось.

¹ Было ли это «чудо» позднейшей легендой или делом врагов Гая Гракха — не известно.

² Подчиненные Риму жители Италии (так на-

зываемые италики) считались «союзниками» и «друзьями Рима», но не имели гражданских прав.

Однажды во время жертвоприношения, совершавшегося консулом, один из ликторов грубо крикнул стоявшим рядом друзьям Гая: «Эй вы, негодяи! Уступите место порядочным людям!»

Это вызвало такой взрыв возмущения, что оскорбитель тут же был убит. Узнав о случившемся, Гай пришел в отчаяние: «Что вы наделали? Вы что, не понимаете, что наши враги только и ждут предлога, чтобы обнажить мечи? Сейчас они получили этот предлог».

Действительно, едва весть об убийстве ликтора облетела народ, на улицах стали собираться толпы вооруженных людей. Только хлынувший ливень разогнал всех по домам.

На другой день перед зданием, где совещались сенаторы, появилась толпа, оглашавшая воздух громкими воплями и рыданиями. К зданию принесли на носилках труп убитого вчера ликтора. Сенаторы, услышав шум, вышли на площадь, и консул Опиций, делая вид, что ему непонятна причина волнения, спросил пришедших: «Граждане, что случилось? Почему на вас траурные одежды? Что означают ваши рыдания?» — «Свершилось неслыханное злодеяние. Сторонники Гракха убили вчера ликтора, слугителя закона», — отвечали люди, несшие труп. Их притворные вопли и показная скорбь, так же как и искусно разыгранное удивление и возмущение Опиция, — все это должно было возбудить римлян против Гая, оправдать расправу с ним и его сторонниками.

Но многие граждане по-прежнему стояли за Гракха. Они возмущались: «Сенаторы еще говорят о правосудии! А где было правосудие, когда Тиберий пал под ударами убийц? Где были сенаторы, когда труп народного трибуна волокли через весь город?»

Они понимали, что гибель ликтора только предлог, чтобы начать расправу с Гаем и его сторонниками. Сенаторы прибегли к чрезвычайным мерам. Опиций получил диктаторские полномочия. Он приказал сенаторам и всадникам явиться при оружии, в сопровождении вооруженных рабов.

Потрясенный происходящим, Гай был печален. Долго стоял он на площади перед статуей своего отца. По его щекам текли слезы. Видевшие это люди были глубоко тронуты горем своего вождя. Огромная толпа провожала Гая до дома и охраняла его всю ночь.

Наутро сторонники Гая отправились на Авентинский холм, где они решили обороняться от нападения.

Когда Гай выходил из дому, его остановила жена с маленьким сыном на руках. Упав на колени перед мужем, она умоляла его не идти на Авентин. Но слезы и мольбы жены не удержали Гая. Он молча вышел из дому и в сопровождении друзей отправился к своим сторонникам. Когда все собралось, ближайший друг Гая Фульвий Флакк послал своего младшего сына для переговоров с сенаторами. Тот почтительно обратился к консулу Опицию и сенаторам и сообщил им условия, на которых еще возможно было примирение. Большинство сенаторов, стремясь избежать гражданской войны, не возражали против переговоров. Они хорошо помнили, какую ненависть заслужили в Риме убийцы Тиберия Гракха.

Но Опиций грубо ответил посланцу: «Я не намерен вести переговоры через мальчишку! Пусть Гай и Фульвий сами придут сюда и попросят пощады».

Узнав об ответе Опиция, Гай хотел сам отправиться на площадь и убедить консула и сенаторов не допускать кровопролития. Но друзья не пустили его: коварство врагов было слишком известно. Тогда Фульвий снова послал своего сына. Опиций приказал схватить юношу, а сам во главе вооруженных воинов двинулся к Авентину. Критские лучники, наемники Опиция, еще издали стали поражать противника. Началась паника. Один за другим гибли друзья Гракха. Фульвий и его старший сын укрылись в заброшенных банях, но были обнаружены и убиты. Гай не хотел участвовать в битве, не хотел поднимать оружие на сограждан. Уйдя в храм Дианы, он намеревался покончить с собой.

«Пусть боги накажут римский народ за

поблагодарность,— сказал он друзьям. . . Народ, который покидает своих вождей в беде, вполне достоин вечного рабства».

Друзья все-таки уговорили Гая бежать. Горстке людей удалось незаметно покинуть храм и устремиться к воротам в степе, окружавшей Авептин. К несчастью, Гай оступился и вывихнул ногу. Враги, напавшие на след беглецов, настигли их. Друг Гая Помпоний взялся задерживать преследователей. В крепостных воротах завязался рукопашный бой. Силы были неравны, и через несколько минут герой пал мертвым.

Тем временем Гай, с трудом ступая на большую ногу, спускался к Тибру, надеясь по мосту перебраться на противоположный незащищенный берег. Встречные сочувствовали Гаю и подбадривали его. Но напрасно он молил дать ему коня, чтобы спастись от преследователей. Страх перед местью аристократов пересиливал жалость. На мосту преследовавшие Гая враги вновь были остановлены. Сподвижник Гая Лициний повторил подвиг Помпония: несколько минут отражал он удары врагов, пока не погиб.

Когда Гай в сопровождении верного раба достиг священной рощи, крики преследователей раздавались уже совсем рядом.

«Друзей у меня больше нет, а врагам не хочу достаться живым»,— сказал Гай своему рабу и показал на меч. Тот понял желание господина и нанес ему смертельный удар.

Через некоторое время перед Опинием

появился человек, несущий на острие копья отрубленную голову. Это приятель Опиция Септимулей пришел за наградой: ведь консул обещал за голову Гая столько золота, сколько она будет весить. Но негодяй не удержался от подлости: вынув мозг, он наполнил голову Гая свинцом, чтобы получить побольше золота.

Целый день волны Тибра несли к морю трупы: около 3 тысячи сторонников Гая были убиты и брошены в реку по приказу консула.

Кичась своими злодеяниями, Опиций приказал в память о победе построить на площади Рима храм Согласия. Но едва постройка была завершена, как на фронтоне появилась надпись, начертанная каким-то смельчаком: «Нечестие воздвигло храм Согласию!»

Цель, к которой стремились Тиберий и Гай Гракхи и за которую они отдали свои жизни, была благородной. Они хотели сделать равными и счастливыми всех свободных граждан Италии. Но рабов они освобождать не собирались. Может быть, именно в этом была главная причина их поражения.

Братья Гракхи погибли, но римский народ не забыл их. В одном из лучших районов Рима им воздвигли статую. Проходя мимо нее, люди склоняли головы, а в праздник урожая первые колосья и первые плоды года граждане приносили туда, где некогда погибли Тиберий и Гай, борясь за права разоренного римского крестьянства.

Марк Лициний Красс родился в 115 г. до н. э. в знатной семье. Его отец одно время играл заметную роль в политической жизни страны, занимал государственные должности и однажды удостоился триумфа.

Детские и юношеские годы Марка протекали в бурное и тяжелое время. Внутренняя политическая борьба между аристократической и народной партией, переросла в кровавую гражданскую войну.

Подобно молодым людям своего круга, Марк Красс готовился к политической карьере. Он не обладал блестящим красноречием, но был трудолюбив и упорен. Для того времени публичные выступления в суде в роли адвоката были обычным началом карьеры политического деятеля. Красс охотно брался за любое дело в суде, даже самое маленькое и ничтожное, от которого отказывались другие. Он был обходителен с людьми, независимо от их звания и положения. На улицах Рима Красс любезно отвечал на поклоны каждого встречного, будь то даже самый незначительный человек. Постепенно увеличивалась известность Красса, и к нему стали охотно обращаться за помощью.

С юношеских лет Марк Красс стремился к наживе. Жажда богатства стала основной чертой его характера. Он рано обнаружил блестящие способности дельца и спекулянта, умеющего из всего извлекать выгоду.

Состояние Красса постепенно росло. Он арендовал земли, участвовал в торговых и откупных компаниях, а также скупал рабов для продажи. Под его наблюдением молодых рабов обучали различным наукам, искусству, ремеслам. Обученных рабов продавали втридорога, либо Красс отдавал их в аренду.

Красс использовал все, даже недостаток жилья в Риме. Город, куда стекались тысячи людей со всех концов Италии и из провинции, был переполнен. С каждым годом жилищный кризис усиливался. Многоэтажные дома были лишены удобств, часто обваливались, разрушались. Из-за скученности зданий возникали пожары, опустошавшие целые кварталы. Это создавало благоприятные условия для спекуляций. Красс создал пожарные команды из специально обученных рабов. Они за плату тушили пожары, предохраняли от огня соседние дома. Красс покупал сгоревшие дома за бесценок, а затем на их месте сооружал многоэтажные доходные здания и сдавал их в аренду.

Заправляя крупными делами, Красс не брезговал и мелкими, стараясь извлечь доход из всего и экономия на всем. Так, когда в холодные дни он одалживал плащ своему учителю, постоянно сопровождавшему его в разъездах, Красс никогда не забывал потребовать его обратно. Однако, когда ему это было выгодно, Красс становился щедрым, гостеприимным и даже ссужал деньги тем, кто мог ему пригодиться, не требуя за это процентов.

В эти годы в Риме шла кровавая борьба между сторонниками аристократической партии, возглавляемой Суллой, и народной партией, вождем которой был Гай Марий. Красс, как и вся его семья, принадлежал к аристократической партии.

В 88 г. до н. э. Сулла захватил Рим. Разгромив демократов, Сулла отправился в поход на восток против понтийского царя Митридата. Воспользовавшись отсутствием Суллы, Рим осадил войска Мария и его соратника Ципия. В городе свирепствовали голод, болезни. В июне 87 г. до н. э. Рим капитулировал. Началась кровавая распра-

ва со всеми, кого подозревали в сочувствии Сулле. Погибло много знатных граждан. Были убиты отец и брат Красса, и сам он едва избежал гибели. С несколькими друзьями и слугами он успел бежать из Рима. Скрываясь днем, двигаясь по почам, беглецы достигли моря, сели на корабль и поплыли в Испанию, где жили друзья семьи. Марк Красс рассчитывал на их помощь. Однако в Испании тоже были напуганы террором и боялись Мария. Поэтому Красс соблюдал осторожность. Он и его спутники укрылись в пещере, выходящей к морю. Неподалеку находилось поместье Вибия — друга отца Красса.

Когда от посланного раба Вибий узнал о том, что Марк Красс спасся, он обрадовался, но принять беглецов в своем доме побоялся. Он посоветовал им оставаться некоторое время в пещере, ежедневно посылая им пищу и питье. Восемь месяцев прожили Красс и его спутники в пещере. Они покинули свое убежище, когда стало известно о смерти вождей демократов — Мария и Ципины. Марк Красс открыто стал на сторону Суллы. Как многие другие, например, Помпей, он стал вербовать наемников в свои личные войска. Собрав две с половиной тысячи человек, он выступил на помощь Сулле. Прибыв в Италию, отряды Красса соединились с сулланской армией, которая готовилась идти на Рим. К Сулле стекались представители римской знати, они рвались к власти, желая отомстить сторонникам Марии.

С ним был и Красс, которым владели честолюбивые мечты. Он мечтал сравняться с Помпеем, названным «Великим» самим Суллой. У Красса же не хватало боевого опыта. Кроме того, корыстолюбие и жадность по-прежнему оставались основными чертами его характера: когда на пути к Риму сулланцы захватили умбрийский город, Красс присвоил себе большую часть добычи.

1 ноября 82 г. до н. э. у Коллинских ворот столицы началось ожесточенное сражение. Красс командовал правым флангом армии Суллы. Сражение продолжалось несколько часов. Левое крыло армии было

разбито, сам Сулла едва не погиб и с толпой беглецов укрылся в укрепленном лагере. Крассу же удалось разбить неприятеля и отбросить его на север. До наступления темноты он преследовал отступавших. Успех Красса решил дело. Рим капитулировал. Сулла высоко оценил подвиг Красса. Так Красс стал одним из самых близких ему людей. Он не только вернул отобранные мариянцами владения своей семье, но во много раз увеличил их. Свои огромные богатства Красс добывал в пламени войны, мятежей и общественных бедствий. Овладев Римом, Сулла принялся за казни и убийства своих противников. Он в огромном количестве распродал и раздавал конфискованное у казненных имущество.

Красс не только скупал за бесценок имения и дома казненных, но и выпрашивал у победителя все новые подарки. Продолжал Красс и свои старые спекуляции, прерванные изгнанием. Вскоре он сделался владельцем большинства римских домов, огромных земельных участков, серебряных рудников, тысяч рабов и другой собственности. Красс стал самым богатым человеком в Риме. Он хвастливо говорил, что человек, который на свои деньги не может содержать армию, не должен называться богатым. Богатство сделало Красса очень влиятельным. Значительная часть сенаторов стала его должниками. Однако, стремясь к популярности, Красс продолжал заниматься адвокатской деятельностью. По-прежнему он был учтив, обходителен и приветлив с людьми и не держался так недоступно, как Помпей. Но под обходительной, приветливой внешностью скрывался решительный, жесткий характер, порой внушавший страх противникам. Один из народных трибунов сказал о Крассе: «Его нельзя задавать — ведь у него на рогах сено». (Римляне, чтобы предостеречь встречающих, привязывали к рогам бодливых быков сено.)

Красс завидовал Помпею, его победам, триумфам, его прозвищу «Великий», титулу императора.

Пользуясь своим положением и тем, что от его кошелька многие зависели, Красс

лавировал между враждующими партиями, не связывая себя ни с одной из них. На первое место он ставил свои выгоды и держался обособленно как от аристократической, так и от народной партии. Он никому не был ни надежным другом, ни непримиримым врагом, а переходил то на одну, то на другую сторону, меняя свои политические убеждения в зависимости от выгоды.

В 74 г. до н. э. Римское государство переживало тяжелое время. На западе, в Испании шла война против восставших племен, возглавляемых бывшим марианцем Серторием. Сенат послал туда с армией Гнея Помпея. На Востоке шла война с таким грозным противником, как Митридат. Против него были посланы два консула. В это время в самой Италии началось восстание рабов под предводительством Спартака.

В городе Капуе существовала школа гладиаторов, которая пользовалась известностью; в ней обучалось несколько сот гладиаторов. Это были большей частью фракийцы, галлы, взятые в плен и обращенные в рабство. Наиболее сильных, выносивших отбирали в гладиаторы и обучали биться с оружием в руках друг против друга на потеху римской толпе. Гладиаторов держали под строгим надзором, чтобы они не убежали или не восстали. За малейшую провинность их били плетьюми, заковывали в кандалы и сажали на цепь.

В школе созрел заговор. Его возглавил сильный, ловкий, умный и смелый Спартак, по происхождению фракиец. Он сражался против римлян, был взят в плен и продан в капуанскую школу гладиаторов.

Заговор из-за предательства был раскрыт, общее восстание не удалось. Все же 78 человек успели бежать, вооружившись кухонными ножами и вертелами.

Когда беглецы оказались за пределами города, им повстречалось несколько повозок, везших в Капую оружие для гладиаторов. Рабы захватили это оружие и двинулись дальше. К вечеру беглецы достигли Везувия и, выбрав на горе удобное для обороны место, расположились там.

Римские власти вначале не приняли всерь-

ез бегство кучки гладиаторов. Однако первые попытки захватить мятежников окончились неудачей. Гладиаторы отбились и даже завладели оружием легионеров. Тогда против восставших был брошен трехтысячный отряд.

Поляна на горе Везувий, где расположились гладиаторы, была труднодоступной. Со всех сторон ее окружали обрывистые, отвесные скалы, лишь сверху поросшие диким виноградом. Только одна узкая тропа вилась между скал. Римский военачальник приказал блокировать ее, считая, что голод вынудит гладиаторов сдаться.

Положение казалось безнадежным. Однако Спартак осуществил ловкий и смелый план. По его приказу нарезали гибкие виноградные лозы и сплели длинную лестницу. По ней, воспользовавшись беспечностью правительственных войск и утренним туманом, один за другим осажденные спустились вниз. Оставшийся последним осторожно, чтобы не производить шума, переправил вниз оружие, а затем присоединился к остальным. Без единого звука отряд снялся с места и вышел в тыл римлянам. Нападение было внезапным. Ничего не подозревавших римских воинов застигли врасплох и большей частью перебили. Победители захватили много оружия, припасов. К Спартаку стали стекаться беглые гладиаторы, рабы, свободные крестьяне. Почти вся окрестность оказалась в руках восставших. Против них правительство бросило значительные силы, но Спартак разбил их.

Армия Спартака разрасталась и становилась грозной силой. Спартак понимал, что ему будет не под силу бороться с могущественным Римом. Он предложил идти на север, переслать через Альпы, достигнуть Галлии, Фракии и вернуть освобожденных рабов на родину. Другие вожди восстания возражали против этого плана, они требовали продолжать войну в Италии, громить рабовладельцев и освобождать рабов.

Восстание распространялось на новые и новые страны. Римское правительство перестало пренебрежительно относиться к восставшим рабам. Оно поняло, какая грозная

опасность нависла над Римом. В 72 г. до н. э. сенат постановил отправить против Спартака сразу обоих консулов: так делалось, когда шла трудная война с сильным противником.

Борьбу Спартака затрудняли разногласия среди восставших. Однажды часть рабов отделилась от основных сил, решив действовать самостоятельно. Она была полностью уничтожена армией одного из консулов. Другой римский полководец попытался разбить самого Спартака, но вождь рабов, прорвав окружение, уничтожил его армию и двинулся к Альпам. Путь им преградил наместник Цизальпийской Галии Гай Кассий с десяти тысячным войском. Спартак разбил его. Сам Кассий едва избежал плена. Победы Спартака воодушевляли рабов. Всю Италию охватил пожар восстания.

Обеспокоенный сложившейся обстановкой, сенат стал искать человека, которому можно было бы доверить борьбу с мятежными рабами. Лучшие полководцы были вне Италии. Помпей продолжал войну в Испании, Лукулл воевал с Митридатом в Малой Азии. Тогда свои услуги предложил Марк Лициний Красс. Он решил, что пришел его час сделать военную карьеру. Кроме того, Красс, сам крупнейший рабовладелец, был кровно заинтересован в быстром подавлении восстания.

В это время Спартак повернул от Альп и двинулся к югу вдоль побережья Италии. Рим направил против него большие силы. Красс выслал вперед два легиона, приказав им не завязывать сражения. Командовавший отрядом Муммий презрительно относился к восставшим рабам и не считал их достойным противником. Поэтому он пренебрег приказом Красса и напал на Спартака. В ожесточенном сражении римляне были разгромлены и бежали.

Боевой дух римских солдат был подорван. Чтобы его восстановить, Красс воскрепсил старинный жестокий обычай — децимацию, то есть казнь каждого десятого. Уцелевших солдат Муммий построили и разбили на десятки. Бросили жребий, и те, на кого он указал, были казнены. Эта казнь

считалась позорной и сопровождалась мрачными обрядами.

Восстановив такими суровыми мерами дисциплину, Красс двинулся против Спартака. Восставшие уже находились на юге Италии. Они вышли к проливу, отделявшему Италию от острова Сицилия, и начали переговоры с пиратами, корабли которых бороздили Средиземное море. Спартак договорился с пиратами, что те перевезут восставших в Сицилию. Тридцать с лишним лет назад там было подавлено крупное восстание рабов. Но положение на Сицилии оставалось напряженным. Достаточно было искры, чтобы вновь вспыхнуло пламя борьбы. Спартак рассчитывал на это. Он хотел превратить этот многострадальный остров в центр огромного восстания рабов. Пираты, однако, не выполнили обещания. Им помешали римские военные корабли.

Красс решил запереть восставших на маленьком полуострове на юге Италии. В кратчайший срок его воины вырыли широкий ров длиной в 300 стадиев (более 55 километров) и перерезали перешеек. Армия Спартака оказалась в ловушке. Скоро стало не хватать пищи, люди терпели лишения. Но Спартак снова обманул своих врагов и вырвался из западни. В темную зимнюю ночь восставшие завалили часть рва хвостом, ветвями и перешли его, прорвавшись через римские заграждения.

Красс испугался. Он, как и все, опасался всеобщего восстания рабов. Боялись также, что Спартак двинется на Рим. Поступившись своим самолюбием, Красс потребовал, чтобы на помощь из Испании и Азии были вызваны Помпей и Лукулл с их легионами. Но Красс хотел покончить с восстанием до того, как придут эти полководцы, и он сначала решил напасть на те отряды, которые снова отделились от главных сил Спартака. В кровопролитном сражении они были разбиты. Римляне удивлялись мужеству тех, кого они не считали за людей. На поле битвы пало 12 тысяч 300 восставших, и только двое были поражены в спину; остальные бились с врагами лицом к лицу и погибли как герои.

Хотя силы Спартака после этого поражения уменьшились, он сумел нанести еще несколько грозных ударов римлянам. Вождь восставших рабов по-прежнему считал, что в сложившихся невыгодных условиях надо избегать сражения, но его войско требовало идти на Красса. Спартаку пришлось подчиниться.

Красс также спешил. Он хотел покончить с восстанием, пока не подошли легионы Помпея, уже высадившиеся в Италии. Вскоре армии Красса и восставших рабов выстроились друг против друга. Перед началом боя к Спартаку подвели коня. Спартак выхватил меч и убил его. «Если мы победим,— воскликнул Спартак, — отберу у врагов много хороших коней. Если мы потерим поражение, мне не понадобится и мой!»

Сражение было ожесточенным. Рабы понимали, что это их последний бой. Спартак сражался впереди, пытаясь пробиться к Крассу. Ему удалось сразить двух телохранителей римского полководца. Но вскоре он был ранен. Опустившись на одно колено, Спартак продолжал сражаться до тех пор, пока не пал под ударами врагов, но не отступил ни на шаг.

Восстание рабов было подавлено. С захваченными в плен рабами и гладиаторами Красс расправился беспощадно. Остатки армии Спартака перехватил и истребил Помпей. Более 6 тысяч пленных были распяты на крестах на дороге от Капуи до Рима. Помпей доносил сенату: «Красс выиграл битву, а я с корнем вырвал войну!»

Помпей отнял у Красса значительную часть славы. Как покоритель Испании Помпей получил триумф. Красс даже не пытался требовать почестей для себя. Сенат признал неуместным и недостойным отмечать победу над таким противником, как восставшие рабы. Красс завидовал Помпею, но, стремясь к власти, не порывал с ним. Он даже обратился к Помпею за поддержкой во время консульских выборов. Оба, и Помпей и Красс, опираясь на народную партию, были избраны консулами.

Однако дружеские отношения между двумя консулами не установились. Их пребы-

вание у власти было отмечено соперничеством и раздорами. Римляне вспоминали впоследствии, как после избрания в консулы богатый Красс принес грандиозную жертву Геркулесу: он угощал народ на 10 тысячах столов, расставленных на улицах города, и раздал всем гражданам Рима столько хлеба, что его хватило каждому на три месяца.

Красс продолжал лавировать между различными политическими течениями. Стремясь к власти, Красс сблизился даже с Катилиной, который готовил государственный переворот, направленный против аристократических правителей Рима. Однако Красс скоро понял, что победа Катилины приведет к конфискации и разделу имущества богачей. Когда Катилина собирался начать резню в городе, Красс явился к Цицерону и передал ему документы, изобличающие участников заговора. Все же слух о том, что Красс был в числе заговорщиков, распространился по городу; один из арестованных утверждал, что Красс был связан с заговорщиками, но сенаторы не поверили, что такой богатый, знатный человек мог помогать злодеям. «Они хотят оклеветать Красса и погубить одного из первых людей государства»,— говорили сенаторы.

Были в сенате и такие, кто верил в причастность Красса, но они промолчали, полагая, что в смутное время не следует порочить имя такого могущественного человека, как Марк Лициний Красс. Большинство сенаторов зависело от Красса. Поэтому они дружно кричали: «Это ложь! Надо снять подозрение с Красса!» Богатство еще раз помогло Марку Крассу.

После заговора Катилины укрепились мнение, что римское государство нуждается в твердой власти. Эта идея связывалась с именами таких людей, как Помпей, прославившийся своими походами на Востоке, Юлий Цезарь, популярность которого сильно возросла, и Марк Красс.

Возвратившись из Испании, Гай Юлий Цезарь выставил свою кандидатуру на консульских выборах и хотел заручиться поддержкой Помпея и Красса. Но Цезарь опа-

сая, что если он обратится за помощью к одному, то это вызовет недовольство другого. Цезарь решил примирить соперников. Это ему удалось тем легче, что каждый надеялся использовать примирение в своих интересах. Так возник союз трех сильнейших людей государства, которые стали править Римом. Союз получил название первого триумвирата. Это было шагом от республики к монархическому правлению. «Трехголовым чудовищем» называли триумvirат современники. Другие говорили, что союз Помпея, Цезаря и Красса — это союз силы, ума и золота.

Были определены сферы влияния триумвиров. Помпей укрепил свою власть в Риме и Италии. Крассу обещали снижение откупных платежей и командование на Востоке. Цезарю на 5 лет предоставили в управление Галлию, куда он и направился.

Победы Цезаря в Галльской войне сделали его главной фигурой триумвирата. По его инициативе через 4 года в городе Луке состоялась торжественная встреча триумвиров.

Цезарь, Помпей и Красс подтвердили существование своего союза. Цезарь обещал поддержать Помпея и Красса на предстоящих консульских выборах. В свою очередь, став консулами, они обещали продлить полномочия Цезаря в Галлии. Себе же решили взять другие провинции. Этот сговор вызывал беспокойство в Риме. Вражда Цезаря, Помпея и Красса была опасна для государства, но их согласие было еще большим несчастьем для республики.

Первое время Красс и Помпей скрывали свои намерения. Когда Помпея спросили, намерен ли он добиваться консульства, то услышали уклончивый и пренебрежительный ответ: «Может быть, да, а может, и нет! Если я и сделаю этот шаг, то лишь ради добронормальных граждан».

На тот же вопрос осторожный Красс ответил: «Я выставляю свою кандидатуру только в том случае, если это принесет пользу государству».

Скромность Красса понравилась, а уклон-

чивые ответы Помпея породили у многих уверенность, что он вряд ли станет выдвигать свою кандидатуру на выборах. Однако оба триумвира приняли участие в выборах. Истратив много денег на подкуп, Помпей и Красс стали консулами.

Все, что наместили триумвиры, было осуществлено. Цезарю еще на 5 лет продлили его полномочия в Галлии и предоставили право увеличить свои войска до 10 легионов. Испанские провинции достались Помпею, а Крассу — наместничество в Сирии, где ему предоставлялось право «набирать войска среди граждан и среди союзников, а также вести войну и заключать мир с кем пожелает».

Красс не скрывал своей радости, считая, что наконец получил власть и неограниченные возможности для обогащения. Он мечтал о войне с парфянами, претендовавшими на господство в Сирии. Эта война с богатым Парфянским царством ему представлялась славной, легкой и выгодной.

Зимой 55—54 гг. до н. э. Красс прибыл в южный порт Италии Брундизий. Погода стояла скверная, море было беспокойно. Однако он отдал приказ кораблям отплыть, взяв на борт часть войска. Буря погубила много судов. Сам Красс с остальными войсками двинулся на Восток сушей, через Балканы.

В это время Крассу было уже 60 и выглядел он значительно старше своих лет. Он был лыс и глуховат. «Поздно вато собрался старик в поход», — шептались солдаты.

Достигнув Сирии, Красс двинулся в Месопотамию. Ему удалось легко пересправиться через Евфрат. Многие города добровольно подчинялись римлянам. Только один город Зенодотия оказал сопротивление. После непродолжительной осады город был взят, разграблен, а жители проданы в рабство.

Воины провозгласили Красса императором. Он охотно принял этот титул, хотя разорение Зенодотии было ничтожным военным подвигом. Многие говорили: «Красс торопится. Он не надеется совершить более крупные подвиги, а потому довольствуется малым».

Наступила осень. Оставив в захваченных городах Месопотамии гарнизоны, Красс возвратился в Сирию. Это было ошибкой. Красс потерял драгоценное время, и противник сумел лучше подготовиться к борьбе с ним. Зимую в Сирии, Красс не столько готовил войска к предстоящим битвам, сколько подсчитывал доходы с покоренных городов. В течение многих дней он взвешивал сокровища храма богини Атаргатис из Гиерополя. Говорили, что за эти месяцы Красс успел ограбить храм и в Иерусалиме. Все это вызывало насмешки солдат над своим начальником.

Ранней весной римские войска стали готовиться к выступлению. К Крассу прибыли послы парфянского царя. Они обратились к нему со словами: «Если войско, которое идет на нас, послано римским народом, то мы поведем с ним непримиримую войну. Если же ты, Красс, начал поход по собственной воле, ради наживы, то царь Парфии не начнет военных действий, жалея твою старость. Он позволит тебе увести римских солдат, которых ты оставил в городах Месопотамии». Красс же гордо заявил: «Я не дам царю ответа сейчас. Я дам ему ответ в Селевкии»¹.

Глава парфянского посольства засмеялся. Он протянул свою руку ладонью вверх и сказал: «Скорее на моей ладони вырастут волосы, чем ты, Красс, увидишь Селевкию!»

Началась война с Парфией, с этой огромной державой, раскинувшейся от Персидского залива до Каспийского моря.

К Крассу прибыли римские беглецы из Месопотамии. Они рассказали о вторжении парфян, об их силе и многочисленности. Многие советовали Крассу не спешить, а прежде тщательно разузнать о враге как можно больше. Говорили и о дурных предзнаменованиях. Но Красс никого не желал слушать. Он отказался отсрочить выступление. Отказался и последовать совету армянского царя Артабазы, который прибыл, приведя с собой 6 тысяч всадников, и обещал дать еще помощь, если Красс поведет свои

войска через Армению. «Горы моей родины, — говорил Артабаз, — удобны и безопасны. Там не может развернуться конница парфян».

«Нет, — сказал Красс, — я должен идти в Месопотамию. Там я оставил много храбрых римских воинов. Я не могу покинуть их иа произвол судьбы».

После этих слов армянский царь уехал вместе со своим отрядом из лагеря римлян.

В мае 53 г. до н. э. легионы Красса подошли к Евфрату и начали наводить переправу. Когда войска перешли на другой берег реки, мост разметала буря. «Не бойтесь, воины, что мост разрушен, — обратился Красс к солдатам. — Не думайте, что это предвещает несчастье. Мост вам больше не понадобится. Клянусь, что, разбив врагов, мы пойдем назад через Армению».

Солдаты одобрительно зашумели. Но далее Красс произнес: «Воины, ни один из нас не вернется этой дорогой...» Эти слова прозвучали двусмысленно. «Ни один из нас не вернется...» — подумали суверенные римские солдаты.

И надо же, что в тот же день воинам выдали пищу сухим пайком — чечевицу и соль. Это опять произвело неблагоприятное впечатление: в Риме чечевицу и соль ставили перед умершим в знак траура. «При плохих предзнаменованиях начинается поход», — шептались между собой солдаты.

Армия Красса двигалась вдоль реки. Римлян было 7 легионов, примерно 40 тысяч человек. Разведчики, шедшие впереди, донесли, что местность безлюдна, но на земле видны следы от множества лошадей. Отпечатки копыт показывали, что всадники уходили от римского войска. «Парфяне убегают при одном приближении римлян», — сказал Красс.

Более осмотрительные командиры предлагали соблюдать осторожность и не спешить, другие советовали остановиться в каком-нибудь укрепленном пункте, добыть как можно больше сведений о противнике и изучить местность. Они также счи-

¹ Селевкия — город на Тигре, одна из столиц Парфянского царства.

тали, что двигаться надо вдоль реки. Это обезопасит войско от нападения с фланга и тыла. По реке, рядом с войсками, могут двигаться суда с продовольствием, и солдаты ни в чем не будут испытывать нужды.

В это время в лагерь прибыл Абгар, вождь одного из арабских племен в Месопотамии, ловкий и коварный человек. Он когда-то помог Помпею и считался другом и союзником римлян. Однако на этот раз Абгар прибыл в лагерь Красса с тайным поручением парфянских полководцев — попытаться заманить римлян в глубь страны. Там, на равнине, парфянская конница рассчитывала окружить и уничтожить своего противника, так как римляне теряли преимущества для обороны, какие давали река и ее холмистые берега.

Абгар умело играл роль друга римлян. Он восхищался армией Красса, ее силой, вооружением, дисциплиной и пренебрежительно отзывался о парфянах.

«Зачем, Красс, ты медлишь? — говорил араб. — К чему так тщательно готовиться? Твоим солдатам нужно не оружие, а сильные, быстрые ноги, чтобы догонять убегающих врагов.

Все это было ложью. В действительности царь Парфии Арсак в это время с огромным войском выжидал, как сложатся события в Армении, а часть воинов под командованием Сурена и тысячи верблюдов, нагруженных припасами и боевым снаряжением, выслал вперед померяться силами с римлянами.

Абгару удалось убедить Красса, и римская армия двинулась в глубь страны, на восток от Евфрата. Врагов по-прежнему нигде не было видно. Вначале дорога была легкой. Но через несколько дней началась безлесная, песчаная и безводная равнина. Ноги воинов погружались в мягкий, сыпучий песок. Идти становилось все тяжелее. Сколько хватал глаз, видна была унылая, однообразная пустыня.

Несколько всадников нагнало римскую армию: это были гонцы армянского царя Артабазы; они принесли печальную весть о вторжении парфян в Армению.

«Царь не сможет теперь помочь тебе, — сказали гонцы. — Он повелел передать тебе, чтобы ты шел в нашу сторону. Сославшись, мы станем сильнее парфян. В наших горах сражаться будет гораздо легче».

Красс рассердился, назвал армянского царя изменником и угрожал наказать его за предательство.

9 июня 53 г. до н. э. из римского лагеря усакал Абгар. Его измена стала очевидной. Но Красс все равно приказывал идти вперед, торюя солдат.

Неожиданно из посланной вперед большой группы вернулось всего несколько человек. Они с трудом спаслись от многочисленного врага, движущегося на римлян.

Полученное известие опешумило Красса. Он приказал войску построиться в боевой четырехугольник. Командовать одним из флангов Красс поручил Гаю Кассию, другим — своему сыну Публию Крассу, опытному и храброму военачальнику. Центр армии возглавил сам Красс.

В боевом порядке римляне медленно продвигались вперед. Усталые солдаты страдали от зноя, жажды, но, подгоняемые приказом, шли безостановочно. Вдруг, неподалеку от города Карра, они увидели врагов. Это были передовые отряды парфянской армии. Главные силы шли за ними. Противник приближался и скоро оказался достаточно близко. Парфянские воины сбросили плащи, которыми прикрывали свои сверкающие доспехи.

Вдруг вся равнина угрожающе загудела. Это раздался грохот барабанов, увешанных погремушками. Барабаны парфян издавали низкий гул, смешанный как бы со звериным ревом и раскатами отдаленного грома. В ответ римляне тоже затрубили в свои трубы и рожки. Устрашенные этими звуками (ведь из всех пяти чувств именно слух легче всего приводит душу в замешательство), римские воины с беспокойством смотрели на открывшуюся перед ними грозную картину. Врагов оказалось великое множество. Особенно страшными казались парфянские всадники. На них были медные и железные латы и шлемы, закры-

вающие лицо. Их кони также были защищены броней. Пригнувшись к лошадям, конники понеслись на римлян, надеясь одним ударом опрокинуть первые ряды и ворваться внутрь их боевых порядков.

Натолкнувшись на стойкое сопротивление, парфяне отступили. Казалось, они в беспорядке рассеялись в разные стороны. Из рядов римлян слышались насмешки. Однако вражеская конница незаметно начала обходить римлян и скоро окружила их плотным кольцом.

Красс приказал легковооруженным воинам броситься на противника. Но не успели легионеры пробежать и несколько шагов, как послышался свист множества стрел. Упали первые убитые и раненые. Солдаты Красса впервые поняли, на что способны знаменитые парфянские стрелы: они пробивали латы, щиты и пронзали человека насквозь. Римляне стояли так кучно, что каждая стрела находила жертву. Неся большие потери, римляне пытались перейти в наступление, но парфяне не принимали боя, а мчались прочь, время от времени оборачиваясь и пуская свое смертоносное оружие. Красс приказал своему сыну навязать бой врагу. Он выделил в его распоряжение около 4500 воинов, пеших и конных. Публий Красс и его солдаты двинулись вперед. Парфяне поспешно отступили. Римляне двинулись им вслед. Преследование продолжалось долго. Неожиданно парфяне повернули своих коней. Римляне быстро построились для отражения атаки. Однако столкновения не произошло. Закованные в броню парфянские всадники остановились против рядов противника. Главная масса конницы кружилась вокруг легионеров, посылая в них тучи стрел. Тысячи коней подняли густое облако пыли, которое обволокло римлян. Солдаты ничего не видели, задыхались и падали мертвыми или ранеными, пораженные стрелами.

Публий со своими всадниками бросился на парфян. Завязалась схватка. Римляне сражались отчаянно. Они хватались за длинные парфянские копья и, подтянув к себе неповоротливого в своей броне врага,

стаскивали его на землю. Другие легионеры подлезали под неприятельских коней, ударяя пожом в незащищенное брюхо лошади. Животное поднималось на дыбы и сбрасывало седока, который на земле находил свою гибель. Римляне потеряли много людей, ранен был и Публий Красс. Отступив к соседнему песчаному холму, римляне выстроились на нем, прикрывшись щитами. Это было роковой ошибкой. На равнине врагам был открыт только первый ряд воинов. Он прикрывал собой остальных. На склоне холма каждый следующий ряд расположился выше предыдущего. Весь отряд превратился в мишень для парфянских стрел. Люди гибли один за другим, не имея возможности даже ответить врагу. Публию Крассу предложили тайно бежать, пока холм еще не успели полностью окружить.

«Нет, — ответил Публий, — ничто не заставляет меня покинуть людей, которые гибнут по моей вине!»

Избиение продолжалось. Не желая попасть в руки парфян, многие римляне покончили с собой. Не в силах держать меч раненой рукой, Публий Красс приказал оруженосцу заколоть его. Прорвавшись на холм парфяне уничтожили почти весь отряд. Около 500 человек попали в плен.

В это время Марк Красс напрасно ждал известий от сына. Как и другие, он думал, что Публий преследует бегущих врагов и, прекратив погоню, возвратится. Но скоро прибыли гонцы, сообщившие о бедственном положении Публия. Был дан приказ идти на помощь. Но тут слышались звуки парфянских барабанов. К римскому лагерю приближались тысячи всадников. Несколько человек подскакали ближе. Все увидели падающую на конь голову Публия Красса. Парфянин показал свой кровавый трофей и насмешливо крикнул: «Кто родители этого воина? Откуда он родом?! Не может же быть, что у малодушного, ничтожного Красса был такой доблестный сын!»

Римляне были подавлены. Многих охватил ужас. Марк Красс держался мужественно и ободрял солдат. Однако воодушевить их уже было невозможно.

Между тем лучиики парфян, наскაკивая, пускали стрелы, тесня первые ряды римлян, пехотинцы поражали людей своими длинными копьями. С наступлением темноты парфяне прекратили бой. Наступила страшная для римлян ночь. Никто не горевал об убитых, не заботился о раненых; каждый оплакивал собственную судьбу.

Было решено под покровом ночи вырваться из ловушки, оставив всех, кто не может сам передвигаться. Без громких команд, в тишине воины поднялись и стали тихо удаляться. Когда раненые поняли, что их бросают на произвол судьбы, они подняли крик. Теперь парфяне заметили бегство римлян, но преследовать их не стали, так как не умели и не любили сражаться ночью: в темноте лучники не видят цели.

Только когда рассвело, парфяне ворвались в лагерь и перебили раненных. Совершив это кровавое дело, они на своих быстрых конях погнались за Крассом, убивая отставших солдат.

Красс укрыл свое войско за стенами города Карра. Вскоре парфяне окружили город и потребовали, чтобы им выдали Красса и Кассия закованными в цепи. Необходимо было бежать, но так, чтобы об этом никто не знал. Красс решил уходить под покровом ночи. Однако ианятый проводником грек оказался предателем и повел Красса неверной дорогой. Заподозрив недоброе, Кассий с 500 всадниками повернули назад; другой помощник Красса — Октавий, имея надежного проводника, с пяти тысячным отрядом к утру достиг безопасной гористой местности. Красса же — с ним было около 2500 пехотинцев и несколько десятков всадников — проводник завел в болото, и пока римляне выбирались на дорогу, их настигли парфяне. Завязалось сражение. Римляне ожесточенно отбивались. Им даже удалось потеснить парфян.

Боясь, что ночью римляне уйдут, парфяне пошли на хитрость. Через нескольких пленных, которым дали возможность бежать, они распространили слух, что царь Парфии хочет примириться и заключить дружеский союз с римлянами. Вскоре после того, как затихла

битва, к холму, где расположился Красс, подъехал парфянский командующий. Он предложил начать переговоры о мире. «Царь Парфии не хочет войны», — сказал он и пригласил Красса обсудить с ним условия перемирия.

Красс почувствовал вероломство и не хотел покинуть укрепленный лагерь. Но солдаты потребовали, чтобы он вышел на переговоры. Красс стал спускаться с холма. С ним пошли несколько человек. К Крассу подъехали два всадника. «Пошли кого-нибудь вперед», — сказал один из них, — пусть он убедится, что те, кто встретятся с тобой, безоружны».

Красс покачал головой. «Не надо, — сказал он, — если бы я ценил сейчас свою жизнь, я бы не вышел к вам».

В этот момент к Крассу подъехал парфянский командующий. Он воскликнул: «Что это такое?! Мы верхами, а римский полководец идет пешком!» — «Каждый поступает по обычаю своей страны», — ответил Красс. «Но конь тебе будет нужен», — сказал парфянин, — мы поедem к Евфрату и там подпишем договор о мире».

Красс приказал привести свою лошадь. Парфянский полководец остановил его и указал на прекрасного коня с золотой уздечкой, которого подвели воины: «Царь дарит тебе этого коня!»

Крассу помогли сесть верхом, а парфянские конюхи стали ударами плетей подгонять его коня. Римляне, наконец, поняли, что Крассу грозит плен, и бросились к нему. Началась сумятица, толкотня. Помощник Красса Октавий выхватил меч и ударил одного из конюхов. В этот миг ему всадили нож в спину. Схватка была короткой. Несколько римлян и парфян были убиты. Был убит и Красс.

Отрубленную голову и руку Красса послали царю Парфии. Рассказывали, что в голову Красса парфяне лили через рот расплавленное золото, говоря при этом: «Ты был ненасытен в жажде золота. Теперь, наконец, ты насытишься».

Так закончилась жизнь Марка Лициния Красса.

Тней Помпей происходил из знатного рода. Юность будущего полководца совпала с грозной эпохой гражданских войн в Риме. В этот период в столице противостояли друг другу две группы: бедняки, жившие только на государственные подачки, и аристократы, в руках которых была земля, богатства, рабы и государственная власть. Римская беднота уже давно не имела постоянного заработка: на него нельзя было рассчитывать потому, что везде — и в ремесле и в сельском хозяйстве — рабовладельцы предпочитали пользоваться даровым трудом рабов. Свободным людям оставалась жалкая участь нищих. Однако они были римскими гражданами, и в народном собрании от их голосов зависели результаты выборов должностных лиц и принятие новых законов. Поэтому некоторые политики, стремясь к власти, боролись против преимущественных прав старой знати и обещали ослабить власть сената и улучшить положение бедняков. Их называли популярами или народной партией. С ними боролись оптиматы, во главе которых стоял удачливый полководец Корнелий Сулла.

Пока Сулла воевал на Востоке, власть в Риме захватили популяры. Помпей хотел было перейти на их сторону, но, видя что ему не доверяют из-за его знатного происхождения, уехал из Рима в область Пицен, где у него были обширные поместья. Вскоре после успешной войны с понтийским царем Митридатом вернулся в Италию Сулла. Во главе своей армии он шел на Рим. Зажиточные граждане ждали Суллу как своего

избавителя, а бедняки со страхом думали о предстоящей расправе.

Находясь в Пицене, Помпей видел, как богатые и знатные граждане готовятся стать на сторону Суллы. Он тоже решил примкнуть к оптиматам, но считал ниже своего достоинства явиться к Сулле жалким беглецом. Поэтому, пользуясь старыми связями отца с зажиточными гражданами Пицена, Помпей сделал попытку привлечь их на сторону Суллы. Зажиточные пиценцы охотно откликнулись на призыв Помпея. Вскоре ему удалось набрать три полных легиона и заготовить на них продовольствие и оружие. Затем 20-летний полководец двинулся навстречу Сулле. Со своими легионами Помпею пришлось пробиваться через вражескую территорию. Войска популяров много раз пытались его окружить и уничтожить, но молодой полководец каждый раз избегал опасности.

Сулла ничего не знал об отряде Помпея. Но когда пришло известие, что севернее Рима войско Помпея сражается против превосходящих сил противника, Сулла немедленно выступил ему на помощь. Узнав о приближении сулланской армии, Помпей выстроил свое войско для торжественной встречи. Приветствуя Суллу, Помпей назвал его императором¹. Не только при первой встрече, но и впоследствии диктатор оказывал Помпею особые знаки внимания, отличая его среди множества других полководцев. Мало того, став пожизненным диктатором², Сулла пожелал породниться с Помпеем, чтобы еще теснее связать его с собой и партией оптиматов. Для этого он

¹ Император — почетный титул, который давали полководцу после одержанной им крупной победы.

² В древности диктатором называли едино-

личного правителя, назначавшегося сроком не более чем на полгода при крайней опасности, грозившей государству. Сулла был первым пожизненным диктатором.

предложил Гнею развестись с женой и взять в супруги падчерицу диктатора. Отклонить предложение Суллы Помпей не рискнул.

Некоторое время спустя пришла весть о том, что вожди народной партии вновь собирают силы для борьбы. Один из них — Перпенна — укрепился в Сицилии, пытаясь превратить остров в опорный пункт для вторжения в Италию, а другой — Карбон — собрал флот и крейсеровал вдоль берегов Сицилии. Против них Сулла послал Помпея. Вскоре тому удалось отобрать Сицилию у Перпенны и захватить в плен Карбона. Боясь, чтобы диктатор не заподозрил его в симпатии к популярам, Помпей казнил захваченных в плен видных противников Суллы. Менее известным популярам Помпей, если это не могло возбудить подозрений Суллы, разрешал прятаться, а некоторые даже сам помогал бежать.

Помпей решил наказать жителей сицилийского города Гимеры за то, что они поддерживали восставших. Один из гимерцев, Сфений, сказал: «Ты, Помпей, поступишь несправедливо, если отпустишь виновного, а казнишь ни в чем неповинных людей». «Кого же ты считаешь виновным?» — спросил Помпей. «Себя,— смело отвечал Сфений,— ведь это я убедил сограждан выступить». Восхищенный смелостью и благородством этого человека, Помпей даровал ему прощение.

В то время как Помпей улаживал сицилийские дела, пришло письмо от Суллы с приказанием немедленно отплыть в Африку для подавления не подчинявшегося Сулле полководца Домития. Помпей с шестью легионами отплыл к берегам Африки. Ночью смело и неожиданно он напал на врага и в жестокой схватке одолел противника. Сам Домиций пал в бою. После этого все города в Африке и местные цари подчинились Помпею.

Хотя Сулла после этого и стал называть Помпея «Великим», но долго не соглашался предоставить ему заслуженный триумф. В последнее время диктатор изменил свое отношение к Помпею, завидуя его славе и возрастающему могуществу.

После смерти Суллы (78 г. до н. э.) один из консулов, Лепид, собрал популяров и поднял восстание против сената. Помпей был назначен главнокомандующим в войне против повстанцев и победил. Едва окончилась война с Лепидом, как Помпей отправился в Испанию, где ликвидировал еще один очаг сопротивления власти оптиматов. Победив в Испании, Помпей с войском переправился в Италию. Он вернулся во время восстания рабов под предводительством Спартака, когда Марк Красс уже разбил армию восставших. Остатки разбитого войска Спартака попали в руки подросшего Помпея. Он жестоко расправился с пленными и распял на крестах более 5 тысяч человек. Помпей написал сенату, что Красс разбил гладиаторов в открытом бою, а он, Помпей, довершил победу над дерзкими рабами.

В 70 г. до н. э. Помпей неожиданно нормировал со своими прежними друзьями оптиматами и перешел на сторону популяров. С его помощью была восстановлена отмененная Суллой должность народных трибунов, и это снискало Помпею расположение народа.

Через некоторое время Помпея избирают на должность консула. Одновременно с ним консулом стал и Красс — победитель Спартака и один из богатейших людей Рима. Однако консулы враждебно относились друг к другу. Оба они стремились к власти и были постоянными соперниками во всем. Когда закончился срок консульства, Красс вернулся к частной жизни, а на Помпея было возложено командование в войне с пиратами.

Пираты укрепились на юго-восточном побережье Малой Азии, в Киликии. Сама природа этой местности была для них удобна. Здесь росло много корабельного леса, имелись тайные гавани и бухты.

Пираты вначале занимались только охотой за людьми, продавая в рабство пленников. Когда же во время гражданских войн побережье Средиземного моря осталось почти без охраны, разбойники осмелели и стали опустошать прибрежные города.

Многочисленные корабли пиратов отличались быстротой и легкостью хода. Из восточной части Средиземного моря пираты постепенно перенесли свои разбойничьи операции к берегам Греции и даже Италии. Они почти полностью парализовали торговлю в Средиземном море. Стало трудно подвозить в Рим продовольствие. Сенат поручил Помпею уничтожить морских разбойников и предоставил ему чрезвычайные полномочия на море и на суше. Помпей снарядил 500 кораблей, набрал огромную армию и разделил все Средиземное море на 13 округов. В каждом из них он расположил по эскадре кораблей и этим лишил пиратские суда возможности свободного плавания. Только немногие пираты прорвались назад в Киликию.

Западная часть Средиземного моря была очищена от морских разбойников. Командам кораблей, которые сдались, Помпей сохранил жизнь. Главари пиратов и те, кто остались им верны, укрыли свои богатства, жен и детей в тайных убежищах, а сами с большим флотом ожидали нападения Помпея у крепости Коракесия в Киликии. В морском сражении пираты были разбиты наголову. Затем Помпей приступил к осаде крепости. Видя, что дальнейшее сопротивление невозможно, пираты решили сдаться. В плен было взято более 20 тысяч пиратов, не считая их семей. Помпей приказал переселить всех этих людей в местности, расположенные вдали от моря, чтобы они не могли вернуться к своему разбойничьему промыслу.

Когда в Рим пришло известие, что война с пиратами закончилась, один из трибунов предложил закон о передаче Помпею командования всеми войсками на Востоке. Помпею предстояло закончить войну против понтийского царя Митридата, которая велась еще со времен Суллы. Митридат VI Евпатор был царем небольшого государства на южном берегу Черного моря (Понта) и одним из самых ярых врагов Рима. В результате завоеваний под власть Митридата попали земли как на северном и восточном побережье Понта (Кавказское побе-

режье, часть Крыма), так и в Малой Азии и даже на Балканском полуострове. Во главе его армии стояли опытные греческие военачальники, но государство, созданное царем, было лоскутным, не имеющим прочных экономических связей, и могло распасться при первой же серьезной неудаче.

Война с Митридатом, располагавшим армией в несколько десятков тысяч человек, была трудной и продолжительной. Несколько раз Помпей наносил поражения понтийскому царю, но тот уходил от окончательного разгрома и собирал новые силы. Преследуя Митридата, римляне продвигались вдоль южного берега Понта, затем, вступили в Армению, царь которой подчинился Риму. Продолжая преследование Митридата, Помпей вторгся в Албанию и Иберию (современные Азербайджан и Грузия). Трудности войны в горной местности заставили Помпея прекратить поход, удовлетворившись формальным подчинением племен Закавказья. Тем временем Митридат укрылся на Киммерийском Боспоре (Керченский полуостров).

Помпей вернулся в Малую Азию и завершил покорение Понтийского царства, превратив его в римскую провинцию. После этого римские легионы двинулись в Сирию, которая в следующем году также стала провинцией Рима. Затем Помпей покорил Иудею, захватив в плен ее царя Аристобула.

Не спрашивая согласия сената, Помпей низлагал и возводил на троны царей в государствах Передней Азии, перекраивал территории их царств.

Помпею предстояло еще продолжить трудную войну с Митридатом, но исожиданно пришло известие, что греческие города Крыма и Кавказа восстали против понтийского царя. Во главе мятежников встал сын Митридата Фарнак. Армия и флот перешли на его сторону, и когда столица Митридата Пантикапей (современная Керчь) открыла ворота восставшим, Митридат покончил с собой (63 г. до н. э.). Так погиб Митридат Евпатор — злейший враг Рима, которого называли вторым Ганнибалом.

Неожиданная смерть царя Понта изменила планы Помпея, и он повернул в сторону Италии. Между тем в Рим проникали всевозможные слухи о намерениях Помпея. Оптиматы опасались, что он поведет свою армию в столицу и окончательно установит единовластие. Некоторые богатые люди, боясь беспорядков, даже покинули город. Однако Помпей еще до прибытия в Италию распустил своих легионеров по домам. Лишь только разнеслась весть об этом, как жители городов в праздничных одеждах стали выходить навстречу победителю Митридата. Когда полководец подходил к Риму, за ним следовала огромная толпа, численно во много раз превосходившая охранявших его солдат.

Триумф Помпея продолжался два дня. На таблицах, которые несли во время процессии, было написано, что Помпей взял 1000 крепостей, 900 городов, захватил 800 кораблей и внес в государственное казначейство баснословную сумму денег.

Помпей достиг вершины славы и могущества, и это возбудило опасение оптиматов и сената.

В это время среди римских государственных деятелей появилось новое лицо — Гай Юлий Цезарь. Это был человек талантливый и честолюбивый. У него не было ни военной славы Помпея, ни богатства Красса, но своей энергией и блестящим умом он превосходил многих. Примкнув к народной партии, Цезарь завоевал расположение и любовь простых людей, сумев с помощью щедрых раздач и обещаний добиться высоких должностей в государстве. Стараниями Цезаря между ним, Помпеем и Крассом был заключен тайный союз — триумвират. Для укрепления этого союза Помпей даже женился на дочери Цезаря — Юлии.

Триумвиры всеми средствами добивались проведения выгодных для них законов. Цезарь выставил свою кандидатуру в консулы на следующий, 59 г. до н. э. Став консулом, Цезарь провел одобрение распоряжений, сделанных Помпеем в Азии. Це-

зарю была предоставлена сроком на 5 лет в управление провинция Галлия.

Отправляясь в Галлию, Цезарь не хотел оставить Рим в безраздельной власти Помпея и поручил молодому Клодию всеми средствами стараться умалить власть Помпея и унижить его. Вооруженные банды Клодия нападали на друзей Помпея и на него самого. Сенат и оптиматы злорадствовали, видя затруднительное положение триумвира.

Солдаты Помпея противодействовали сторонникам Клодия. На улицах и площадях происходили настоящие сражения. В Риме царил хаос.

Тогда с помощью Цицерона Помпей примиряется с сенатом. Сенат принял закон, по которому Помпею было поручено снабжение Рима хлебом. В это время Рим страдал от недостатка продовольствия. Энергичные меры Помпея спасли римских бедняков от голода. Авторитет Помпея снова вырос.

Между тем Цезарь захватил в Галлии огромную военную добычу и создал армию, преданную ему, готовую идти за ним куда угодно. Часть награбленных богатств Цезарь отослал в Рим для подкупа высших должностных лиц и для раздачи народу.

Однако война в Галлии затянулась, и чтобы окончательно покорить страну, Цезарю надо было продлить здесь свое пребывание. Для этого он пригласил Помпея и Красса на свидание в город Луку, расположенный в Северной Италии. Здесь между триумвирами было заключено новое соглашение, по которому Цезарю оставлялись его провинции еще на 5 лет, а Помпей и Красс должны были стать консулами в следующем году. Для поддержки их кандидатур Цезарь обещал послать в Рим своих солдат. Все произошло так, как намечали триумвиры. После окончания своего консульства Красс получил в управление Сирию, и ему было разрешено начать войну против парфян. Помпею же были предоставлены Ливия и Испания с четырьмя легионами солдат, но он предпочел остаться в Италии и передал

управление своими провинциями легатам¹.

Вскоре после этого произошли два события, которые привели к распаду триумvirата: Красс потерпел поражение в войне с парфянами и погиб (53 г. до н. э.), а незадолго до этого умерла дочь Цезаря Юлия, супруга Помпея.

В Риме создалась напряженная обстановка. Каждый день совершались насилия и убийства. Очередные консульские выборы были сорваны. Теперь даже оптиматы поняли необходимость твердой власти. Из двух возможных претендентов — Цезаря и Помпея — они предпочитали последнего. Даже самые убежденные сторонники республики считали необходимым сосредоточить власть в одних руках. Для этого один из них предложил выбрать Помпея единственным консулом, вместо обычных двух.

Помпей снова занял высшее положение в государстве и энергично принялся восстанавливать порядок. Он начал судебные процессы по делам о подкупах и лихоимстве и сам председательствовал на этих судах. Множество людей (среди них и сторонники Цезаря) были осуждены на изгнание. Помпею удалось привести в порядок государственные дела и установить твердую власть. После окончания срока его чрезвычайных полномочий сенат продлил Помпею управление его провинциями еще на 5 лет.

Теперь Помпей чувствовал себя сильнее своего соперника, срок командования которого в Галлии истекал. Он провел закон, направленный против Цезаря, запрещающий кандидатам заочно домогаться должности консула. Цезарю же было необходимо, не покидая Галлии, быть избранным в консулы, чтобы не оставаться без должности ни одного дня. По римским законам, частные лица легко могли быть привлечены к суду. Оптиматы уже открыто заявляли, что намерены добиваться осуждения Цезаря сразу, как закончится срок его командования.

Вся Италия теперь, казалась, поддерживала Помпея. Гордясь собственным величием, Помпей, отбросив обычную осторож-

ность, стал пренебрежительно относиться к силам и возможностям своего противника. В это время из Галлии приехал сторонник Помпея Аппий. Он рассказывал не то, что действительно видел в Галлии, а то, что, по его мнению, должно быть приятно Помпею. Он говорил: «Цезаря легко можно сокрушить с помощью его же воинов. Стоит только Помпею появиться перед легионами Цезаря, они тотчас перейдут на его сторону, — так велика их ненависть к наместнику Галлии и глубока любовь к Помпею».

Проинкившись преувеличенной верой в свои силы, Помпей высмеивал осторожность людей, напоминавших ему, что в Риме нет войск, чтобы защитить столицу от Цезаря, если тот вздумает двинуться на город. Помпей только смеялся: «Стоит мне только топнуть, как в любом месте Италии из-под земли вырастет войско».

В противоположность Помпею, Цезарь со свойственной ему энергией взялся за дело, которое было для него вопросом жизни и смерти: во что бы то ни стало продлить срок своего командования армией. Для Цезаря было весьма важно выиграть время, заставить хотя бы отложить назначение себе преемника. С этой целью правитель Галлии пошел на хитрость. Он подкупил своего противника Куриона и тайно вошел с ним в соглашение: оставаясь для вида врагом Цезаря, Курион должен был добиться, чтобы сенат в ближайшее время не обсуждал вопроса о смене командования в Галлии. Однако Помпей и оптиматы оказались сильнее, и вскоре дело приняло такой оборот, что сторонникам Цезаря, в том числе Куриону, пришлось бежать из Рима.

Цезарь, выиграв необходимое ему время, подвел войска к границе своей провинции, к реке Рубикону, отделявшей Северную Италию от Средней. После некоторых колебаний он перешел Рубикон и двинулся на Рим. Лишь только распространились первые слухи об этом событии, в Риме началась паника. Помпея назначили главнокомандующим с неограниченными полномочиями.

¹ Легат — помощник полководца или наместника провинции.

С утра до вечера испуганные сенаторы и должностные лица сходились к дому Помпея узнавать новости, просить и давать советы.

Сенаторы спрашивали Помпея, какие меры он собирается предпринять для защиты столицы: ведь его легионы находятся в Испании и Ливии и перебросить их в Италию уже нет времени. Помпей неуверенно отвечал, что он предполагает вскоре набрать 30-тысячное войско. Один из сенаторов, обращаясь к Помпею, напомнил его прежнее хвастливое заявление и предложил топнуть ногой и вызвать обещанные легионы.

Помпей был захвачен врасплох неожиданным поворотом событий и в течение трех дней не принимал никакого решения. Он не знал даже, какими силами располагал Цезарь и какими были его истинные намерения. Между тем волнения, начавшиеся в Риме, распространились на всю Италию. Жители италийских городов стекались в столицу, ища там безопасности, а римляне бежали из города, опасаясь восстания рабов и насилий со стороны черни. Деловая жизнь полностью приостановилась.

Помпею не удалось справиться с волнениями и беспорядком в городе. Нередко ему в один и тот же день приходилось принимать противоположные решения. Имея слишком много советчиков, он не знал, кого слушать, и терялся в догадках, чьи сообщения считать достоверными. Наконец Помпей издал декрет о чрезвычайном положении, приказав всем сенаторам следовать за собой. Он предупредил их, что будет считать врагом отечества всякого, кто остался в Риме. Не надеясь защитить столицу, Помпей покинул Рим и отправился на юг Италии, где у него стояли два легиона. Консулы и сенат должны были пересечь в Капую и увезти туда казну.

В этот момент пришло известие, что кавалерия Цезаря уже недалеко от Рима. Консулы бежали, даже не совершив полагающегося по обычаю жертвоприношения и оставив врагу государственную казну.

Через несколько дней Цезарь беспрепятственно вступил в Рим. Против ожиданий

он вел себя милостиво, чем расположил к себе жителей. Захватив государственную казну, Цезарь начал преследовать Помпея, стремясь изгнать его из Италии до того, как туда прибудут вызванные из Испании легионы.

Между тем Помпей захватил приморский город Брундизий, расположенный на противоположном Греции берегу Адриатики. Помпей решил переправиться в Грецию и там собрать силы для борьбы с Цезарем. В Брундизии было достаточно транспортных судов, и войско Помпея вместе с сопровождавшими его консулами и сенаторами легко переправилось через Адриатическое море.

Цезарь хотел немедленно преследовать Помпея, но, не имея кораблей, вынужден был возвратиться в Рим. Вскоре вся территория Италии перешла в руки Юлия Цезаря.

Силы соперников были неравны. Цезарь имел небольшую, но испытанную в боях, всецело преданную своему полководцу армию. В руках же Помпея сосредоточились весь флот и богатства страны. Кроме того, Помпей мог рассчитывать на подчиненные ему легионы, находящиеся в Испании.

Перед Цезарем встала задача не допустить переброску испанских легионов к Помпею. Не теряя времени, он двинул свои войска в Испанию и в течение 40 дней принудил все 5 стоявших там легионов сдаться. Помпей между тем готовился к войне. Его и без того огромный флот пополнился новыми боевыми кораблями, армия увеличилась до 11 легионов. В его лагерь стекались знатные римляне со всей Италии, восточные цари и властители.

Цезарь стягивал войска к Брундизию, готовясь перебросить их на Балканский полуостров. Сперва Цезарь переправился только с небольшим отрядом, оставив все грузы в Италии. Флот Помпея блокировал гавань Брундизия и препятствовал переправе остальной армии Цезаря. Но Помпей не сумел воспользоваться благоприятным случаем и разгромить небольшой отряд Цезаря до подхода его главных сил. Помпей предпочитал ждать, рассчитывая, что голод ослабит войско Цезаря и его легко будет

уничтожить. Однако остававшиеся в Италии легионы Цезаря, которыми командовал Марк Антоний, через некоторое время присоединились к Цезарю. Теперь, когда его силы возросли, Цезарь стремился к решающему сражению. Он осадил приморский город Диррахий, через который армия Помпея получала подкрепления. Под стенами Диррахия постоянно происходили стычки, и одна из таких стычек переросла в настоящее сражение. Цезарь был разбит и потерял около двух тысяч солдат. Помпей, однако, побоялся довершить победу и ворваться в лагерь Цезаря, позволив тому отступить в Фессалию. Обращаясь к друзьям, Цезарь сказал по этому поводу: «Сегодня победа была бы на стороне врагов, если бы кто-нибудь у них умел побеждать».

В лагере Помпея из-за нерешительности главнокомандующего царил суета и беспорядок. Сейчас, когда казалось, что враг разбит, среди победителей возникли разногласия. Одни считали, что Цезарь бежал, и предлагали немедленно начать преследование: другие кричали, что пора уже переправляться в Италию; третьи стали посылать в Рим своих слуг, чтобы те заняли им дома вблизи форума. Они были настолько уверены в победе, что уже спорили о распределении высших должностей в государстве. Тем временем армия Помпея, преследуя Цезаря, двигалась на восток и вскоре достигла Фарсальской долины в Фессалии. Воины Помпея рвались в бой. «Неужели,— говорили они, — Помпей до такой степени состарился, что не осмеливается напасть на врага, силы которого почти вдвое меньше?»

Помпей уступил и дал приказ готовиться к сражению.

После ночного отдыха Цезарь хотел двигаться дальше. Вдруг ему сообщили, что передовые части Помпея строятся в боевой порядок. Тогда Цезарь приказал поднять над своей палаткой флаг — это было сигналом к битве.

Помпей построил свои легионы в три линии. Сам он стоял на правом фланге, напротив Антония; на левом фланге он сос-

редоточил ударные силы своей конницы. Помпей предполагал опрокинуть малочисленную конницу Цезаря и затем, прорвав фронт знаменитого десятого легиона (в рядах которого сражался сам Цезарь), окружить и уничтожить противника. Цезарь, заметив, что на левом фланге неприятеля сосредоточена большая масса конницы, выдвинул против нее 6 когорт отборных воинов, лишь для виду прикрыв их небольшим количеством всадников.

С обеих сторон был дан сигнал к атаке. Всадники Помпея бросились вперед. По сигналу Цезаря его конница быстро отступила, а стоявшая за ней пехота внезапно двинулась на врага, бросая дротики прямо в лицо вражеским всадникам. Вслед за этим конница Цезаря тоже бросилась в атаку и обратила в бегство неприятельскую кавалерию. Не обращая внимания на бегущих, пехота Цезаря опрокинула левое крыло противника и стала угрожать его тылу. Армия Помпея не могла больше удерживать своих позиций. Отчаявшись, Помпей бросил командование и направился к лагерю. Оставшись без командира и предоставленные самим себе, воины начали беспорядочное отступление, превратившееся в паническое бегство. На поле битвы осталось более 6 тысяч воинов Помпея. Говорят, что армия Цезаря потеряла только 200 человек убитыми.

Помпей сидел в своей палатке, когда в лагерь вместе с беглецами ворвались их преследователи. Тогда он вскочил на коня и вместе с несколькими друзьями поскакал прочь. Убедившись, что его никто не преследует, Помпей поехал медленно и вскоре прибыл в Темпейскую долину, расположенную недалеко от Эгейского моря. Там он остановился на ночь в какой-то рыбацкой хижине. На рассвете Помпей сел на корабль и переправился на нем в город Митилену на острове Лесбос, где находились его жена и сын. Оттуда Помпей с женой и друзьями поплыл вдоль берегов Малой Азии. По дороге к нему присоединилось несколько кораблей. Помпей начал снова собирать войско. Он узнал, что его флот все

еще стоит возле Диррахия, а в Африке ему остались верны несколько легионов.

Когда обстановка несколько прояснилась, Помпей понял, что еще не все потеряно. Много споров возникло у Помпея с его друзьями о том, где лучше формировать новую армию. Одни предлагали Сирию, другие — Египет, третьи Африку. Решили отправиться в Сирию, но по прибытии на Кипр выяснилось, что жители Сирии, опасаясь Цезаря, отказываются принять беглецов. Тогда Помпей, собрав небольшой флот, с двухтысячным отрядом поплыл в Египет. В Египте в это время царствовали юная Клеопатра и ее младший брат Птолемей-Дионис. Помпей надеялся, что в благодарность за предоставленную некогда их отцу помощь они окажут ему гостеприимство.

Когда флот беглецов подошел к берегам Египта, в стране шла война; Клеопатра бежала, а государством правила группа придворных — опекунов малолетнего царя Птолемея.

На совете, собранном в связи с просьбой Помпея, мнения приближенных царя разошлись: одни предлагали принять беглецов, другие — отослать назад. «Приняв Помпея, — сказал один из опекунов царя, — мы наживем себе могущественного врага в лице Цезаря. В случае же отказа Помпей нам этого никогда не простит и будет мстить. Наилучшим выходом будет принять Помпея, а затем убить его. Этим мы окажем услугу Цезарю, да и Помпея уже не придется больше опасаться: ведь мертвые не кусаются».

Советники одобрили этот коварный замысел, поручив осуществить его одному из царских опекунов, египтянину Ахилле. Тот, взяв с собой бывшего центуриона Помпея, вместе с тремя рабами подъехал на лодке к кораблю беглецов. Ахилла предложил Помпею пересйти в его лодку, так как большому кораблю из-за мелководья нельзя подойти к берегу.

Помпей почувствовал недоброе, но спастись бегством было уже поздно. Невдалеке появилось несколько египетских военных кораблей. Простившись с женой и друзьями, Помпей вошел в лодку со словами:

Когда к тирану в дом войдет
свободный муж,
Он в тот же самый миг
становится рабом.

Эти стихи Софокла были последними словами, которые близкие услышали от Помпея.

Когда лодка отплыла на значительное расстояние от корабля, Помпей, взглянув на римского центуриона, сказал: «А ведь ты служил когда-то под моим началом».

В ответ тот лишь кивнул головой. Последовало долгое молчание. Помпей читал про себя написанную им речь, которую собирался произнести перед царем Птолемеес. Лодка приближалась к берегу. Жена Помпея и его друзья с тревогой наблюдали, что произойдет дальше. Они начали надеяться, что все обойдется благополучно. На берегу собралось множество воинов как будто для торжественной встречи.

Лодка уткнулась носом в землю. Помпей встал, чтобы выйти на берег. В этот миг центурион воизил ему в спину меч. Другой удар нанес Ахилла. Убийцы отрубили Помпею голову, а тело выбросили в море. Это произошло 29 сентября 48 г. до н. э. Помпею накануне исполнилось 58 лет.

Когда народ, толпившийся на берегу, разошелся, один из друзей Помпея подобрал его тело и предал огню. Прах полководца был передан его жене, и та похоронила его в Италии.

Убийцам Помпея не удалось извлечь выгоду из своего преступления. Прибывший вскоре в Египет Цезарь не захотел даже взглянуть на отрубленную голову своего соперника и приказал казнить убийц.

Цезарь принадлежал к знатному патрицианскому роду Юлиев. Основателем этого рода считался Юл, сын Энея, внук самой богини Венеры.

Гай Юлий Цезарь родился в тот год, когда Марий отразил нашествие тевтонов и кимвров¹. Тетка Цезаря, Юлия, была женой этого полководца. Юному Гаю было всего 16 лет, когда его женили на дочери Корнелия Цинны, ближайшего сподвижника Мария. Знатное родство сулило юноше блестящую карьеру. Но приход к власти Суллы, вождя оптиматов, положил конец могуществу влиятельных покровителей Цезаря.

Сулла потребовал, чтобы Цезарь развелся с супругой, а когда тот отказался, диктатор отобрал у него приданое жены и лишил отцовского наследства.

Гнев Суллы угрожал жизни дерзкого юноши, и Цезарю пришлось скрываться, меняя каждую ночь свое убежище. Среди знакомых Цезаря нашлись люди, близкие к Сулле, которые уговорили диктатора не обречь его на смерть. Говорят, что Сулла назвал этих людей глупцами. «Они не понимают, что в мальчишке сидит сотня Марисв», — сказал он, но все-таки пощадил юношу. Когда слова Суллы передали Цезарю, тот немедленно уехал из Италии.

В Малой Азии Цезарь некоторое время служил в римской армии. Недалеко от Милета он попал в плен к пиратам, хозяйничавшим на море и на многих островах. Пираты потребовали с него выкуп в 20 талантов. «Недорого же вы меня цените», — рассмеялся Цезарь и предложил им 50 талантов за свое освобождение.

Разослав спутников собирать деньги для выкупа, Цезарь остался с другом и двумя слугами у пиратов, где и провел более двух месяцев. Нисколько не опасаясь разбойников, во власти которых он находился, Цезарь вел себя так, будто они были его телохранителями. Ложась спать, он запрещал им шуметь и распевать песни, участвовал в их гимнастических соревнованиях, читал им свои речи и стихи. Так как его сочинения не вызывали у пиратов восторгов, то он бранил их, пазывая дикарями, и грозил распять на кресте. Эти слова смешили разбойников, и они не раз удивлялись веселому характеру пленника.

Но вскоре выяснилось, что слова Цезаря не были пустой угрозой. Как только доставили 50 талантов и пираты, получив их, вернули ему свободу, Цезарь снарядил несколько военных кораблей и погнался за своими обидчиками. Он застал их врасплох возле того острова Фармакуссы, где они держали его в плену, и переловил почти всех. Выплаченные деньги Цезарь отобрал, а разбойников приказал распять без суда, не дожидаясь решения римских властей. Впоследствии придворные льстецы превозносили доброту Цезаря, который облегчил страдания приговоренных, распорядившись сперва удавить пиратов, а потом уже мертвых привязать к крестам.

Суллы уже не было в живых, но возвращаться в Рим Цезарь еще не решался. Он отправился на остров Родос, чтобы изучить там искусство красноречия. (В тогдaшнем Риме успеха в политике мог добиться лишь тот, кто умел выступать в суде или народном собрании.) Мечтая о политичес-

¹ О точной дате рождения Цезаря в науке до сих пор идут споры: по-видимому,

он родился или в 102, или в 100 г. до н. э.

кой карьере, Цезарь провел на Родосе больше года, занимаясь у знаменитого Аполлония Молона, обучавшего некогда ораторскому искусству самого Цицерона. Упорный труд дал хорошие результаты: современники восхищались блестящим красноречием Цезаря, и даже Цицерон признавал его речь остроумной, краткой и выразительной. Успеху способствовали также прекрасный звонкий голос и выразительная жестикуляция.

В Риме после смерти Суллы противники установленного им режима подняли восстание, и Цезарь счел момент благоприятным для своего возвращения. По совету матери, он не принял участия в восстании, которое, как она и предсказывала, закончилось поражением.

Цезарь быстро завоевал любовь народа, смело привлекая к суду вождей аристократической партии. Стремясь к популярности, он был со всеми приветлив и ласков, охотно устраивал богатые приемы и угощения, не жалея на это денег, которых у него было не так уж много.

Поведение Цезаря почти ни у кого не вызывало подозрений. Никто не догадывался, что этот человек неспроста растрчивает свое состояние, что на уме у него далеко идущие политические замыслы. Цезарь так ловко умел прикидываться пустым франтом, стремящимся лишь к внешнему успеху, что даже самые проникательные из его противников были сбиты с толку.

Первый раз Цезарь выступил на форуме на похоронах своей тетки, вдовы Мария, объявленного Суллой врагом отечества. Цезарь не только осмелился дать высокую оценку деятельности великого римского полководца, но и приказал нести за гробом изображения Мария, которых народ не видел с того самого дня, как Сулла захватил власть. Аристократы, поддерживавшие Суллу, были возмущены поступком Цезаря, но народ приветствовал его. Это побудило Цезаря выставить в центре Рима на Капитолии позолоченные статуи Мария. Надписи на них рассказывали о главных, но несправедливо забытых победах этого пол-

ководца. Сенат был всерьез обеспокоен возрождением народной партии популяров и тем, что «Цезарь уже не подкапывается под республику, а наступает на нее с осадными орудиями», как выразился один из сенаторов.

Вот уже около 100 лет никто из предков Цезаря не занимал высокого положения в государстве. По римским законам, гражданин, прежде чем стать консулом, должен был последовательно пройти все предстоящие республиканские должности: квестора, эдила, претора. После окончания срока исполнения каждой должности полагалось провести не меньше года в провинции в качестве наместника или представителя Рима. Мало кому удавалось достичь должности консула: чтобы попасть на каждый из выборных постов, требовалось истратить огромные деньги на подкуп избирателей. Цезарь не жалел средств, стремясь занять почетное положение в республике. Казалось, что он слишком дорого собирается заплатить за пустую славу, но на деле он добился великих возможностей сравнительно небольшой ценой.

Прежде чем получить первую должность, Юлий Цезарь издержал на пиры и угощения больше 1000 талантов, большую часть которых взял взаймы. К этому времени относится его сближение с победителем Спартака богачом Крассом. Последний поддерживал Цезаря деньгами, надеясь с его помощью одолеть Помпея, с которым он соперничал со времени их совместного консульства.

Выбранный квестором, Цезарь служил в Испании, а затем, вернувшись в Рим, выставил свою кандидатуру в эдилы.

В обязанности эдилов входило украшение города, а также устройство игр и зрелищ. Цезарь украсил не только форум — место собраний римских граждан, но также и Капитолийский холм, где он построил портики и выставил для всеобщего обозрения свои великолепные коллекции. Цезарь решил также добиться звания великого понтифика — самой высокой жреческой должности в Риме. В это время жрецов, подобно

другим магистратам, избирало народное собрание, и единственным различием было то, что их выбирали не на срок, а пожизненно. Должность великого понтифика имела не только религиозное, но и большое политическое значение, так как понтики ведали календарем, завещаниями, ведением государственной летописи и списками должностных лиц. Соперниками Цезаря были виднейшие сенаторы, руководители аристократической партии оптиматов. Выступить против них было большой дерзостью, и вся надежда Цезаря была на поддержку городской бедноты. Говорят, что в день выборов, уходя в народное собрание, Гай сказал матери: «Сегодня ты увидишь меня или великим понтификом, или изгнанником!» Успех Цезаря на выборах был столь бесспорен, что оптиматы пришли в ужас и решили любыми средствами препятствовать дальнейшему продвижению этого опасного человека.

В этот год был раскрыт заговор Катилины. Сам Катилина бежал в Этрурию, а его сторонники в Риме, обвиненные в изменнических сношениях с галлами, сознались в своем преступлении, и вопрос об их судьбе должен был решаться в сенате.

При допросах выяснилось, что Красс и Цезарь более двух лет поддерживали тайную связь с Катилиной, рассчитывая с его помощью добиться неограниченной власти в республике. Но богатый Красс испугался смелых планов Катилины, обещавшего своим сторонникам отмену долгов и раздел имущества богатей, отступился от заговорщиков и передал консулу Цицерону обличающие их документы.

Цезарь, которого народ считал своим защитником, занимавший к тому же высокую должность великого понтифика, был слишком популярен, чтобы Цицерон, несмотря на неопровержимые улики, решился обвинить его в участии в заговоре. Консул был уверен, что ради собственной безопасности Цезарь не станет вмешиваться, когда сенат будет решать судьбу заговорщиков. Однако у Цезаря хватило ума и мужества не молчать, когда сенаторы осуждали на смерть его

бывших товарищей. Народ не простил бы ему, если бы он не заступился за людей, которые осмелились подняться против заисья богачей и аристократов.

Цезарь произнес мастерскую речь. Он делал вид, что беспокоится не о заговорщиках, а о сенаторах, которые чересчур крупными мерами могут привести к взрыву народного возмущения. Цезарь надеялся запугать сенаторов и убедить их сохранить жизнь заговорщикам. Он говорил, что по закону осужденные имеют право обратиться к народному собранию, а ни один из сенаторов не захотел бы, чтобы этот вопрос решался беднотой на улицах и площадях Рима. Цезарь предлагал ограничиться тем, чтобы, конфисковав у заговорщиков имущество, подвергнуть их заключению в разных городах Италии. Но сенат, несмотря на предостережения Цезаря, все-таки осудил сторонников Катилины на смерть.

При выходе из сената толпа молодых аристократов набросилась на Цезаря с обнаженными мечами, и ему лишь с трудом удалось спастись. Но зато он сохранил то, что казалось ему в это время главным, — доверие простого народа.

На следующий год Цезарь занимал в Риме должность претора — высшего судьи, пост, следующий по значению за консулом. Привлекая к суду вождей аристократической партии, Цезарь до того разгневал сенаторов, что те отстранили его от должности. Однако это вызвало волнение народа, и решение сената пришлось отменить.

После этих событий Цезарь был назначен наместником провинции Испании, где надеялся обогатиться и расплатиться с неотложными долгами. Однако враги Цезаря решили не допустить его в Испанию. По их наущению толпа кредиторов окружила Цезаря и грозила не выпустить его из Рима, пока он не возвратит им деньги. Юлию Цезарю пришлось снова прибегнуть к помощи Красса, который ссудил ему достаточную сумму, дав возможность выехать в провинцию.

Рассказывают, что когда, удрученный неприятностями, Цезарь со своими слугами

проезжал бедный городок в Галлии, кто-то, желая развеселить полководца, смеясь, спросил его: «Неужели и в этой глуши люди тоже борются за власть, затевают интриги и завидуют друг другу?» «Конечно, — ответил Цезарь. — И я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме!» Это был не единственный пример тщеславия и честолюбия Цезаря.

В Испании Цезарь впервые понял, что неограниченной власти, к которой он стремился, легче добиться, опираясь на преданное войско, чем на городскую бедноту. Целью своего пребывания в провинции он считал прежде всего обогащение и создание верной ему армии. Помимо 20 когорт, которые уже были в Испании, он набрал еще 10, доведя таким образом свое войско до трех легионов. Затем Цезарь предпринял завоевание западных областей Испании вплоть до самого океана. Обитавшие здесь племена лузитанов сохраняли свою независимость. Понимая превосходство римлян, они старались задобрить Цезаря тщательным исполнением всех его распоряжений. При приближении римских войск некоторые города сами отворяли ворота, но Цезарь искал не покорности, а денег. Заняв город, полководец сразу же отдавал его на разграбление. Некоторые города он спас от разрушения и даже освободил от части долгов, взяв с них за это в свою пользу огромный выкуп. За один год пребывания в Испании Цезарь нажил изрядное состояние. Теперь к нему сторицей вернулись деньги, которые он истратил во время выборов. Солдаты, довольные щедростью полководца, провозгласили Цезаря императором. В республиканскую эпоху титул императора давался полководцу солдатами в награду за крупную победу. Полководец, удостоенный этого титула, по возвращении в Рим имел право на получение триумфа — торжественного въезда в столицу.

Однако от триумфа Цезарю пришлось на этот раз отказаться. Он торопился в Рим, чтобы выставить свою кандидатуру в консулы на следующий год. Так как желающие получить триумф должны были ждать

за пределами городской черты, Цезарь решил отказаться от торжества, но не терять права добиваться должности консула.

Несмотря на сопротивление партии сената, Цезарь был избран консулом. Вторым консулом выбрали непримиримого аристократа Марка Бибула. Знать постаралась сразу ослабить значение победы Цезаря. Сенат принял постановление, чтобы консулов этого года не назначали наместниками в провинции, а дали бы им по окончании консульства малозначительные и невыгодные должности.

Цезарь понимал, что одному ему не справиться с противодействием сената. Возобновив дружбу с Крассом, Цезарь привлек к их союзу и прославленного полководца Помпея. Хотя Красс и Помпей вот уже десять лет были соперниками и сильно не любили друг друга, Цезарь сумел их примирить. Он убедил их, что, бессильные в одиночку, объединив силы, они могут диктовать свою волю как сенату, так и народному собранию. Помпей надеялся, что союз с Крассом и Цезарем поможет ему добиться награждения его солдат-ветеранов, воевавших с ним на Востоке. Поэтому он охотно пошел на союз с Цезарем и даже породнился с ним, женившись на его дочери Юлии.

Союз трех — триумвират — вначале был тайным. Но когда сенат продолжал противодействовать всем предложениям Цезаря — раздачам хлеба, основанию колоний и т. д., он вместе с Крассом и Помпеем вышел на форум и просил друзей помочь справиться с теми, кто с оружием в руках мешает провести законы, нужные народу. Оба обещали помощь.

Вскоре после этого Помпей с вооруженными людьми занял форум и таким образом добился утверждения угодных ему и Цезарю законов. Распоряжения, которые он сделал во время восточного похода, были утверждены, ветераны получили обещанную землю, Цезарю же, во изменение первоначального решения, отводилась после консульства провинция Галлия и командование стоящими там 4 легионами. Вто-

рой консул Марк Бибул пытался было сорвать принятие новых законов, ссылаясь на неблагоприятное небесное знамение, но вестеры прогнали его с форума силой. На следующий день Бибул заявил протест в сенате, но никто не осмелился поддержать его, опасаясь гнева триумвиров. Это привело Бибула в такое отчаяние, что он заперся у себя дома и не выходил до самого конца своего консульства. С тех пор Цезарь решал все дела по собственному усмотрению, и некоторые шутники стали, указывая дату, писать не «год консульства Цезаря и Бибула», а «год консульства Юлия и Цезаря»¹.

Когда закончился этот страшный для многих сенаторов год консульства Цезаря, он отправился в отведенную ему провинцию Галлию. Богатые возможности этой страны казались ему залогом будущих триумфов. Народное собрание дало ему в управление Предальпийскую Галлию по обе стороны реки По², расположенную так близко от Рима, что, находясь там, Цезарь по-прежнему мог влиять на ход событий в столице. По предложению Помпея, Цезарю было поручено также управление Нарбонской Галлией, которую называли просто «провинцией». Эта плодородная полоска побережья Средиземного моря от Италии до Испании, с центром в городе Нарбон, находилась южнее «лохматой Галлии», еще не подчиненной Римом. Так называли свободную Галлию римляне, потому что жители ее не стригли волос и ходили лохматыми, как звери. Населяли «лохматую Галлию» многочисленные племена, враждовавшие между собой. Эти племена сильно отличались друг от друга. Самые дикие — белги — жили на севере, между реками Сеной и Рейном. Они не торговали с римскими купцами, у них не было влиятельных богачей, а вожди племен подчинялись народному собранию, состоявшему из всех мужчин, способных носить оружие.

Совсем иначе жили их ближайшие соседи — эдуи и арверны. Римские купцы вели с этими племенами оживленную торговлю, покупая за бесценок богатства страны: медь, золото, а также обращенных за долги в рабство галльских бедняков. Местная знать лишила власти старинных племенных вождей, и собрания воинов не имели у этих народов прежнего значения. Все это вызывало недовольство и волнения бедняков. Народ добивался отмены долгового рабства, справедливого раздела земли и восстановления демократических порядков. К движению народа присоединились и некоторые племенные вожди. Они с горечью видели, что галлы, еще недавно наносившие соседям поражение за поражением, вынуждены теперь платить дань пришельцам из-за Рейна — германцам. Вождем одного из германских племен, Ариовисту, удалось укрепиться на западном берегу Рейна, и теперь всей Галлии угрожало германское нашествие. Перед лицом опасности необходимо было объединить разрозненные племена галлов и провести внутренние реформы, чтобы облегчить положение бедноты и сплотить население для защиты родины. Вожди народной партии заключили союз с гельветами — сильным и воинственным племенем Восточной Галлии, населявшим альпийские области вокруг Женевского озера. Их уговорили переселиться на плодородные земли запада, где они должны были вступить в борьбу с Ариовистом и приостановить германское нашествие. Гельветы сожгли свои города и села, которых, как говорят, было больше 400, и двинулись в путь с женами и детьми. Однако знать в Галлии была недовольна подготавливающимся переселением: она боялась, что приход гельветов усилит народную партию и приведет к установлению старинных демократических порядков, которые еще сохранились у этого племени.

Едва Цезарь (весной 58 г. до н. э.) при-

¹ У римлян в эпоху республики каждый год обозначали именами двух консулов, правивших в Риме. Приведенная шутка основана на том, что Юлий Цезарь — два име-

ни (родовое и фамильное) одного лица.

² Предальпийской Галлией называли Северную Италию. Названия рек и озер даны современные.

был в Нарбонскую Галлию, как к нему явилась депутация знатных эдуев с просьбой воспрепятствовать переселению гельветов. Цезарь еще в Италии изучил положение в Галлии и знал, что в борьбе за эту страну у римлян будут два соперника — гельветы и германцы. Посольство эдуев пришло как нельзя более кстати: представился желанный повод для военного вторжения в Галлию, а главное, возможность сокрушить врагов поодиночке. Переселение началось в противовес наступлению германцев, а значит, Ариовист не станет заступаться за гельветов, когда Цезарь попытается использовать удобный момент, чтобы уничтожить одного из главных соперников.

По слухам, гельветов насчитывалось более 300 тысяч и примерно четверть от этого числа составляли воины. У Цезаря были все основания увеличить свою армию, и в дополнение к своим четырем легионам он спешно набрал в Предальпийской Галлии еще два.

Гельветы, боясь вступить в борьбу с могущественным Римом, просили у Цезаря разрешения закончить начатое переселение. Однако наместник отказал им; ему нужен был предлог для увеличения своей армии, и мирный исход переговоров его не устраивал. Вскоре, убедившись, что переселение гельветов на запад продолжается, Цезарь начал их преследовать. Гельветы уклонялись от решающего сражения, а сочувствующая им часть галлов задерживала поставку обещанного Цезарю провианта. Положение римлян стало критическим, так как продовольствия оставалось только на два дня. Прекратив преследование, Цезарь повел свои войска на запад, где, как он знал, в городах племени эдуев было запасено много продуктов. Увидев, что Цезарь отходит, гельветы уверились в своей силе и, погнавшись за римлянами, напали на них. Разыгралось сражение, в котором превосходство римской тактики и оружия обеспечило римлянам победу. Полудикие гельветы, обремененные к тому же большим обозом,

отступили, понеся огромные потери. Цезарь приказал гельветам вернуться в оставленные ими области, опасаясь, как бы германцы не захватили опустевшие земли.

После победы над гельветами к Цезарю явились депутаты почти всех народов Восточной Галлии и стали настойчиво просить его помочь отразить нашествие германцев. Теперь, когда не было надежды на помощь гельветов, страх перед дикими и жестокими германцами объединил все население Галлии. Цезарь понял, что если он не хочет потерять завоеванное с таким трудом положение в Галлии, ему не миновать столкновения с вождем германцев Ариовистом.

Предлог для войны с Ариовистом найти было легко. Цезарь предложил предводителю германцев освободить союзников Рима эдуев от уплаты дани и явиться к нему для переговоров. «Если мне понадобится Цезарь,— ответил гордый германец,— я к нему тогда и пойду. Если же я нужен Цезарю, пусть он придет ко мне. Чем беспокоиться об участии эдуев, завоеванных германцами, не лучше ли Цезарю освободить от дани тех галлов, которых покорили римляне?»

Этот ответ заставил Цезаря ускорить подготовку к войне. Прежде всего встала задача обеспечить снабжение армии. Ариовист зашел в тыл к римлянам и перерезал дорогу, по которой они подвозили продовольствие. В лагере Цезаря началось уныние.

Цезарь решился на смелый шаг, разделив свою армию и послав в тыл врага два легиона, которые отрезали германцев от земель, откуда к ним поступали продовольствие и подкрепления. Ариовист напал на стоявшие у него в тылу легионы, но хорошо окопавшиеся римляне устояли. Когда же подошли основные силы Цезаря, германцы были разбиты¹. Цезарь преследовал противника до Рейна. Сам Ариовист спасся, но значительная часть его войска погибла во время бегства и переправы.

¹ Эта битва произошла на востоке современной Франции, в районе Эльзаса.

Оставив командование армией своему помощнику Лабиему, Цезарь отправился зимой (58—57 гг. до н. э.) в Предальпийскую Галлию, куда съехались многие политические деятели Рима. Каждому Цезарь охотно давал или обещал все, что бы у него ни попросили. Лучшим применением захваченных у неприятеля средств Цезарь считал подкуп влиятельных сограждан. Вскоре, однако, тревожные вести заставили его снова возвратиться за Альпы.

Среди галльских вождей были люди, мечтавшие объединить страну и создать независимое галльское государство. Теперь, когда гельветы были разбиты, а германцы отброшены за Рейн, Рим стал главной угрозой независимости страны. Последней надеждой галльского народа были обитавшие севернее реки Сены многочисленные племена белгов. Понимая, что римляне неминуемо двинутся в их страну, этот свободолюбивый народ объединился и создал огромное по тем временам войско. Увеличив армию еще на два легиона, Цезарь, не дожидаясь нападения белгов, форсировал Сену и повел своих легионеров на север.

Цезарь стремился расположить свои войска так, чтобы белги не смогли перерезать дороги и помешать римлянам подвозить подкрепления и продовольствие из провинции. Когда появилась огромная армия белгов (по словам перебежчиков, их было больше 300 тысяч), Цезарь заперся в укрепленном лагере, уклонившись от сражения. Враг попытался захватить римский лагерь, но не смог преодолеть глубокие и широкие рвы, валы и частоколы. Не удалось ему также захватить дорогу, по которой в лагерь Цезаря подвозили провиант. Вскоре теснимые голодом племена противника начали расхищаться. Окрестности были опустошены, а наладить регулярную доставку собираемого по всей стране продовольствия белги не могли. Вожди племен пообещали друг другу помощь на случай, если римляне вторгнутся в их земли, и распустили свои армии по домам. Почти без кровопролития Цезарю удалось разделить самый воинственный народ Галлии на части, и те-

перь покорение их было только вопросом времени.

На первых порах Цезарь даже не повеяло в свой успех и, подозревая военную хитрость, боялся начать преследование отступающих. Когда же легионы, наконец, двинулись на север, часть белгов сразу перешла на сторону римлян. Только восточные племена оказали сопротивление. Но судьба их была предрешена, ибо теперь у римлян было не только военное, но и численное превосходство. Цезарь осадил их города и заставил сложить оружие. Война на севере Галлии продолжалась еще целый год, и случалось, что римлянам приходилось плохо. Однажды, опрокинув римскую конницу, белги окружили два легиона и перебили всех командиров. Цезарь, схватив щит, бросился вперед и через ряды сражающихся пробился к окруженным. Увидев угрожающую их полководцу опасность, воины наиболее преданного Цезарю десятого легиона ринулись за ним. Если бы не этот порыв, едва ли кто-либо из окруженных уцелел бы. К концу года покорение белгов закончилось. Независимость сохранили только самые северные племена, жившие в устьях рек Рейна и Шельды.

Вторую зиму своего проконсульства (57—56 гг. до н. э.) Цезарь, как и первую, провел в Предальпийской Галлии. Из Рима поступали тревожные вести. В отсутствие Цезаря отношения между Крассом и Помпеем снова ухудшились, и враждебная триумвирату старая знать не преминула использовать это. Чтобы укрепить положение тройственного союза, нужно было порадовать воображение римлян успехами, достигнутыми победоносными триумвирами. Римские рабовладельцы жаждали новых завоеваний: привыкшие к роскошной жизни, они наделали за последние годы много долгов, рассчитывая на богатства азиатских провинций. Однако хищническая эксплуатация разорила славившуюся своими несметными богатствами Азию. В Риме стало не хватать денег и все громче раздавались голоса, требовавшие новых захватов.

Первые победы Цезаря не давали еще ос-

нований утверждать, что вдвое превышавшая Италию по территории и не уступавшая ей по населению Галлия покорена окончательно. Однако Цезарь решил использовать настроение римлян и немедленно объявить о завоевании страны. Это был как раз тот случай, которого он ждал так долго и с таким нетерпением. Наконец-то Цезарь мог опередить соперников и выдвинуться на первое место в триумвирате.

Упускать момент было нельзя. Цезаря не смущало, что нога римского солдата еще не ступала в Западную Галлию, что Южная Галлия — Аквитания еще была свободна, что даже самые дружественные римлянам племена — эдуи, секваны, ремы — согласились считать римлян союзниками, покровителями, но не господами. Все отступало на задний план перед главной целью — стать, наконец, первым человеком не только в провинции, но и в самом Риме.

Послав для виду один легион принять знаки покорности мелких племен, населявших область между Сеной и Луарой, Цезарь отправил римскому сенату донесение, что завоевание Галлии закончено. Это сообщение вызвало в Италии взрыв энтузиазма. Сенат постановил провести 15-дневные празднества и благодарственные молебствия по случаю одержанной победы.

Цезарь знал, что даже теперь он не может в одиночку сокрушить могущество старой знати и завладеть Римом: путь к власти по-прежнему лежал через триумвират. Шумный успех и возросший авторитет Цезарь решил прежде всего использовать для укрепления триумвирата. По его просьбе к нему на границу Галлии в город Луку прибыли Помпей и Красс. С триумвирами приехали их сторонники. Всего в Луку собралось более 200 сенаторов, которых сопровождало 120 ликторов. На совещании решили добиваться, чтобы консулами на следующий год были избраны Помпей и Красс. После консульства Помпей должен был получить в управление Испанию, а Красс — Сирию. Победитель Спартака рас-

считывал стяжать на Востоке славу Александра Великого, вступив здесь в войну с парфянами и отвоевав у них богатейшее Междуречье. Цезарю будущие консулы должны были продлить еще на 5 лет истекшее через год (в 54 г. до н. э.) проконсульство в Галлии и отпустить средства на увеличение его армии еще на два легиона. Последнее условие многим казалось подозрительным, но для Цезаря оно было главным. Договорившись с Цезарем, Красс и Помпей вернулись в Рим.

Несмотря на то, что присоединение Галлии было торжественно объявлено и отпраздновано, третий год проконсульства Цезаря ознаменовался не менее ожесточенными битвами, чем первые два. Когда ошеломленные поведением Цезаря галлы поняли, что присоединение к Риму связано не только с утратой самостоятельности во внешней политике, но и с уплатой миллионной подати, они взбунтовались. Все побережье от устья Луары до устья Рейна поднялось против Рима.

Усмирить Аквитанию, население которой было раздираемо внутренними противоречиями, оказалось нетрудно, но племена венетов, населявшие запад Галлии — Арморика¹, продолжали борьбу в течение года. Построив флот на Луаре и приказав ему плыть к морю, Цезарь повел сухопутные силы на запад. Осада приморских городов венетов, расположенных на мысах и окруженных морем, не дала желаемых результатов. Господствуя на море, венеты обеспечивали осажденных всем необходимым. Исход войны могла решить лишь морская битва. Однако парусные суда венетов с их высокими бортами, были более приспособлены к плаванию в океане, чем построенные на Луаре римские галеры. Римляне победили только благодаря остроумной выдумке командующего римским флотом Децима Брута. Прикрепив к длинным шестам серпы, римляне перерезали канаты, державшие паруса вражеских кораблей. Суда противника утратили подвижность, и рим-

¹ Арморика — современный полуостров Бретань.

ляне получили возможность штурмовать их с близкого расстояния. Наступивший штиль усугубил несчастье венетов, и весь их флот погиб в этой битве. После этого сдались и осажденные приморские города. Расправа с венетами была жестокой. Цезарь приказал казнить старейшин племени, а жителей продать в рабство. Деньги, полученные от продажи, Цезарь раздал своим воинам.

К концу лета третьего года войны почти вся Галлия подчинилась Цезарю, и он, не тревожась ни о чем, провел зиму в Северной Италии. Внезапно пришло известие о новом наступлении зарейских германцев: два племени — усипеты и тенктеры — форсировали реку недалеко от устья и заняли земли на западном берегу Рейна. Цезарь немедленно отправился к войску, желая пресечь вторжение в самом начале, ибо галлы легко могли объединиться с германцами для совместной борьбы с Римом. Когда римская армия подошла к расположению германцев, те направили к Цезарю послов для выработки условий перемирия. Они просили Цезаря не изгонять их из Галлии. Продолжая вести переговоры, Цезарь внезапно напал на германцев. Понеся большие потери, тенктеры и усипеты бежали за Рейн. Преследуя их, Цезарь приказал построить свайный мост и, перейдя через Рейн, 18 дней грабил земли врагов. Удача в борьбе с германцами воодушевила Цезаря на еще более смелые предприятия. Он был первым римлянином, рискнувшим пуститься со своим войском в Западный Океан и переправиться через Атлантическое море¹. В этом море, как рассказывали, лежал остров Британия столь невероятной величины, что некоторые писатели вообще не верили, что может существовать такой большой остров. Немало легенд ходило также о залежах олова, серебра и других богатствах, находившихся там. Дважды переправлялся Цезарь (в 55 и 54 гг. до н. э.) в Британию с берегов Галлии, но никаких богатств ему не уда-

лось захватить. Родственные галлам племена, населявшие Британию, были бедны и немногочисленны. Но и они оказывали Цезарю отчаянное сопротивление. Запасы продовольствия у римлян подходили к концу, а жители не думали складывать оружие. По счастью, один из сопутствовавших Цезарю галльских вождей выступил посредником и сумел убедить правителя бриттов пойти с римлянами на мировую. Цезарь утверждал потом, будто бритты обещали платить ему дань, но после того, как римляне покинули остров, никакой дани оттуда не поступало.

Вернувшись в Галлию, Цезарь узнал о смерти своей дочери Юлии, жены Помпея. Это был для него тяжелый удар. Неудача экспедиции в Британию должна была вызвать новый подъем освободительного движения галлов. Борьба с ними требовала новых средств, и если бы Помпей не стал поддерживать Цезаря, то завоевания в Галлии легко могли быть утрачены.

Наступила пятая зима Галльской войны (54—53 гг. до н. э.), и Цезарь, как обычно, отправился в Италию. Следовало выяснить, не отойдет ли Помпей от них с Красом после того, как родственный союз, скреплявший триумвират, со смертью Юлии распался. Перед отъездом Цезарь распределил легионы по областям Галлии, так как ни одна область не могла в течение зимы прокормить армию, насчитывавшую свыше 10 легионов. Этим воспользовались свободлюбивые племена: сперва восстали эбуроны, а затем — нервии, одно из белгских племен, замирение которых Цезарь считал уже законченным. Они захватили врасплох и истребили больше 5 тысяч римлян, а затем осадили в лагере легион, которым командовал Квинт Цицерон — младший брат знаменитого оратора. Цезарю пришлось отказаться от поездки в Италию и немедленно повернуть назад. Он выбрал удобный пункт, где с небольшой армией можно было

¹ Древние считали, что «круг земель», лежащих вокруг Средиземного моря, обтекает мировая река Океан. Западная часть Океа-

на, омывающего берега Галлии, называлась также Атлантическим морем.

защищаться против многочисленного врага, и построил лагерь. Цезарь удерживал своих воинов от стычек, всячески показывая варварам, что боится превосходящих сил противника. Когда же белги, забыв осторожность, стали нападать на лагерь, римляне, сделав вылазку, нанесли им сокрушительное поражение.

Эта победа укротила на время северных галлов. Цезарь всю зиму неустанно разъезжал, энергично пресекая готовящиеся повсюду новые заговоры и волнения. Многих поражало, как легко переносит Юлий Цезарь трудности походной жизни и суровую северную зиму. Ведь в Риме он был известен своей изнеженностью и приверженностью к жизненным удобствам, что казалось неприличным для воина. Думали, что его тщедушное телосложение, частые головные боли, случавшиеся с ним, припадочки падучей болезни сделают его негодным для военной службы. Однако тех, кто знал непомерное честолюбие Цезаря, несколько не удивило, что он сумел перебороть немощи, легко перенося лишения, которые были не по плечу даже более сильным людям. Обязательным условием воспитания воинов Цезарь считал личный пример полководца, когда тот наравне со всеми переносил любые трудности. Он не искал в слабости здоровья предлога для облегчения своих обязанностей; наоборот, суровость военной жизни стала для него лекарством от болезней. Беспреданными маршами, умеренной пищей, постоянным пребыванием на свежем воздухе он победил свою слабость и сделал тело сильным и выносливым. Спал он обыкновенно в повозке под открытым небом. Любимым развлечением Цезаря была верховая езда: отведя руки назад и сложив их за спиной, он мог скакать во весь опор по любой дороге. Сидя на коне, Цезарь, как рассказывали его подчиненные, диктовал письма сразу двум секретарям так, что те едва успевали записывать. Недаром сложилась легенда, что Цезарь мог одновременно заниматься двумя и даже тремя делами.

Воины с восторгом передавали расска-

зы о скромности и неприхотливости Цезаря. Однажды зимой он вместе с приближенными был застигнут в пути непогодой и попал к бедняку, у которого в хижине мог поместиться всего один человек. «Почести, — сказал Цезарь, — предоставляют сильнейшему, а необходимое — слабейшим». Впустив в хижину своего старика-секретаря, Цезарь с остальной свитой устроился под навесом перед дверью дома.

В другой раз Цезаря принимал богатый житель столичного города в Предальпийской Галлии. Хозяин угощал спаржей, политой неочищенным оливковым маслом. Гости были возмущены. Многие открыто высказывали свое неудовольствие. «Если вам не нравится, — сказал Цезарь, — отставьте еду молча. Кто обличает чужую невоспитанность, сам не может служить образцом вежливости».

С этими словами он, не торопясь, доел предложенную ему грубую пищу.

Простота в обращении, смелость, умение привлекать к себе сердца подчиненных — все это особенно пригодились Цезарю на шестой год его пребывания в Галлии (53—52 гг. до н. э.). В этом году пришло известие о страшном поражении, постигшем римлян, пытавшихся завоевать Парфию, и о гибели ближайшего друга и сподвижника Цезаря — Марка Красса. Эта весть означала, что триумvirату, 7 лет державшему все ити управления, пришел конец. Общественное мнение в столице резко изменилось. Римляне, еще недавно восторгавшиеся захватническими войнами, мечтавшие о новом Александре Македонском, теперь гневю выступали против людей, втягивающих государство в опасные авантюры.

Этот гнев легко мог обратиться и против Цезаря. Опасность была велика, и надо было как можно скорее покончить со всеми враждебными силами, выступление которых могло вызвать новый взрыв освободительной борьбы галлов. Римляне вторично перешли Рейн, чтобы устроить германцев. Резко изменилось отношение к незамирным галлам. Надо было во что бы то ни стало быстро сломить их сопротивление.

Цезарь приказал объявить по всей Галлии, что на территории племен, не подчинившихся римлянам, каждый легионер может безнаказанно грабить и убивать кого захочет. Всех участвовавших в мятеже прошлого года Цезарь казнил, а отобранное у них имущество роздал своим сподвижникам. Немалая пожива досталась и купцам, следовавшим по пятам за наступающей римской армией. За кувшин вина покупали они у воинов пленников, захваченных прямо на поле сражения. Только при взятии одного города, рассказывают очевидцы, было продано в рабство 53 тысячи человек.

Уверенный в том, что теперь наступило спокойствие, Цезарь уехал на зиму в Италию. Но, как это часто бывает, упоенный победами завоеватель утратил представление о том, что творится в покоренной им стране. Чем более жестокой становилась власть Рима, тем сильнее росло влияние враждебных римлянам слоев населения. Возмущенный непрерывными грабежами и казнями, галльский народ восстал. В городе Кенабе, на реке Луаре, племя карнутов перерезало римских купцов, а вместе с ними и интендантов, заготовлявших продовольствие для римской армии. У соседей карнутов — арвернов, опираясь на бедноту, к власти пришел один из племенных вождей — Верцингеториг, которого римляне незадолго перед этим изгнали из страны. Арверны восстали, и все племена Средней Галлии присоединились к ним. Римские легионы, оставленные Цезарем зимовать на севере, поближе к ненадежным белгам, оказались отрезанными от провинции.

Положение могли спасти только быстрота и решительность. Оставив вновь набранные в Италии войска защищать провинцию, Цезарь со старыми солдатами стал пробиваться через глубокие снега в область арвернов. Стремительность натиска испугала галлов. Они вызвали Верцингеторига, который со своей армией находился в это время на севере у племен, еще не решавшихся примкнуть к восстанию. Пока армия галлов стягивалась к области арвернов, Цезарь с отрядом всадников, никем не заме-

ченный, прошел через всю Галлию и присоединился к своим легионам, стоявшим в Бельгии. Теперь под его командованием снова была большая армия, состоящая более чем из 10 легионов.

Воевать в чужой стране в зимних условиях было нелегко, но Цезарь не стал ждать благоприятной погоды. Прежде всего он решил отомстить за убийство римских граждан и, вторгшись в область карнутов, сжег Кенаб. Затем, переправившись через Луару на юг, он стал разрушать один за другим галльские города.

Верцингеториг избрал против римлян тактику партизанской войны. Уклоняясь от решительного сражения, он сжигал при отступлении все запасы продовольствия и, перерезая линии римских коммуникаций, нападал на обозы, шедшие с юга. Видя, что галлы отступают, Цезарь разделил свою армию. Четыре легиона (под командованием своего помощника Лабиена) он послал на север, а с остальными шестью легионами вторгся к зачинщикам мятежа — арвернам и осадил их столицу Герговию. Взять арвернов измором было трудно, так как у римлян у самих не хватало продовольствия, и Цезарь решился на штурм. Хорошо укрепленная крепость устояла. Римляне отступили, потеряв убитыми и ранеными почти легион. В первый раз случилось, что войска под командованием Цезаря потерпели крупное поражение. Победа Верцингеторига сделала его народным героем. Племена, во время всех предыдущих восстаний хранившие верность Риму, как, например, эдуи, примкнули к арвернам. Их пример увлек остальных галлов. Пламя восстания охватило всю страну, от Пиренеев до Рейна. Заложники, знатные юноши различных галльских племен, содержавшиеся в римском лагере, были освобождены, казна Цезаря захвачена восставшими, мосты через Луару разрушены. Казалось, близится долгожданный момент свержения римского ига.

Неожиданно для всех Цезарь повел войска из страны восставших эдучей не на юг, в сторону Италии, а на север, к белгам. Он не мог оставить на верную гибель на-

ходившиеся там четыре легиона под командованием Лабиена. Риск был велик, но Цезарь не видел другого выхода: оставить своих людей без помощи означало навсегда лишиться их доверия. Рухнули бы надежды Цезаря на достижение при помощи армии высшей власти. Он предпочитал погибнуть, чем отказаться от своих замыслов.

Окруженные со всех сторон врагами, без продовольствия, смертельно усталые, упорно пробивались легионы Цезаря на север. На их счастье, Лабиен разбил паризиев и собрал богатую дань с северных племен. Когда римляне, наконец, соединились, голодавшие войска Цезаря получили пищу и возможность отдохнуть.

Однако долго отдыхать было нельзя. Галлы лихорадочно готовились к решающей битве. Все восставшие племена прислали своих представителей в столицу эдуев — город Бибракте: здесь был принят план войны и установлено, сколько воинов выставит каждое племя. Верцингеториг, избранный командующим всего галльского ополчения, учил своих воинов строить и укреплять лагерь, рыть траншеи, совершать переходы и маневрировать. Он понял причины успехов римлян и внушал свободолюбивым, но диким галлам, что назначение воина состоит не только в том, чтобы сражаться: надо уметь ежедневным упорным трудом подготавливать победу. Обучение разноплеменного войска еще только начиналось, а галлы, воодушевленные победой при Герговии, требовали, чтобы Верцингеториг преградил путь Цезарю и уничтожил его легионы в решающем сражении.

Галльский вождь приказал построить возле города Алезия¹ лагерь, расположенный недалеко от скрещения дорог, по которым Цезарь мог возвращаться с севера в Нарбонскую Галлию. Сюда Верцингеториг собрал большие запасы продовольствия, 15 тысяч всадников и лучшую часть пехоты.

Когда отступавшие из Галлии римские войска поравнялись с Алезией, они были атакованы вражеской конницей. Внезап-

ность атаки не привела римлян в замешательство. Первый натиск был отбит незадолго перед этим набранной Цезарем конницей, о существовании которой галлы не подозревали. Отбросив врага, легионеры сомкнутыми колоннами преследовали отступавших и уничтожили больше 3 тысяч человек. Галлы отступили к Алезии, где у стен города находился их укрепленный лагерь. Римляне открыли путь на родину. Но Цезарь не был бы Цезарем, если бы не попытался использовать неожиданно открывшиеся перед ним благоприятные возможности. Римские войска повернули на север и подошли к Алезии.

Расположенный на вершине высокого холма, омывавшегося двумя реками, галльский лагерь казался неприступным. Только длительная осада могла бы сломить галлов. Цезарь заставлял легионеров работать по 16 часов в сутки. Город был окружен линией валов, которые отрезали осажденных от внешнего мира. Незадолго до этого Верцингеториг приказал своим всадникам покинуть город: для защиты лагеря конница была не нужна, а продукты питания необходимо было экономить. Всадники, разъехавшись по всей Галлии, вскоре собрали многочисленную армию добровольцев, которые и поспешили на выручку Верцингеторига.

Приближение вражеской армии, в несколько раз большей, чем та, которая была заперта в Алезии, делало положение римлян рискованным. Цезарь хорошо понимал, что для того, чтобы не выпустить Верцингеторига, ему придется сражаться на два фронта. Теперь надо было срочно построить оборонительную линию против приближающегося галльского ополчения. Галлы могли сосредоточить все силы на одном каком-либо участке, в то время как римлянам предстояло держать оборону и на внешней, и на внутренней линиях укреплений. Недостаток в войнах они возместили превосходством техники.

Были выкопаны один за другим три широких рва, промежуток между которыми

¹ Алезия находилась недалеко от современного города Дижона.

не превышал 100 метров. За рвами высился вал, укрепленный частоколом, за которым могли скрыться оборонявшие римский лагерь стрелки. Через каждые 25 метров на валу были построены многоэтажные башни, где находились метательные орудия для перекрестного обстрела. Перед рвами в землю были вкопаны стволы деревьев, суцья которых переплетались между собой, образуя густую колючую сеть. Пять рядов таких заграждений шли вплотную один за другим. В поле перед ними были вырыты прикрытые землей ямы-ловушки, на дне которых торчали заостренные сверху колья и крючья.

Строительство мощной линии обороны потребовало шести недель напряженного труда, но когда галльское ополчение, наконец, подошло к Алезии, римляне легко отразили два первых приступа. Третий приступ едва не окончился взятием римского лагеря, но римская конница, зайдя в тыл галлам, неожиданно напала на них. После ожесточенной схватки галлы отступили. Конница преследовала и рубила беглецов. После этой неудачи галлы потеряли всякую надежду на победу. Галльское ополчение разошлось по домам, а вскоре сдался и Верцингеториг. Цезарь не пощадил вождя галлов: почти шесть лет его держали в тюрьме, чтобы провести в триумфальном шествии на потеху римской толпе, а затем казнить.

После падения Алезии борьба в Галлии продолжалась еще около года. Жестоко расправляясь с восставшими, привлекая на свою сторону знать, Цезарь сумел, наконец, усмирить страну. За 8 лет он взял штурмом более 800 городов, покорил 300 племен. Против римлян боролось 3 миллиона человек, из которых, как утверждал Цезарь, один миллион он уничтожил, а еще один взял в плен. Только после взятия Алезии каждый римский воин получил в награду по одному рабу. Галлов обязали вносить в римскую казну ежегодную подать в 40 миллионов сестерциев. В страну вывели колонии римских граждан: заброшенную во вре-

мя войны землю по дешевке скупали римские рабовладельцы. Приток денег из Италии способствовал быстрому восстановлению хозяйства. Галлия была втянута в экономическую жизнь Римского государства. Быстро менялись культура и язык галлов, все больше подвергаясь римскому влиянию¹. Новые связи прочнее, чем размещенные в стране гарнизоны, приковали Галлию к Риму.

За время Галльской войны Цезарь в своей армии вырастил нескольких талантливых молодых командиров, которые впоследствии стали крупными полководцами. Среди них особенно выделялся Марк Антоний. В отсутствие Цезаря они командовали армией. Цезарь щедро награждал своих сподвижников из захваченной в Галлии добычи. Антоний вернулся в Рим богатым человеком. Он и его единомышленник Курион были избраны народными трибунами и развили энергичную деятельность, защищая интересы Цезаря.

Успехи Цезаря в Галлии вызвали беспокойство Помпея. Раньше он относился к Цезарю с пренебрежением, полагая, что ему будет легко в любой момент устранить человека, обязанного своим возвышением его покровительству. Однако после завоевания Галлии Цезарь сравнялся в славе с Помпеем, превосходя его награбленным в Галлии богатством. Это было решающим преимуществом в Риме: люди, добивавшиеся высоких должностей, открыто выставляли на площадях столики с деньгами для подкупа избирателей, и подкупленный народ приходил на голосование, чтобы мечами и дубинами бороться за тех, кто дал деньги. Государство уподобилось кораблю, потерявшему управление, и многие открыто говорили, что наступило время заменить республику монархией. Знатные считали наиболее подходящим правителем Помпея, который еще при Сулле стоял на стороне нобилей и никогда, подобно Цезарю, не заигрывал с беднотой.

¹ О влиянии римлян в Галлии можно судить хотя бы по тому, что современный язык этой

страны (французский) принадлежит к так называемой романской (римской) группе языков.

По предложению аристократа Катона, сенат передал Помпею власть обоих консулов и продлил ему проконсульство в Африке и в Испании, позволив управлять этими странами, оставаясь в Риме. Цезарь также потребовал, чтобы ему продлили проконсульство в Галлии. Сенат, вставший на сторону Помпея, отказал Цезарю. Узнав об этом, один из командиров галльской армии сказал, ударив по рукоятке меча: «Вот что продлит проконсульство Цезаря».

Вслед за этим сенат решил изгнать из свосей среды сторонников Цезаря — Антония и Куриона, которые, опасаясь за свою жизнь, вынуждены были бежать из Рима в одежде рабов.

Когда римские воины увидели, как двое почитаемых политических деятелей стали жертвой беззакония, они были возмущены. Если сенат так обошелся с людьми, занимавшими высшие должности в государстве, то могли ли простые воины рассчитывать на обещанные им пенсии и вознаграждения? Цезарю теперь было нетрудно разжечь своих солдат и повести их против сената.

В Предальпийской Галлии этой зимой (50—49 гг. до н. э.) находился только один легион. Не желая дать противникам времени на подготовку к войне, Цезарь не стал дожидаться прихода всей галльской армии и двинулся в Италию, располагая всего пятью тысячами человек. Достигнув реки Рубикона, считавшейся границей между Галлией и Италией, Цезарь долго стоял на берегу, не решаясь дать войскам приказ начать переправу. Переход границы означал бы начало гражданской войны. Наконец со словами «Жребий брошен!» он первым двинулся через реку.

Сенат поручил Помпею оборону столицы. Войска Помпея находились в Испании и Африке. Но стремительность Цезаря не оставила времени для переброски их в Италию. Когда в Риме поняли, что отстоять город не удастся, всеми овладела растерянность. Началось повальное бегство из столицы. Большинство сената, как и сам Помпей, покинуло Италию и бежало в Грецию.

Цезарь вступил в Рим, не встретив сопротивления.

Помпей не успел в спешке вывезти государственную казну, и теперь она попала в руки победителя.

Подчинив Италию, Цезарь отправился в Испанию, где были расположены главные силы Помпея. Цезарь считал опасным оставлять у себя в тылу враждебные войска. После короткой, но жестокой войны Цезарь принудил испанскую армию Помпея к капитуляции.

Осенью Цезарь вернулся в Рим, где его провозгласили диктатором. Затем с отборным отрядом кавалерии и пятью легионами он направился на юго-восток Италии, в Брундизий, а оттуда отплыл в Грецию. Переправить на Балканский полуостров сразу всю армию Цезарь не мог из-за отсутствия транспортных судов. С имеющимися силами Цезарь не решался перейти в наступление против Помпея, собравшего к этому времени значительную армию. Увидев, что оставшиеся в Италии войска медлят, так как в Адриатическом море господствовал флот Помпея, Цезарь решил отправиться к морю сам и ускорить переправу. Тайно от всех был снаряжен небольшой быстроходный корабль, на который поднялся человек в одежде раба с закрытым лицом. Экипаж корабля не догадывался, кто этот молчаливый путник. Однако в этот день на море разыгралась буря и Цезарь вынужден был вернуться.

Наконец Антоний, командовавший оставшейся в Италии армией, переправил ее в Грецию и соединился с Цезарем. Вскоре после этого в Северной Греции при Фарсале произошло решающее сражение. Новобранцы Помпея не устояли против закаленных в боях с галлами ветеранов Цезаря. Остатки армии Помпея капитулировали, а сам он бежал в Египет, где был предательски убит.

После смерти Помпея Цезарь, нуждаясь в деньгах, чтобы рассчитаться со своими ветеранами, отправился в Египет. Здесь он собирался взыскать с жителей для своего войска 10 миллионов сестерциев. В это вре-

мя наибольшим влиянием в стране пользовался один из царедворцев, правивший от имени малолетнего царя Птолемея. Чтобы не делить ни с кем власть, он изгнал из столицы старшую сестру царя Клеопатру. Этот правитель, боясь за свое положение, сразу стал проявлять враждебность к римлянам. Солдатам Цезаря он отпускал только старый, залежавшийся хлеб, говоря, что людям, которые едят чужое, нечего привередничать. Цезарь располагал в Египте слишком незначительными силами, чтобы начать войну. В поисках опоры среди местного населения он решил вернуть из изгнания Клеопатру. Молодая царица села в маленькую лодку и под покровом ночи, имея лишь одного спутника, подплыла ко дворцу, занятому Цезарем. Боясь попасть к врагам, она спряталась в мешок и таким образом была доставлена в покои Цезаря. Прельщенный смелостью и красотой царицы, Цезарь возвел ее на престол, вступив с ней в брак.

Вмешательство во внутренние дела Египта и поборы пришельцев вызвали восстание местного населения. Небольшой отряд римлян попал в опасное положение. Враги отрезали Цезаря от кораблей, и, чтобы спастись, римляне подожгли город. Во время пожара сгорела знаменитая Александрийская библиотека. Спасаясь от разъяренных жителей, Цезарь укрылся в александрийской гавани на маленьком острове Фаросе¹. Однажды, когда Цезарь плыл, чтобы соединиться со своими войсками, египтяне окружили лодку, и римскому полководцу пришлось броситься в воду. Со всех сторон на него сыпались стрелы, однако Цезарь упорно плыл к берегу. Самое удивительное даже не то, что он сумел спастись от смертельной опасности, а то, что и в воде он не выпустил из рук своих дощечек с записями, с которыми никогда не расставался.

Несмотря на все опасности, римлянам

удалось продержаться до прибытия вызванных из Сирии легионов, и восстание было подавлено. В это время на Востоке Фарнак, сын понтийского царя Митридата VI Евпатора, начал войну против Рима. Ему удалось занять значительную часть Малой Азии. Цезарь выступил против Фарнака с тремя легионами. Война с понтийским царем была закончена одним сражением. Победа досталась так легко, что, сообщая о ней в Рим, Цезарь ограничился всего тремя словами: «Пришел, увидел, победил!»²

Остатки легионов Помпея собрались в Африке. Во главе их встал давний враг Цезаря Катон. К помпеянкам присоединился нумидийский царь Юба. Непокорно было и в Испании, где в римских гарнизонах находилось много ветеранов Помпея. Казалось, гражданская война готова вспыхнуть с новой силой. Цезарь поспешил в Африку. Около города Тапса противники встретились. Судьба, как и раньше, была благоклонна к Цезарю: в течение трех часов он захватил три вражеских лагеря. Потери помпеянцев, по слухам, достигали 50 тысяч; сам же Цезарь потерял только 50 воинов. Катон понял, что дело его проиграно, и покончил жизнь самоубийством. Цезарь вернулся в Рим, где отпраздновал триумф в честь всех одержанных им побед в Галлии, Египте, Малой Азии и в Африке. Воинам Цезарь роздал богатые подарки, а народу устроил грандиозное пиршество. На 22 тысячах столов выставили угощение для всех граждан. Гладиаторские бои на суше и на море довершили празднество.

Вскоре после этого Цезарь, в четвертый раз выбранный консулом, отправился в Испанию, где против него подняли восстание сыновья Помпея — Гней и Секст. При городе Мунде произошло ожесточенное сражение (45 г. до н. э.). Солдаты Цезаря, измученные бесконечными войнами, страдая

¹ На этом острове находился знаменитый Фаросский маяк, считавшийся одним из семи чудес света. От этого острова происходит современное название автомобильных фонарей — фар.

² По-латыни все три слова начинаются на одну букву и имеют одинаковое окончание: «Veni, vidi, vici!»

от нехватки продовольствия, дрались неохотно, и победа была достигнута ценой очень больших потерь. Говорят, что, вспоминая эту битву, Цезарь сказал: «Раньше я дрался с врагами за победу, на этот раз мне пришлось сражаться за жизнь». В битве при Мунде погибли последние вожди помпейцев; только младшему сыну Помпея — Сексту удалось скрыться.

Казалось, что теперь уже не существовало силы, способной уничтожить могущество Цезаря. Утомленные смутами и гражданскими войнами, римляне видели в монархии единственную надежду на установление долгожданного покоя. Трудно даже представить, какие бедствия претерпел Рим за эти годы. Проведенная в городе перепись показала, что из 320 тысяч граждан погибло больше 170 тысяч, и это не считая потерь, понесенных жителями остальной Италии и провинций. Устрашенные римляне склонились перед счастливой судьбой Цезаря и безропотно позволили надеть на себя узду. Победитель уже не довольствовался десятилетними диктаторскими полномочиями. Теперь он получил звание пожизненного диктатора. Он имел право назначать половину всех должностных лиц и, таким образом, стал неограниченным властителем Рима. Воспользовавшись этим, Цезарь значительно увеличил число квесторов, эдилов и преторов. Желая привлечь на свою сторону как можно больше влиятельных лиц, он назначал их, хотя бы на короткий срок, на высшие должности.

С этой же целью Цезарь в полтора раза увеличил число сенаторов, введя в высший совет государства своих подчиненных и даже волюнтеристов. Добываясь расположения армии, он наделял отставных солдат землей как в самой Италии, так и далеко за ее пределами. Несколько десятков тысяч ветеранов получили землю в Галлии, в Африке (на месте разрушенного Карфагена) и в Греции (на месте разрушенного Коринфа).

Занимая должность великого понтифика, Цезарь стоял во главе римских жрецов. Понтифики ведали календарем, отличавшимся сложностью: для приведения календаря в соответствие с астрономическим временем надо было некоторые годы делать на месяц длиннее. Все были заинтересованы в том, чтобы упростить календарь и сделать его всем понятным. Цезарь пригласил в Рим египетских астрономов, и под его руководством они провели реформу, разбив год на 12 солнечных месяцев. К каждому четвертому году регулярно добавлялся дополнительный день, так называемый високосный. Месяц, на который приходился день рождения Юлия Цезаря, был назван в его честь июлем. Римский календарь оказался самым точным из всех существовавших в древности, и введение его прославило имя Цезаря на тысячелетия¹.

Чтобы крепче связать Рим с подчиненными ему провинциями, Цезарь предоставил многим провинциалам право римского гражданства. При нем начали чеканить золотую монету, чем значительно облегчили заморскую торговлю. На монетах вместо герба был изображен Цезарь, увенчанный лавровым венком.

Достигнутые успехи не только не успокоили деятельную натуру Цезаря, а наоборот, казались, толкали его на новые, еще более смелые предприятия. Говорили, что теперь, когда ему не с кем соперничать, он соревнуется с самим собой, стремясь будущими подвигами превзойти уже совершенные. Мало кто понимал, что не тщеславие, а необходимость толкает Цезаря вперед, что он стал рабом своей удачи и уже не может остановиться. Армия требовала награды за испанскую войну, а денег в казне почти не было. Чтобы расплатиться с солдатами, приходилось начинать новую войну.

Замышлявшийся Цезарем поход должен был затмить славу похода Александра. Он мечтал совершить то, что не удалось Крас-

¹ Введенный Юлием Цезарем календарь (юлианский) оказался настолько удобным, что получил распространение во всех странах Ев-

ропы. В России им пользовались до Великой Октябрьской революции (так называемый старый стиль).

су, — разгромить Парфянское царство, а затем вернуться в Италию северным путем через Скифию, Германию и Галлию. Цезарь возлагал все свои надежды на этот поход. Самым важным для него теперь было переломить настроение римского общества, утомленного бесконечными войнами. Цезарь решил соблазнить римлян множеством блестящих проектов, выгодных всем слоям населения. Для их осуществления нужны были большие средства, и казалось, что легче всего добыть их, завоевав богатую Парфию.

Перед тем как отправиться в поход, Цезарь решил упрочить свое положение в Риме, считая, что для этого лучше всего объявить себя царем и основать династию, подобную династиям эллинистических монархов. Так как у него не было детей, он усыновил внука своей сестры, семнадцатилетнего Октавия¹.

Сторонники Цезаря распространяли по городу слухи, будто в древних книгах сказано, что парфян сможет победить только царь. Однако ненависть к монархии была в Риме очень сильна, и Цезарю, чтобы избежать осложнений, приходилось искусно маневрировать. Однажды, когда он въезжал в город, несколько человек закричали: «Да здравствует царь!» Толпа на площади умолкла. Никто не поддержал кричавших. Видя это, Цезарь спокойно сказал: «Вы что-то путаете. Мое имя не царь, а Цезарь».

В год своего последнего консульства Цезарь назначил вторым консулом преданного ему Марка Антония. Однажды в праздничный день Цезарь явился на форум в пурпурной одежде триумфатора. Здесь к нему подошел Антоний и хотел надеть на него золотую корону. Люди, заранее расставленные Антонием, стали аплодировать. Однако когда Цезарь оттолкнул корону, аплодисменты стали громче и раздались приветственные крики. Антоний был уверен, что Цезарь отказался только для виду, желая, чтобы его попросили еще раз. Тогда он сно-

ва поднес корону Цезарю, и снова нанятые хлоपालщики усердно изображали народный восторг. Но Цезарь, почувствовав настроение толпы, и на этот раз отказался от царской власти.

Раздраженный неудачей, Цезарь решил покарать противников, невзирая на их общественное положение. Когда народные трибуны сорвали со статуй Цезаря короны и арестовали людей, приветствовавших его как царя, диктатор отрешил трибунов от должности и изгнал из сената. Это вызвало против Цезаря взрыв возмущения, так как трибуны считались самыми священными из должностных лиц. Особенно возмущены были представители старой римской аристократии, которые еще со времен заговора Катилины видели в Цезаре опасного смутьяна. Они не замечали, что, придя к власти, Цезарь сильно изменился и вовсе не был склонен выполнять данные народу обещания. Так, он отказался провести закон об отмене долгов, распустив союзы ремесленников, игравшие большую роль в защите прав бедняков, уменьшил число граждан, получавших бесплатный хлеб от государства. Аристократы ненавидели Цезаря, но понимали, что бессильны бороться против его диктатуры. Единственную надежду они возлагали на смерть Юлия Цезаря.

Среди сенаторов возник заговор, ставивший целью уничтожить Цезаря и восстановить старые республиканские порядки. Во главе заговора встали Марк Брут, Деций Брут Альбин и Кассий. Число заговорщиков скоро достигло 60, и слухи о готовящемся покушении поползли по городу. Друзья предостерегали Цезаря и советовали ему усилить охрану, но он не прислушивался к многочисленным доносам, поступавшим к нему ежедневно. В большинстве своем они были ложны. Доносчики пытались разделаться с личными врагами и выслужиться перед диктатором: сегодня они обвиняли в заговоре Брута, завтра Антония. Цезарем овладела апатия. «Лучше, — гово-

¹ Октавий после усыновления изменил, согласно обычаю, свое имя на «Октавиан». Впос-

ледствии, когда он сделался императором его стали называть Августом.

рил он, — один раз умереть, чем жить в постоянном страхе. Что предназначено судьбой, того не предотвратить. Самая лучшая смерть та, которая приходит неожиданно».

Заговорщики решили убить диктатора в иды марта¹. В этот день должно было состояться заседание сената на котором Цезаря предполагалось провозгласить царем всех заморских владений и разрешить ему носить царскую корону за пределами Италии. За несколько дней до этого какой-то гадатель предупредил Цезаря, чтобы тот опасался мартовских ид. Хотя Цезарь не верил прорицателям, но на этот раз встревоженная жена уговорила его сослаться на болезнь и не выходить из дому. Мятежники догадывались, что о заговоре известно, и опасались отсрочки заседания. Децим Брут, которому диктатор так доверял, что даже назначил его одним из своих наследников, отправился к Цезарю. «Ты, — сказал он, — и так слишком часто пренебрегал сенатом. Не стоит делать это сейчас, когда сенаторы согласились провозгласить тебя царем».

Гонимый честолюбием, Цезарь пренебрег советом жены и вышел из дому. По дороге они встретили гадателя, предупредившего Цезаря об опасности. «Почему не сбывается твое предсказание? — насмешливо спросил Цезарь. — Иды марта пришли, а я все еще жив». «Пришли, но не прошли», — будто бы ответил прорицатель.

Эти слова стали потом поговоркой.

Когда Цезарь подошел к самому входу в курию², один из его приверженцев передал ему маленький свиток папируса с сообщением о готовящемся покушении. «Немедленно прочти это, Цезарь, — сказал он, — и не показывая никому. Здесь написано о важном для тебя деле».

Однако множество просителей отвлекли диктатора, и он вошел в сенат, так и не

прочитав свитка. Опасаясь, что силач Антоний сможет помешать убийцам, Децим Брут ловко задержал его разговором у входа в сенат.

Между тем Цезарь вошел в курию, и все стоя приветствовали всесильного диктатора. Несколько десятков заговорщиков окружили кресло Цезаря. Один из них, Туллий Кимвр, настойчиво стал просить вернуть из изгнания его брата. Когда Цезарь отказал, Туллий схватил диктатора за край тоги и, сильно дернув, оголил ему шею. Это было сигналом. Заговорщики, выхватив из-под плащей мечи, бросились на диктатора. Они договорились заранее, что каждый нанесет Цезарю хотя бы один удар, чтобы никто не мог утверждать, что он не виноват в совершившемся. Возникла свалка, и, целясь в Цезаря, заговорщики переранили друг друга. Куда бы ни бросался Цезарь, всюду его встречали направленные на него мечи. Ему нанесли 23 раны, но только две из них были смертельны. Сенаторы молча взирали на происходящее, не смея ни вступить за Цезаря, ни даже позвать на помощь. Диктатор упал, обливаясь кровью, у подножия статуи Помпея. Казалось, что Помпей с удовольствием смотрит на противника, распростертого у его ног. Когда все было кончено, Марк Брут хотел обратиться с речью к сенату, но, очнувшись от оцепенения, сенаторы бросились бежать, распространяя по городу страх и смятение.

Цезарь умер 56 лет от роду, пережив Помпея почти на четыре года. Ему не пришлось воспользоваться могуществом и властью, к которым он стремился всю жизнь и которых достиг такими великими трудами. Но и заговорщики не добились своей цели: власть сената не была восстановлена. Ни один человек, сколько-нибудь причастный к убийству Цезаря, не уцелел. Об их судьбе будет рассказано в биографии Октавиана.

¹ Иды — середина месяца, приходившаяся на 15-е или 13-е число. Мартовские иды — 15 марта.

² Курия — здание, предназначавшееся для собраний граждан или заседаний сената.

Великий оратор, писатель и политический деятель Марк Туллий Цицерон родился 3 января 106 г. до н. э. близ города Арпина. Отец его происходил из состоятельной римской семьи всадников. Прозвище рода Туллиев «Цицерон» (по-латыни — *цицерио*) означает «горошина». Некоторые думали, что у одного из предков великого оратора была бородавка на носу, напоминавшая горошину. Другие же полагали, что какой-либо его предок был знаменитым огородником и выращивал хороший горох. В роду Туллиев никто не занимал высших государственных должностей, и потому, когда Цицерон достиг поста консула, представители знати называли его презрительно выскочкой, «новым человеком» (*хомо новус*).

Еще в детстве Цицерон показал блестящие способности в учении. Он отличался такой поразительной понятливостью и памятью, что родители его товарищей приходили в школу посмотреть на это маленькое чудо.

Когда Цицерон подросток, его отец переселился в Рим, чтобы дать ему и брату Квинту образование. В столице молодой человек изучал римское право, занимался греческой философией, теорией риторики¹.

В Риме в это время собрались виднейшие представители греческой философии.

В обществе греческих ученых и писателей Цицерон основательно изучил греческий язык и литературу. Греческий поэт Архий привил будущему оратору вкус к изящной литературе и поэзии: Цицерон в юности и даже в зрелом возрасте писал стихи (правда, довольно плохие).

Особенно заинтересовался молодой человек *диалектикой*, то есть искусством спора

и убеждения. Одновременно с этим он упражнялся в декламации — составлении речей на греческом и латинском языках. Знаменитый актер Росций Галл учил Цицерона произношению, постановке голоса и ораторским жестам.

После школы Марк Туллий служил в армии и участвовал в «Союзнической войне». По окончании военной службы двадцатилетний Цицерон решил посвятить свою жизнь политической деятельности.

В республиканском Риме незнатные юноши могли выдвинуться, лишь выступая в каком-нибудь громком судебном процессе в качестве защитника или обвинителя. Тут представлялся удобный случай изложить свои взгляды на те или иные вопросы общественной жизни, обратить на себя внимание, получить известность у граждан-избирателей.

Однако момент для публичных выступлений был неблагоприятным: шла гражданская война, по стране прокатилась волна террора против народной партии. Ежедневно вывешивались списки обреченных на казнь людей. Наемные убийцы вечерами бродили по темным улицам Рима. Они врываются в дома богатых людей или убивали их просто на улице, а затем под разными предлогами завладевали их состоянием.

Как человек честный и гуманный, Цицерон приходил в ужас от насилий и жестокостей, творимых сторонниками Суллы. Он решился защищать несчастные жертвы диктаторского режима. Одной из таких жертв явился Росций.

На улице Рима был убит богатый земледелец, некто Секст Росций. Убийство подстроили родственники с целью завладеть его имуществом. Они вошли в соглаше-

¹ Риторика — наука о красноречии.

ние с всесильным любимцем диктатора Суллы Хрисогоном, который скупил за бесценок с торгов имущество убитого. Родственники погибшего пытались устранить законного наследника — сына Секста Росция. Когда им это не удалось, они выдвинули против молодого человека обвинение в отцеубийстве. Никто не хотел брать на себя защиту молодого Росция из страха перед Корнелием Суллой. Только Цицерон согласился защищать несчастного. Дело Росция было настолько ясным, что адвокату не стоило никакого труда доказать его невиновность. Но этого Цицерону показалось мало.

Всем было известно, что за обвинителем скрывается всесильный Хрисогон. Этот временщик считал себя в полной безопасности, так как ему сходили с рук и не такие поступки. Цицерон в своей речи не побоялся заклеить любимца Суллы. Когда молодой оратор произнес имя Хрисогона, обвинители и толпа народа замерли в безмолвии. Однако Цицерон, продолжая сохранять спокойствие, выдвигал одно за другим обвинения, клеймя позором человека, перед которым все трепетали. Судьи и публика поняли, что Цицерон обвиняет в лице Хрисогона самого Суллу. В заключение молодой оратор потребовал положить конец гнусному режиму. Речь его была встречена рукоплесканиями, а обвиняемого суд оправдал.

Вскоре после этого Цицерон вместе с братом Квинтом уехал путешествовать в Грецию и Малую Азию якобы для лечения, но на самом деле опасаясь преследований со стороны Суллы. Сначала братья прибыли в Афины. Цицерон продолжал свои занятия философией, начатые в Риме. Затем он переехал на остров Родос, где находились знаменитая школа ораторского искусства и известные профессора — Аполлоний и философ Посидоний. Рассказывают, что Аполлоний, не понимавший ни слова по-латыни, попросил Цицерона произнести речь по-гречески. Выслушав блестящую речь молодого римлянина, присутствующие осыпали оратора похвалами. Сам Аполлоний слушал речь с невеселым видом. Когда оратор кончил,

знаменитый профессор сказал: «Хвалю тебя, Цицерон, и удивляюсь твоему дарованию, но жалею о судьбе Греции: единственно прекрасное, что у нас еще осталось — образованность и красноречие, и это теперь завоевали римляне!»

После кончины Суллы Цицерон возвратился в Рим. Первое время Цицерон вел себя осторожно, не торопился выставлять свою кандидатуру на государственные должности, предпочитая держаться в тени.

Вскоре Цицерон возобновил свои публичные выступления в качестве защитника. Необыкновенный талант оратора доставил ему известность и связи во влиятельных кругах столицы, которые позволили ему заключить выгодный брак с Теренцией, женщиной из богатой семьи. Цицерон стал теперь человеком зажиточным и мог бесплатно оказывать помощь нуждающимся в защите.

Избранный квестором, он был отправлен на остров Сицилию для заготовки хлеба. На этом посту Цицерон проявил исключительную деловитость, мягкость и справедливость в обращении с местным населением, привыкшим к грубому произволу римских чиновников.

Марк Туллий Цицерон был так доволен и горд своими успехами, что по возвращении в Рим, как сам признавался впоследствии, попал в смешное положение. Случайно встретив одного знакомого, оратор спросил, что говорят в Риме о его, Цицерона, подвигах (он воображал, что весь город только и говорит о нем). Знакомый же ответил ему вопросом: «А где же ты, Цицерон, был все это время?»

Между тем сицилийцы привлекли к суду своего наместника Верреса и обратились к Цицерону с просьбой взять на себя роль обвинителя. С энергией принявшись за дело защиты интересов сицилийцев, Цицерон отправился на остров собирать материалы по обвинению Верреса. Противная сторона выставила в качестве защитника адвоката Гортензия. Обвиняя Верреса, одного из приспешников Суллы, Цицерон опять выступал как представитель народной партии и враг сулланского режима.

Разбирательство дела Верреса началось на форуме при огромном стечении народа. Подсудимый явился в сопровождении своих знатных покровителей, держался самоуверенно и нагло. Когда огласили содержание документов и свидетельские показания, искусно подобранные Цицероном, открылись все возмутительные факты насилий, вымогательства и прямого грабежа. Народ пришел в неистовство. Когда один из свидетелей рассказывал, как Веррес приказал распять на кресте человека, который кричал: «Я — римский гражданин!»¹ — толпа чуть не растерзала обвиняемого. Дело Верреса превратилось в судебный процесс не только над всеми насилиями и беззакониями, творившимися при сулланском режиме, но и над партией оптиматов. Видя, что народ не позволит судьям вынести оправдательный приговор и дело его проиграно, Веррес добровольно удалился в изгнание.

Выступлением против Верреса Цицерон завоевал расположение народа и вскоре был избран претором. Пребывая на этой должности, он честно и беспристрастно выполнял свои обязанности.

Во время своей деятельности в качестве претора Цицерон произнес первую политическую речь в поддержку закона о назначении Помпея главнокомандующим в войне с царем Митридатом. Выступление имело блестящий успех, и Помпей был назначен главнокомандующим. Постепенно Цицерон стал все более склоняться на сторону оптиматов, понимая, что его дальнейшая политическая карьера зависит от их поддержки.

Консульство Цицерона совпало с раскрытием знаменитого заговора Катилины. Катилина был разорившимся аристократом, сподвижником Суллы. Он домогался должности консула, но не был избран. Тогда Сергий Катилина выставил заманчивый лозунг, призывавший к уничтожению долговых обязательств. Лозунг пришелся по вкусу римской бедноте, разорившейся знати, ветера-

нам Суллы и всем, кто был недоволен существовавшими порядками. Опасность беспорядков заставила объединиться всадников и сенаторов-оптиматов, и они добились избрания в консулы Цицерона, считая его самым подходящим человеком для защиты их интересов. Новый консул постарался оправдать доверие выборщиков.

Прежде всего он приставил к Катилине шпиона, через которого узнавал о всех намерениях заговорщиков; в различных пунктах города были расставлены караулы и разосланы доверенные лица для наблюдения за всем происходящим.

Между тем Катилина действовал энергично, собирая по Италии вооруженные отряды своих приверженцев. В Риме он поручил своим сторонникам убить Цицерона. Однако тот был своевременно предупрежден, заговорщики схвачены и казнены без суда. Сам Катилина отправился в Этрурию, где ему удалось сформировать армию из ветеранов Суллы. Спустя некоторое время армия Катилины была разбита наголову, а глава заговора пал в бою (63 г. до н. э.). Так была пресечена попытка совершить в Риме переворот.

Заслуги Цицерона при ликвидации заговора Катилины были оценены оптиматами и всадниками. Человека, которого они еще так недавно презрительно называли выскочкой, осыпали неумеренными похвалами и даже поднесли ему почетный титул «отца отечества». Сын захудалого провинциального всадника сделался вождем сената!

До некоторых пор Цицерон внешне оставался скромным человеком, который, казалось, не стремился ни к власти, ни к роскоши. Он заботился больше всего о своей литературной славе. В душе, однако, Цицерон всегда лелеял мечту стать государственным деятелем. И вот его мечта сбылась! Опьяненный чрезмерным потоком лести, Цицерон окончательно уверовал в то, что он великий политический деятель — спаситель отечества. Но вместо того, чтобы энергично вмешаться в борьбу партий, став окончательно

¹ Римский гражданин по закону не подлежал позорной казни — распятию на кресте.

на сторону оптиматов или народа, он бездействовал. Марк Туллий занял половинчатую, колеблющуюся позицию. Где бы он теперь ни говорил — в сенате, в суде или в народном собрании, все должны были слушать бесконечные разглагольствования о Катилине и о его, Цицерона, роли при подавлении заговора. Эта слабость великого оратора стала вызывать насмешки.

Цицерон полагал, что теперь ему, как государственному человеку, вождю сената, не пристало жить в скромном доме. Он купил за огромные деньги большое здание на Палатинском холме. Необходимую сумму ему пришлось занять у своих подзащитных.

Между тем Цицерон вскоре убедился, что его влияние среди оптиматов и всадников не так уж велико, как он себе представлял. Мало того, над ним внезапно нависла грозная опасность.

В это время в Риме политическая обстановка была напряженной, борьба партий обострилась. Оптиматы и народная партия с тревогой ожидали возвращения Помпея. Шли бесконечные толки о том, что предпримет Гней Помпей: распустит ли он свою армию, или, подобно Сулле, двинет ее на Рим, чтобы захватить власть. Вскоре в городе разразился скандал, который повлек за собой самые печальные последствия для Цицерона.

Некто Клодий, молодой человек знатного рода, прокрался ночью в дом великого понтифика Юлия Цезаря. Там в это время знатнейшие женщины Рима вместе с весталками справляли праздник в честь Благой богини¹, на котором не имел права присутствовать ни один мужчина. Клодий проник в дом Цезаря, пересодевшись в женскую одежду. Однако его узнали по голосу, и он еле спасся. Клодий был одним из вождей народной партии, и оптиматы привлекли его к суду по обвинению в преступлении против религии. Представ перед судом, Клодий бесстыдно отрицал предъявленные ему обвинения, стараясь доказать, что в ту ночь находился далеко от Рима. Вызванный

в суд Юлий Цезарь тоже дал показания в пользу Клодия. Тогда с обвинением Клодия выступил Цицерон. Благодаря подкупу судей Клодия все-таки оправдали. С тех пор этот человек возненавидел Цицерона и только ждал случая отомстить ему.

Вскоре после этого трое самых влиятельных людей в Риме — Цезарь, Помпей и Красс — заключили союз, так называемый первый триумvirат. Цезарь был душой этого союза. После тщетных попыток привлечь на свою сторону Цицерона триумвиры решили избавиться от наиболее влиятельных вождей партии оптиматов — Катона и Цицерона. Сначала Цезарь хотел просто удалить знаменитого оратора подальше от столицы, предложив ему отправиться командовать легионом в Галлию. Но Цицерон отказался.

Участь Цицерона решили триумвиры, и он был отдан в жертву своему врагу Клодию. (В это время Клодий был народным трибуном, и римская беднота видела в нем своего защитника.) Одним из первых законов, предложенных Клодием, был закон, направленный против Цицерона. Этот закон гласил: казнивший без суда римского гражданина должен быть изгнан. Клодий привлек Цицерона к суду за то, что тот когда-то приказал без суда и следствия казнить сторонников Катилины.

Великий оратор, облачившись в траурную одежду, обходил городские улицы, умоляя народ о защите. За ним следовали толпы молодых людей из числа всадников, вторя его мольбам. Цицерон обратился за помощью в сенат. В страхе перед Клодием сенаторы не решились прийти на помощь своему товарищу. Цицерону оставалось обратиться к самым триумвирам. Цезарь в это время находился в Галлии, Красс был явно враждебно к нему настроен, оставался один Помпей. Цицерон отправился к Помпею, но тот уклонился от свидания.

Тогда Цицерон обратился к своим друзьям. Одни предлагали ему остаться в Риме и бороться с врагами до конца, другие же

¹ Благая богиня — италийское божество плодородия, покровительница женщин.

совествовали бежать, рассчитывая, что его пребывание в изгнании будет кратким. И вот Цицерон, столько раз выступавший, защищавший и обвинявший других, побоялся суда над собой и решил бежать. Человек, которого еще недавно провозгласили «отцом отечества», вынужден был глубокой ночью тайно покинуть Рим и удалиться в добровольное изгнание.

После бегства Цицерона Клодий провел постановление об его изгнании и обнародовал декрет, по которому изгнанник должен был удалиться от столицы на 500 миль¹.

Цицерон отправился в Южную Италию. Оттуда он намеревался перебраться в Сицилию, жители которой помнили его по делу Верреса. Однако наместник Сицилии прислал ему письмо с просьбой не посещать остров. Огорченный Цицерон направился в Брундизий, чтобы оттуда отплыть в Македонию.

Находясь в изгнании, Цицерон первое время совершенно пал духом: целые дни он сидел, устремив свой взор в сторону любимой родины. Несчастье, по-видимому, совершенно сломило этого человека.

Между тем в Риме Клодий разрушил дом Цицерона, сжег его виллы, разграбил часть имущества оратора. На месте разрушенного дома он велел построить храм Свободы. Попытка Клодия продать остальное имущество великого оратора с публичных торгов окончилась неудачей: к чести римского народа, не нашлось ни одного покупателя.

Ободренный успехами, Клодий набрал вооруженные банды из вольноотпущенников, рабов и гладиаторов. Этим людям он распределил по десяткам и сотням под начальством отчаянных головорезов. Из шаек образовались тайные общества в каждом квартале столицы, которые имели склады оружия и свой штаб. С помощью этих банд Клодий стал хозяином в народном собрании. Он щедро награждал своих сторонников и жестоко преследовал врагов. Уверенный в своих силах, Клодий выступил про-

тив одного из триумвиров — Помпея. Говорят, что он даже подослал к нему убийцу, но покушение не удалось. Тогда, решив, что Клодий зашел слишком далеко и стал опасен, сенаторы задумали вернуть из изгнания Цицерона. Помпей тоже стал на сторону друзей великого оратора.

Однако Клодий с помощью банд делал все, чтобы помешать возвращению своего заклятого врага: он запугивал сенат и пресекал все попытки поставить в народном собрании вопрос о возвращении Цицерона. Один из консулов все-таки выступил в сенате за возвращение изгнанника, а народный трибун внес такое же предложение в народном собрании. Сенат постановил не утверждать ни одного решения и вообще не заниматься государственными делами, пока Цицерону не будет дана возможность вернуться.

В конце концов Помпей с помощью солдат прогнал с форума банды Клодия, и народ единодушно принял решение вернуть знаменитого изгнанника. Сенат постановил за государственный счет восстановить его разрушенные виллы и дом.

Цицерон вернулся в Рим, проведя в изгнании 16 месяцев. Его возвращение было похоже на триумфальное шествие полководца. Первый итальянский город Брундизий, где он вступил на итальянскую землю, устроил в его честь празднества. Жители городов, расположенных вдоль знаменитой Аппиевой дороги, встречали Цицерона; со всех ближайших деревень сбегались люди с женами и детьми, чтобы взглянуть на него. Из Рима навстречу великому оратору вышли бесчисленные толпы народа.

В доме брата, где Цицерону пришлось остановиться, его приветствовали знатнейшие из сенаторов. Даже его давний недоброжелатель Марк Красс вышел к нему в знак примирения. Цицерон был очень доволен таким приемом и свои чувства выразил в таких словах: «Мне кажется, что я не только возвращаюсь из изгнания, а восхожу на небо».

¹ Римская миля равняется 1,5 километра.

Между тем Клодий продолжал бесчинствовать. Противная сторона решила действовать его же оружием: пародные трибуны Сестий и Милон набрали отряды, которые почти ежедневно вели бои с людьми Клодия. В результате беспорядков выборы консулов и других должностных лиц провести не удалось. Такое положение прекратилось, только когда Помпея избрали единоличным консулом и он с помощью солдат разогнал банды. Во время одной из стычек трибун Милон убил Клодия. На его похоронах толпа народа в здании, где заседал сенат, из скамей и столов сенаторов воздвигнула огромный костер и сожгла на нем труп своего вождя.

Убийца Клодия должен был предстать перед судом, и Цицерон взялся его защищать. Защита Милона являлась делом весьма опасным, так как разъяренная римская чернь угрожала отомстить за своего любимца.

Римский форум, где проходил суд, представлял необычайное зрелище: вокруг площади расположились вооруженные солдаты Помпея; ораторская трибуна и судейские места были окружены многотысячной толпой, которая то слушала, затаив дыхание, то вдруг приходила в ярость. Цицерон прибыл на форум в закрытых носилках, чтобы не подвергнуться по пути оскорблениям со стороны толпы. Как только оратор поднялся на трибуну, из публики раздались дикие выкрики, вопли и угрозы. Защитник страшно перепугался, не мог говорить со своей обычной твердостью и проиграл дело. Милон был осужден и удален в изгнание.

Через некоторое время Цицерона отправили наместником в назначенную ему провинцию Киликию (в Малой Азии). По пути греки встречали его с почетом, и он мог убедиться, что слава о нем как об ораторе и писателе распространилась всюду.

Цицерон был образцовым правителем: он не давал римским откупщикам и купцам грабить местное население, был справедлив, неподкупен и легко доступен для всех, кто желал к нему обратиться. По

истечении срока своих полномочий Цицерон, провожаемый благодарными киликийцами, отплыл в Италию.

Он вступил на итальянский берег во время грозных событий — началась война за власть между Цезарем и Помпеем. Великий оратор пытался примирить противников, настойчиво уговаривая их прийти к соглашению. Цицерон предложил даже разрешить Цезарю заочно помогать консульства, а Помпею, когда Цезарь будет избран, удалиться в Испанию. Под давлением оптиматов сенат отверг эти предложения и объявил военное положение. В ответ Гай Юлий Цезарь из Галлии, своей провинции, вторгся в пределы Италии. У Помпея в Италии было всего 2 легиона против 11 легионов Цезаря. Он оставил Рим врагу и объявил набор в войска по всей Италии. Сенату и консулам Помпей приказал выехать в Капуя¹. Цицерон как член сената подчинился приказу главнокомандующего не без колебаний. В своих письмах Цицерон писал, что не знает, на какую сторону ему встать.

Помпей, вяло и нерешительно организовавший оборону, в конце концов покинул Италию. Цицерон не последовал за ним, а остался в своем имении. Цезарь прислал ему письмо, советуя присоединиться к нему; если же он отказывается, то пусть едет в Грецию и живет там спокойно, ожидая дальнейших событий.

Захватив Италию, Цезарь отправился в Испанию против находившейся там армии Помпея. После его отъезда Цицерон отплыл к Помпею, где его встретили с радостью. Однако претор Марк Порций Катон высказал мнение, что Цицерону для блага отечества лучше бы оставаться в Риме, а не рисковать собой без нужды. Помпей не давал Цицерону никаких важных поручений, и тот ходил по лагерю угрюмый и печальный, ворча и критикуя распоряжения главнокомандующего. В конце концов Помпей решил избавиться от Цицерона и Катона, отправив их в Диррахий.

¹ Капуя — город в итальянской области Кампания.

Великий оратор не принял участия в битве при Фарсале. Помпеянцы предложили Цицерону, как бывшему консулу, командовать флотом и остатками разбитой армии. Он отверг это предложение и вообще отказался от дальнейшего участия в войне. Цицерон считал, что после Фарсальской битвы дело Помпея проиграно и следует заключить почетный мир. Сам Помпей со своими друзьями, обвинив великого оратора в измене, хотел его убить. Цицерон спасся только благодаря вмешательству Марка Катона, а затем бежал из лагеря.

После этого Цицерон высадился на итальянский берег в Брундиции и жил здесь некоторое время до возвращения Цезаря из Египта и Азии. Наконец пришло известие, что Цезарь высадился в Таренте¹ и идет в Брундиций. Цицерон поспешил ему навстречу. Цезарь милостиво приветствовал его и с тех пор не переставал оказывать ему знаки уважения и благосклонности.

Во время диктатуры Цезаря Цицерон отошел от общественной деятельности, посвятив все свое время научным и литературным занятиям. Изредка приезжал он в город, чтобы приветствовать Цезаря и произнести в его присутствии речи в защиту сторонников Помпея. В речах оратор иногда кривил душой, допуская неумеренные хвалы диктатору.

В этот период к печали о гибели республики, многих друзей и соратников у Цицерона прибавились еще и семейные неприятности: ему пришлось разойтись с женой Теренцией, с которой он прожил много лет. Материальное положение Цицерона было очень тяжелым — его обременяли большие долги. Вскоре после этого Цицерона постигло новое несчастье — умерла его любимая дочь.

Между тем против Цезаря был составлен заговор, во главе которого стояли Брут и Кассий. Цицерон, хотя и имел самые дружеские отношения почти со всеми заговорщиками, не был посвящен в их замыслы. Сразу же после убийства Цезаря великий

оратор вернулся к политической деятельности и стал во главе сенатской партии.

Заговорщики, достигнув успеха, не сумели тотчас же захватить власть: они колебались, не зная, каково настроение народа и солдат Цезаря. Обе партии — сенатская и цезарианская — находились в состоянии полной растерянности.

Через два дня собрался сенат и, по предложению Цицерона, помиловал убийц Цезаря, но вместе с тем утвердил все распоряжения покойного диктатора.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, консул Антоний, один из ближайших помощников Юлия Цезаря, завладел его завещанием, а также государственной казной. Цезарь завещал огромные суммы для раздачи римскому народу и назначил своим наследником впучатого племянника — Октавиана.

На похоронах Цезаря собрались огромные толпы людей. Консул Антоний произнес речь, показав народу окровавленную тогу Цезаря, всю исколотую копьями. Возбужденные люди бросились поджигать дома заговорщиков. Волнения продолжались несколько дней.

Между тем Антоний, набрав из ветеранов Цезаря отряд в 6 000 человек, стал хозяином Рима. В этот момент прибыл в Рим 18-летний наследник Цезаря Октавиан. Он объявил, что принимает наследство Цезаря (уже частично расхищенное Антонием) и обязуется немедленно выплатить народу завещанные диктатором деньги. Щедро раздавая обещания, молодой человек набрал из бывших солдат Цезаря войско, чтобы, как он говорил, добиться наследства и отомстить убийцам. Со своими сторонниками Октавиан призывал народ на форуме и на улицах Рима выступить против консула Антония, обвиняя его в измене Цезарю и в поддержке уплаты денег простому народу по завещанию.

Против Антония выступил и Цицерон. В своих речах он заявлял, что тиран пал, а тирания до сих пор живет. Обращаясь к

¹ Тарент — город на юге Италии, на берегу Тарентского залива.

Антонию, оратор сказал: «Я презрел мечи Катилины, не усташусь и твоих мечей; я готов пожертвовать собой ради свободы республики».

Между тем Октавиан передал Цицерону и сенатской партии набранные им отряды для борьбы с Антонием. Великий оратор с радостью согласился. Он рассчитывал, что юноша в его руках станет послушным оружием. Молодой человек, однако, очень ловко сыграл на слабости Цицерона — тщеславии, уверив оратора, что во всем будет следовать его советам. Против Антония сенатом было послано войско во главе с новыми консулами. Молодому Октавиану предоставили знаки преторской власти. При Мутиле (в Северной Италии) Антоний был разбит и бежал. Октавиан во главе своих легионов вошел в Рим. Еще раньше он договорился с Антонием и Лепидом о разделе власти (этот сговор называют вторым триумvirатом). Триумвиры объявили, по примеру Суллы, проскрипционные списки лиц, которых решено было уничтожить. Под давлением Антония первым в этот список был записан Цицерон.

В это время Цицерон находился вместе с

братом Квинтом в своем поместье неподалеку от Рима. Узнав об угрожающей опасности, братья решили отправиться в ближайший порт на Тирренском море. Оттуда они думали перебраться в Македонию к находящемуся там Бруту. По дороге Квинт решил вернуться, чтобы завестись продовольствием, а Цицерон продолжал путь один. Спустя несколько дней Квинт был схвачен и убит.

Цицерону удалось добраться до моря и благополучно сесть на корабль. Прибыв в Кайету¹, где у него было имение, беглец остановился в своей вилле на отдых. Тут его настигли подосланные Антонием убийцы. Найдя двери дома запертыми, они взломали их и ворвались внутрь. Но Цицерона не оказалось в вилле, и слуги уверяли, что его не видели. Вдруг один из вольноотпущенников указал людям Антония на нескольких человек, несущих носилки с оратором по направлению к морю. Убийцы побежали за ними. Цицерон, увидев бегущих, велел слугам опустить носилки на землю. Он спокойно смотрел в упор на своих преследователей. Так 7 декабря 43 г. до н. э., на 64-м году жизни, погиб Цицерон.

¹ Кайета — порт на Тирренском море в области Лациум.

Октавиан Август был одним из самых выдающихся государственных деятелей Древнего Рима. Его имя сохранилось в потомстве наряду с именами Александра Македонского и Юлия Цезаря. Еще при жизни его — правителя Римского государства — стали называть «божественным Августом», а впоследствии даже возникла легенда, что отцом Октавиана был не простой смертный, а бог Аполлон.

Октавиан родился 23 сентября 63 г. до н. э. Астрологи предсказывали младенцу великое будущее. Его отец Гай Октавий происходил из привилегированного сословия всадников. По материнской линии Октавиан приходился внучатым племянником Юлию Цезарю. Покровительство Цезаря помогло Октавиану рано вступить на политическое поприще. Мальчиком Октавиан воспитывался в доме своей бабки Юлии, сестры всемогущего диктатора. Еще в детстве он отличался необычайными способностями. Когда ему исполнилось 12 лет, во время похороں своей бабки Юлии Октавиан произнес яркую, запомнившуюся современникам речь. Цезарь осыпал юношу милостями и незадолго до своей кончины усыновил его и назначил наследником.

Для продолжения обучения Цезарь отправил юношу в греческий город Аполонию. Здесь Октавиана застало известие об убийстве Цезаря. Юноша знал, что возвращение в Рим для него опасно, и колебался, принимать ли ему наследство Цезаря. Мать не советовала ему вмешиваться в грозившую гибелью политическую борьбу. Однако Октавиан принимает решение. Он отправляется в Рим и прибывает туда как раз вовремя.

Убийцы Цезаря бежали, наиболее видные противники погибшего диктатора также разбежались из столицы, сенат бездействовал. Октавиан был с радостью встречен ветеранами Цезаря и народом, ожидавшим, что распоряжения диктатора будут, наконец, исполнены и Октавиан, получив наследство, выплатит каждому жителю Рима обещанные 300 сестерциев. Октавиан подтвердил, что выплатит народу завещанные деньги, и взял, согласно тогдашнему обычаю, имя своего приемного отца. Теперь он стал именоваться Гай Юлий Цезарь Октавиан¹.

Однако получить наследство Октавиану оказалось не так просто. Консул Антоний захватил деньги Цезаря и оставшиеся после него документы. Он объявил, что выборы консулов производить не следует, так как Цезарь уже назначил на наступающий год (43 г. до н. э.) всех должностных лиц. В действительности это было не так. Антоний сам поставил на все должности своих родственников и преданных ему людей.

Октавиан потребовал от Антония передать ему, как законному приемнику, наследство Цезаря. Антоний отказался. Октавиан обвинил его в измене и в присвоении завещанных народу денег. Он продал часть собственного имущества и роздал народу обещанные Цезарем деньги. Этот поступок привлек к Октавиану симпатии солдат и бедноты. Наследник Цезаря мгновенно из малоизвестного человека сделался самым популярным из всех оставшихся после смерти Цезаря политических деятелей. После того как два легиона перешли на сторону Октавиана, он передал их вместе с набранными на собственный счет войсками в распоряжение сената для борьбы с Антонием.

Добиваясь власти, Октавиан стремился

¹ Усыновленный брал полное имя своего отца, а свое бывшее имя приписывал в конце нового.

сблизиться с главой сенатской партии, знаменитым оратором Цицероном, который обладал большим влиянием и ненавидел Антония. Цицерон с радостью пошел на союз с Октавианом. Он был заинтересован в поддержке наследника Цезаря любимца римской бедноты и полагал, что неопытный 18-летний юноша будет послушным орудием в его руках. Октавиан старался укрепить Цицерона в этом убеждении, всячески заискивал перед ним и даже почтительно называл его «отцом».

По совету Цицерона сенат объявил Антония «врагом отечества». Во главе направленной против него армии были поставлены выбранные законным порядком два консула и Октавиан, которому предоставили командовать его двумя легионами. Октавиана не смущало, что он оказался в одном лагере с убийцами его приемного отца. Он стремился к власти любыми путями.

Войска двинулись к городу Мутине, на севере Италии, где стояли легионы Антония. Произошло решающее сражение. Войска Антония были разбиты. Оба консула пали в бою, и Октавиан остался единственным командующим. От природы осторожный, он не решился преследовать отступающие войска Антония, и те, переправившись через Альпы, спустились в Нарбонскую Галлию. Здесь стоял со своими легионами Марк Эмилий Лепид, один из ближайших сподвижников Цезаря. Войска Антония объединились с войсками наместника Галлии Лепида. Теперь в их распоряжении оказалось 17 легионов, и они двинулись на Италию.

Между тем Октавиан во главе своей армии поспешил к Риму. Цицерон сумел преодолеть недоверие к Октавиану со стороны сената. Великий оратор рассчитывал, что если Октавиан будет избран консулом, то вторым консулом станет он и будет руководить своим юным товарищем по консульству.

В августе 43 г. до н. э. войска Октавиана подошли к столице, и вскоре 19-летний полководец был избран консулом. Однако, к великому разочарованию Цицерона,

вторым консулом был избран не он, а дальний родственник Октавиана, во всем тому послушный.

Теперь Октавиан уже не нуждался в Цицероне, которого не поддерживали ни армия, ни народ. Однако Октавиану пужны были союзники: он не был достаточно силен, чтобы властвовать единолично. Октавиан начинает переговоры с Антонием и Лепидом. На островке, лежащем посреди реки По, в течение трех дней шли переговоры трех самых влиятельных в Риме политиков. Каждый предъявлял свои требования. Полководцы Цезаря Антоний и Лепид добивались казни своего главного врага — Цицерона. Вначале Октавиан отставил своего недавнего союзника, но в конце концов уступил и пожертвовал его головой. Союз трех был заключен. Его называли вторым триумvirатом.

В последних числах ноября 43 г. до н. э. войска трех полководцев торжественно вошли в Рим. В пародном собрании был проведен закон, согласно которому участникам триумvirата — триумвирам — вручалась неограниченная власть на 5 лет для «устройства государственных дел».

Войска триумvirов насчитывали около 30 тысяч пехотинцев и 40 тысяч конных воинов. Опираясь на эти силы, триумвиры захватили большинство римских провинций и разделили их между собой. Октавиан получил Африку, Нумидию, а также острова Сицилию и Сардинию, Антоний — Северную Италию, а Лепид — те провинции, которые лежали за Альпами (Нарбонскую Галлию и Испанию). Италия оставалась в совместном управлении всех трех. Но самыми богатыми, восточными провинциями по-прежнему владели Брут и Кассий, а на море хозяйничал пиратский флот Секста, сына Помпея Великого.

Для борьбы с ними триумвирам требовались большие средства. Солдаты ждали вознаграждения, а государственная казна была пуста. Триумвиры решили конфисковать и продать земли 18 крупнейших городов Италии. Кроме того, опубликовали так называемые проскрипционные списки, в ко-

торых были перечислены граждане, подлежащие казни с конфискацией имущества. Одни попали в эти списки как враги Цезаря и триумвиров, другие за то, что были богаты, а правительство нуждалось в деньгах. Нелегко приходилось и простому народу. Новые властители постоянно изобретали новые налоги и пошлины.

К смерти и конфискации имущества было приговорено около 300 сенаторов и более 2000 всадников. Одной из первых жертв стал знаменитый оратор и писатель Цицерон. Узнав о том, что он объявлен вне закона, Цицерон укрылся в своем имении близ Рима. Некоторое время он еще надеялся бежать на Балканский полуостров к Марку Бруту, куда стекались все республиканцы, противники триумвиров. Однако надежда, что Октавиан заступится за него, заставила Цицерона отложить бегство. Когда же он, наконец, понял, что помощи ждать не от кого, подоспели убийцы. предавший своего недавнего соратника Октавиан стремился снять с себя ответственность за это преступление. Много лет спустя, когда он уже единолично правил огромной империей, Октавиан застал своего внука за чтением одного из сочинений Цицерона. Мальчик, зная отношение деда к великому оратору, испугался и хотел спрятать свиток. Октавиан взял книгу, прочитал имя автора и сказал: «Что правда, то правда, ученый был человек и любил отечество!»

Жестокие казни и преследования потрясли Италию. Все новые лица становились жертвами проскрипций, так как доносчики получали часть конфискованного имущества. Стремясь обогатиться или отомстить, жены доносили на мужей, должники на своих кредиторов, сыновья на отцов. А чтобы обреченные на смерть не сумели спастись, были назначены высокие награды за доставку голов осужденных.

Триумвиры и их ближайшие сподвижники составили себе огромные состояния, скупая за бесценок имущество казненных. Однако выручка от распродажи конфискован-

ных имений не оправдала ожиданий новых правителей, так как много денег и имущества успели расхитить легионеры.

Насилия и грабежи, чинимые триумвирами, возбудили против них всеобщее возмущение в Риме и в Италии. Тем временем положение в провинциях становилось все более опасным. Брут и Кассий переправили свои легионы в Македонию и двинули их навстречу войскам Антония и Октавиана.

Осенью 42 г. до н. э. обе армии сошлись на равнине у города Филиппы в Македонии. Здесь завязалось жестокое сражение. На правом фланге Брут внезапным нападением захватил лагерь Октавиана и обратил его воинов в бегство. Но на другом крыле Антонию удалось потеснить войско Кассия и ворваться в лагерь республиканцев. Кассий в отчаянии покончил с собой.

Через несколько дней Антоний завязал новую битву, на этот раз против легионов Брута. Она закончилась полной победой. Не желая пережить катастрофу, Брут бросился на меч. После этого легионы Брута перешли на сторону Антония.

Битва при Филиппах нанесла последний удар республиканцам. Однако положение триумвиров оставалось непрочным. Казна была пуста, а одержавшие победу воины требовали награды.

Было решено, что Антоний постарается выжать средства из восточных провинций, уже достаточно истощенных поборами республиканцев. Антоний отбыл в Малую Азию. Здесь, в киликийском городе Тарсе, он встретился с египетской царицей, знаменитой Клеопатрой, оказавшей роковое влияние на его судьбу.

Царица приплыла в Тарс по реке на корабле с вызолоченной кормой, с пурпурными парусами и серебряными веслами. Весла погружались в воду под звуки флейт. Царица возлежала под золотым балдахином, по сторонам ее стояли мальчики с опахалами. Красивые рабыни, изображавшие nereид¹, стояли у руля. Берега реки были

¹ Нереиды — дочери морского старца Нерея, олицетворение морских волн, изобража-

лись в виде прекрасных девушек в легких одеждах.

усеяны толпами народа, собравшегося посмотреть необычайное зрелище. Восхищенные люди верили, что на корабле плывет сама богиня красоты Афродита.

Антоний устремился к царице и был встречен со сказочной пышностью.

Клеопатре исполнилось тогда 29 лет. Она не отличалась красотой, но в ней прекрасно сочетались незаурядный ум и образованность. Она умело владела своим удивительно музыкальным голосом. Антония она очаровала, и он утвердил ее власть в Египте.

В это время в Италии Октавиан пытался расплатиться с воинами, отбирая землю у мирных жителей и раздавая ее ветеранам, что вызвало против него всеобщее недовольство.

Воспользовавшись этим, жена Антония Фульвия и его младший брат Луций подняли восстание против Октавиана. В Италии разыгралась новая гражданская война. На короткое время Луций Антоний даже захватил Рим, но потом отступил на север и был осажден Октавианом в городе Перузии. После длительной осады Луций сдался, а Фульвия бежала в Грецию, где вскоре заболела и умерла. Не желая ссориться с Антонием, Октавиан помиловал Луция.

Союз между Антонием и Октавианом был закреплён браком: Антоний женился на сестре Октавиана Октавии. Но доброта императора была только кажущейся. Он унаследовал только имя Цезаря, но не его характер. Если Цезарь умел прощать сдавшихся врагов, то Октавиан всем молившим его о пощаде, отвечал тремя словами: «Ты должен умереть!»

Однако Октавиан был ловким дипломатом. Не будучи в силах победить Секста Помпея, он пошел на примирение с ним, так как народ, уставший от бедствий гражданской войны, жаждал мира. По условиям заключенного в 39 г. до н. э. соглашения объявлялась общая амнистия всем, кроме убийц Цезаря. Секст Помпей получал на 5 лет в управление острова Сардинию, Сицилию и Корсику. Что было особенно важно для рабовладельцев Италии, Секст Помпей обязался не принимать больше в

свою армию беглых рабов, но зато те, которые уже служили у него, были признаны свободными.

Соглашение оказалось недолговечным. Уже на следующий год война возобновилась, так как рабы продолжали бежать в Сицилию.

Полководец Октавиана Марк Випсаний Агриппа в двух морских сражениях разбил Помпея. Потеряв большую часть флота, Секст Помпей бежал в Малую Азию, где был схвачен и казнен по приказу Антония.

30 тысяч рабов из войска Секста Помпея были возвращены их владельцам, а 6 тысяч, хозяев которых не удалось установить, были казнены для устрашения остальных. Торговля с провинциями наладилась, и голод в Риме прекратился. Почувствовав силу, Октавиан отстранил Лепида от управления и отобрал его провинции (36 г. до н. э.). Второй триумvirат прекратил свое существование. Властелинами Римского государства остались Октавиан и Антоний.

Стремясь привлечь к себе симпатии римлян, Октавиан начал смягчать свою жестокую политику. Он прекратил проскрипции и конфискации имущества богатых людей. Беднякам стали регулярно раздавать бесплатно хлеб и даже масло. Кроме того, он простил недоимки по налогам и предпринял большие общественные работы, чтобы дать заработок ремесленникам.

Между тем Марк Антоний отправился на Восток, где под его властью оказались богатые страны, и среди них царство Птолемея — Египет, еще не разграбленный римлянами. По примеру Александра Македонского, Антоний решил объединить все страны Востока, а для этого, прежде всего, стать царем Египта. Брак с царицей Клеопатрой открывал к этому прямой путь. Антоний послал развод сестре Октавиана Октавии, но сенату, перед которым, как римский полководец, обязан был отчитываться, не решился объявить о своем новом браке.

Разведясь с Октавией, Антоний торжественно отпраздновал свадьбу с Клеопатрой, от которой уже имел детей. Поведение Ан-

тония и его политика на Востоке вызвали волну возмущения в Риме: суверенные римляне объясняли поступки Антония влиянием любовных чар коварной египетской царицы. На самом же деле брак Антония с Клеопатрой был прежде всего политическим союзом, благодаря которому Антоний мирным путем получал колоссальные богатства Египта.

Весной 36 г. до н. э. Антоний во главе 16 легионов (около 100 тысяч воинов) выступил в поход против парфян. Однако римляне вынуждены были отступить. Антоний отправил сенату победную реляцию, но слухи о тяжелых потерях и неудаче похода достигли столицы.

Чтобы восстановить свою репутацию полководца, Антоний, по совету Клеопатры, в 34 г. до н. э. начал войну в Армении, захватил в плен армянского царя и превратил Армению в римскую провинцию. Антоний отпраздновал в Александрии пышный триумф. Это был вызов римским обычаям, ибо триумф всегда справлялся в столице государства — в Риме.

Октавиан решил открыто выступить против Антония. 1 января 32 г. до н. э. окончивался срок полномочий триумвиров. В этот день Октавиан выступил в сенате и огласил попавшее к нему в руки завещание Антония, в котором тот приказывал похоронить его в Александрии, а своим наследником объявлял сына Клеопатры от Юлия Цезаря — Цезариона. Дети Клеопатры от Антония получали по этому завещанию римские провинции на Востоке Финикию, Сирию, Армению и даже еще не завоеванную Парфию.

Впечатление от выступления Октавиана в сенате было столь велико, что сторонники Антония, в том числе оба консула и 300 сенаторов, боясь расправы, бежали из Рима.

Оставшаяся часть сената лишила Антония всех полномочий и объявила войну Клеопатре, обвиняя ее в присвоении собственности римского народа. Октавиан привел к присяге все войска, расположенные в Италии и западных провинциях. На Востоке римские войска и войска союзников присягнули Антонию.

Обе стороны энергично готовились к войне. Силы Антония состояли из 500 кораблей, 100 тысяч пехотинцев и 15 тысяч конников; у Октавиана было 400 судов, 80 тысяч пехотинцев и 12 тысяч всадников. Однако следует учитывать, что армия Антония была разнородной, римляне в ней составляли меньшинство.

2 сентября 31 г. до н. э. у мыса Акция (западное побережье Греции) произошло решающее сражение. Перед битвой Антоний приказал сжечь все египетские корабли, кроме 60, так как все свои войска он разместил на римских судах. Корабли Антония представляли собой плавучие крепости; на палубах в деревянных башнях размещались катапульты, борта были укреплены толстыми балками с железными скобами, носы кораблей обшиты медью.

Флот Октавиана состоял из быстрых и легких судов, на носках которых были установлены тараны.

Около полудня поднялся ветер с моря, и Антоний, надеясь на мощь своих судов, двинулся навстречу противнику. Быстрые корабли Октавиана, по три-четыре судна, нападали на неповоротливые громадные корабли Антония, но не решались таранить их непробиваемые борта. Однако плохо управляемые, громоздкие суда Антония тоже не могли воспользоваться тараном — основным приемом морского боя того времени. Битва скорее напоминала сухопутную схватку: стреляли катапульты, летели каменные ядра баллист, стрелы и копья, на палубы падали горящие факелы... Битва стала всеобщей, но исход ее был не ясен. Вдруг 60 кораблей Клеопатры подняли паруса и обратились в бегство, пробиваясь сквозь сражающиеся корабли.

Бросив свой флот на произвол судьбы, Антоний последовал на быстроходном корабле за царицей. Оставшись без полководца, флот Антония потерпел поражение. Несколько дней спустя сдались и оставшиеся на берегу легионы Антония. Октавиан стал единоличным властителем Римского государства.

Октавиан умело использовал всеобщее не-

довольство поведением Антония, чтобы свалить на него вину за жестокости первого периода правления триумвиров. Все в Риме обвиняли Антония в преступлениях против государства, требовали казнить его и Клеопатру.

Октавиан понимал, что завоевание Египта принесет ему не только необходимые средства, но и желанную популярность. Однако сделать это было не так легко. В распоряжении Антония еще оставались 11 легионов, флот Клеопатры и огромная египетская казна. Но у Антония не было уже прежней энергии и уверенности в себе и в своих солдатах.

Летом 30 г. до н. э. Октавиан начал вторжение в Египет одновременно с востока и запада. Легионы Антония перешли на его сторону. Антоний покончил жизнь самоубийством, бросившись на меч. Клеопатра попала в руки Октавиана. Узнав, что тот хочет отправить ее в Рим, чтобы во время триумфа в цепях провести за своей колесницей, она лишила себя жизни. Как она убила себя, никто не знал. Рассказывали, будто она погибла от укуса ядовитой змеи.

Октавиан обошелся с населением Египта довольно милостиво. Он не позволил солдатам разграбить Александрию, не превратил Египет в римскую провинцию, а сделал своим личным владением, которым управляли назначенные им чиновники. Все доходы с этой богатейшей страны шли в личную казну Октавиана. Казни сторонников Антония были немногочисленными. Октавиан приказал только убить Цезариона (сына Цезаря от Клеопатры) и старшего сына Антония (от первой жены) Антиллы. Детей Антония от Клеопатры взяла на воспитание сестра Октавиана Октавия (бывшая жена Антония).

Возвратившись в Италию, Октавиан заплатил ветеранам обещанные деньги. Солдаты, отслужившие свой срок, получили почетную отставку и земельный падел.

13 января 27 г. до н. э. Октавиан

объявил, что он отказывается от всех предоставленных ему полномочий и «восстанавливает республику». В действительности это торжественное заявление ничего не значило. Октавиан не собирался отказываться от своего единовластия, которого он достиг ценой таких больших усилий. Римское государство фактически превратилось в монархию.

Подлинные взгляды Октавиана на необходимость единоличной власти хорошо выразил в своем обращении к нему один из его ближайшего окружения Меценат: «Свобода и демократия благо только тогда, когда принадлежат людям благоразумным. Гражданские войны показали, что римляне неразумны. Давать свободу таким людям — все равно что давать меч в руки ребенка или сумасшедшего».

Еще в 28 г. до н. э. Октавиан произвел «чистку» сената, исключив из числа сенаторов около 200 человек, которых он считал непригодными заседать в высшем государственном совете. Имя Октавиана теперь значилось первым в списке сенаторов. Он был объявлен «принцем» — первым, как бы почетным главой сената. Как первый в списке сената, он получил право раньше всех высказывать свое мнение на заседаниях, и никто из сенаторов не рисковал ему возражать. Так как главу государства называли теперь принцем, то и государственный строй, созданный Октавианом и просуществовавший около 300 лет, принято называть *принципатом*.

Покорный сенат преподнес Октавиану титул «Августа» («подателя благ»), который раньше присваивали только богам, а впоследствии стали носить все римские императоры. Титул «Августа» стал как бы вторым именем Октавиана, и потомки, отбросив все его прежние имена, стали звать его Октавиан Август или даже просто Август.

Кроме того, Октавиан получил также титул «отца отечества» и, как верховный главнокомандующий, носил титул императора¹.

¹ Военный титул императора присваивался полководцу, одержавшему победу и отпраздновавшему триумф. Впоследствии импера-

торами стали называть глав государств, а само Римское государство — империей.

ДРЕВНИЕ РИМЛЯНЕ

Как «сын божественного Цезаря», Октавиан был приравнен к богам, и в провинциях ему стали воздвигать храмы. Шестой месяц римского календаря — секстилий — был переименован в честь принцепса и стал называться августом¹.

Формально в Риме сохранялись все республиканские учреждения. Ежегодно происходили выборы консулов, народных трибунов и других должностных лиц, заседал сенат, созывались народные собрания. В действительности же власть принадлежала одному принцепсу.

Таким образом, несмотря на официальное восстановление республики, можно говорить, что власть Августа была чисто монархической. Единовластие, которого он достиг якобы законным путем, на самом деле Август получил, опираясь на армию. Армия, бывшая в Риме ранее народным ополчением, превратилась в личное наемное войско принцепса. Высшие военачальники назначались самим Августом, солдаты тоже приносили присягу на верность императору.

Однако Август опасался чрезмерных претензий и влияния армии. Он распустил значительную часть легионов, а оставшиеся разместил вдали от Рима на границах государства. В Риме он оставил только свою личную охрану — преторианскую гвардию, которая пользовалась большими привилегиями по сравнению с остальными легионами. Преторианцы были важнейшей опорой власти.

Понимая, что после стольких лет гражданской войны страна нуждается в мире и все желают спокойной жизни, Август заметно сократил завоевательные устремления Римской империи.

Чтобы обезопасить Рим от нападений варварских племен, Август построил много укрепленных лагерей вдоль естественных границ государства по Рейну и Дунаю и приступил к сооружению могучего оборонительного вала между этими реками. На Востоке Август тоже отказался от грандиозных планов Цезаря и Антония. Он не стре-

мился к завоеванию Парфии и укрепил границу, проходившую по Евфрату.

В Риме на Марсовом поле был воздвигнут беломраморный алтарь мира в честь того, что Август сумел «даровать мир, какого римляне не знали за всю свою историю».

Стремясь оставить о себе добрую память у потомков, Август начал перестраивать Рим, используя средства, какие ранее шли на завоевательные войны. Была создана новая площадь — форум Августа, возведено много великолепных зданий во всех районах города. «Я получил Рим кирпичным, — говорил Август, — а оставляю его мраморным».

Август реорганизовал аппарат управления государством, создав много новых должностей. Для управления провинциями он назначил наместников (прокураторов), которые всецело зависели от него. Взимание налогов было взято под строгий контроль. Выкачивание богатств из провинций продолжалось, но доходы шли уже не отдельным римским чиновникам, а в императорскую казну.

Август стремился распространять взгляды, оправдывающие его режим. Он окружил себя писателями и художниками, понимая, какое огромное влияние может оказать искусство на настроение и образ мысли римского общества. Август лично присутствовал на публичных чтениях новых произведений и появлялся во время литературных чтений. Чаще всего они происходили у друга Августа — Мецената. Меценат привлекал в свой кружок самых талантливых писателей и поэтов того времени. Он был сказочно богат и щедро вознаграждал тех, кто восхвалял блага нового режима и достоинства самого Августа. Знаменитый поэт Вергилий написал «Энеиду» — поэму о подвигах Энея, мифического предка Цезаря и Августа, прославлявшую прошлое Рима и Италии. Мифология в этой поэме искусно переплетается с восхвалением Августа и его семьи. Другой поэт — Гораций, сражавшийся в битве при Филиппах на сто-

¹ Римский год начинался с марта.

роне республиканцев, писал теперь, обращаясь к Августу: «Ты обуздал дух своеволия, опасный для правления». Особенно прославляли поэты успехи внешней политики Августа. Хотя в Германии его полководцы потерпели поражение и не всегда успешно шла война на Рейне и Дунае, они утверждали, что большая часть обитаемого мира уже покорена, а жители другой — скифы, парфяне, индийцы, бритты — тоже склонились перед могуществом Августа.

Принцепс не только поощрял лесть своих подданных, но и сам немало сделал для того, чтобы возвеличить свои дела в глазах народа и потомков. Об этом свидетельствует знаменитая надпись «Дела Божественного Августа», которую иногда называют «Завещанием Августа». Надпись эта была вырезана на медных досках и установлена на площади в Риме. Переведенная на греческий язык, она была выставлена во многих восточных городах империи. Одну из таких копий открыли в XVI в. на стенах храма Августа и богини Ромы на территории столицы нынешней Турции города Анкары. Позднее и в других городах были найдены отрывки из нее, подтверждающие широкое распространение завещания императора. В этой надписи Август сравнивает себя с Ромулом, подобно которому он, установив новые порядки, как бы основал Рим заново. Август утверждает, что смог совершить это, основываясь исключительно на своем божественном авторитете, и лицемерно добавляет: «Власти у меня было при этом не больше, чем у многих товарищей, занимавших другие государственные должности».

Первым важным подвигом, который он совершил еще 19-летним юношей, Август считает «спасение государства», то есть расправу с заговорщиками, убившими Цезаря и начавшими гражданскую войну. Вторым подвигом надпись называет «восстановление республики», когда на основе всеобщего согласия Август передал власть в распоряжение сената и римского народа. Если верить Августу, то при нем Рим оставался республикой, а всемогущий принцепс лишь охранял ее, «как караульный солдат на пос-

ту». Третьим подвигом своего правления Август считает установление «Римского мира», то есть прекращение политики захватов и установление прочных границ. Искусной группировкой материала Август создает впечатление, что он принес людям «Золотой век» и возвратил римлянам добрые нравы и обычаи предков.

Август был дальновидным, трезвым и осторожным политиком, считавшим, что для достижения цели годятся любые средства. Он никогда ничего не говорил и не делал необдуманно. Даже со своей женой Ливией он, случалось, говорил по заранее составленной записке. Личные качества Августа как нельзя лучше подходили к той эпохе, когда от государственного деятеля требовались не столько талант и вдохновение, сколько расчет и здравый смысл. Недаром любимой присказкой Августа была поговорка: «Поспешай медленно». Благодаря своей осторожности Августу удалось то, что не удалось Цезарю: он не только благополучно прожил долгую жизнь, но и сумел избрать себе наследника, переход власти к которому произошел без всяких волнений.

У Августа не было сыновей, и наследником он избрал своего пасынка Тиберия.

Летом 14 г. н. э., спасаясь от римской жары, Август отправился в город Ноллу (близ Неаполя), и там 77-летний принцепс заболел. Стало ясно, что смерть близка.

Пасынок Августа Тиберий в это время был в Иллирии (Балканский полуостров). За ним срочно послали. Мать Тиберия Ливия не была уверена, застанет ли Тиберий Августа еще в живых. Ливия выставила вокруг дома, где умирал Август, сильную стражу, чтобы не допустить в стране нежелательных слухов, а сама, как пишет римский историк, «распространяла добрые вести о состоянии принцепса». Только когда Тиберий прибыл в Ноллу, сообщили о кончине Августа и одновременно о том, что сенат провозгласил Тиберия новым принцепсом. Произошло это 19 августа 14 г. н. э.

Август стоял во главе государства 44 года. С его правления начался новый период в истории Рима — период империи.

В приморском румынском городе Констанце, неподалеку от набережной, стоит бронзовая статуя Публия Овидия Назона, одного из великих поэтов древности. Как случилось, что памятник римскому поэту воздвигнут так далеко от его родной Италии? Ответ на это может дать биография Овидия.

20 марта 43 г. до н. э. в небольшом городе Сульмоне, примерно в 100 километрах от Рима, в семье богатого римлянина из старинного рода Овидиев родился мальчик. Ему дали имя Публий. Римское имя обычно состояло из трех частей: собственно имени, наименования рода и фамилии (прозвища, данного кому-то из предков в старину, когда род стал делиться на части). Один из предков маленького Публия был прозван Назоном (носатым), и это прозвище стало фамилией одной из ветвей рода Овидиев. Таким образом, полное имя мальчика было Публий Овидий Назон.

Время было бурное. Всего за год до рождения Публия был убит Юлий Цезарь и вновь разгорелась кровавая гражданская война. Она закончилась в 30 г. до н. э. победой Октавиана. К этому времени Публию Овидию Назону исполнилось 13 лет.

Отец привез Публия и его старшего брата в Рим. Там они должны были получить образование, чтобы в будущем занять достойное положение в государстве.

Еще мальчиком Овидий увлекался поэзией. Он не только с упоением читал и декламировал творения великих римских поэтов — Катулла, Вергилия, Горация, но и сам стал сочинять стихи. Отец не одобрял увлечения сына, не ожидая от этого ничего хорошего. Судьбе поэтов в Древнем Риме пельзя было позавидовать: немногие из них дожили до благополучной старости. Отец

запретил сыну заниматься стихотворчеством, считая, что поэзия только отвлекает его от занятий, важных для будущей карьеры. Юноша Овидий учился в Риме, затем в Афинах, в Малой Азии и на острове Сицилии. Он слушал знаменитых ученых и поэтов, упражнялся в красноречии у самых знаменитых ораторов.

Через три года Овидий, вернувшись в Рим, начал государственную службу и добился успехов на этом поприще. С годами он становится все более известным и уже получил право занимать в театре почетное место у самой сцены. Перед ним открывалась возможность блестящей карьеры.

Однако страсть к поэзии оказалась непреодолимой. На 25-м году жизни, когда его положение было прочным и он мог ожидать вскоре кресло сенатора, Овидий вдруг оставил службу и целиком занялся поэзией. Он мог это себе позволить, так как был богатым человеком: денег у него было достаточно и на одной из лучших улиц Рима ему принадлежал большой дом с садами.

Стихи сделали Овидия знаменитым. Он читал их в богатых домах, в литературных кружках, и это принесло ему больше славы, чем речи, произнесенные когда-то на форуме. Овидий получил, наконец, возможность как равный встречаться с замечательными поэтами, которых любил с детства. Он даже подружился с великим Горацием.

Чаще всего Овидий посещал кружок, собиравшийся в доме полководца Валерия Мессалы. Душой этого кружка был поэт Тибулл, который не интересовался политической, а свои стихи посвящал любви, природе и радостям сельской жизни. Многие поэты кружка Мессалы неодобрительно относились к новым порядкам, введенным Октавианом Августом в Риме, но боялись гово-

рить об этом открыто. В своих стихах они не касались опасных тем. Овидий тоже писал только о душевных переживаниях влюбленных и радостях беззаботной жизни. Первые его книги были остроумны, изящны, но лишены серьезного содержания. Однако уже в них чувствовалась его глубокая образованность, знание греческой истории и мифологии.

В книге «Героини» знаменитые женщины древности рассказывали о своих страданиях и тоске, вызванных вынужденной разлукой с женихами и мужьями. Возлюбленная Тесса Ариадна, помогавшая аргонавтам волшебница Медея, основательница Карфагена Дидона, прекрасная Елена, ставшая причиной Троянской войны, поэтесса Сапфо и многие другие самые известные героини, о судьбе которых знал каждый школьник, заговорили у Овидия прекрасным языком поэзии.

Вот одно из таких посланий. Покинутая Одиссеем Пенелопона пишет мужу, хотя и не надеется, что ее послание достигнет цели. Она рассказывает, как тяжело ей, одинокой женщине, управлять домом, где кроме нее только малолетний сын и старик тесть. «Раньше, чем вспомнишь ты нас, стану старухой седой...» — этой жалобой заканчивает Пенелопа свое грустное послание.

Время шло. Овидию было около 45 лет. Уже почти 20 лет как он писал стихи, но все еще не создал ничего значительного. Настала пора приступить к большой поэме, которая прославила бы его имя навеки. Овидий задумал пересказать в стихах сказки и мифы древних таким образом, чтобы из множества маленьких сюжетов получилась поэма, связанная единым содержанием. После долгих колебаний Овидий остановился на превращениях, описаниями которых полны греческие мифы. Ничто не исчезает в мире, рассуждал поэт, все только меняет форму. Родиться — значит стать иным, чем ты был раньше. Умереть — значит перестать быть тем, кем ты был до смерти. Мы — лишь часть мира, постоянно меняющегося. Мир — это всеобщее превращение. По-гречески превращения — «метаморфозы». Ови-

дий так и назвал свою поэму — «Метаморфозы».

Над этой поэмой Овидий работал более семи лет. Он писал ее торжественным поэтическим размером — гекзаметром, тем размером, каким были написаны великие эпические поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Поэт решил рассказать обо всех изменениях от сотворения мира до своего времени — эпохи Августа. Начал поэму Овидий рассказом о самой первой метаморфозе, о том, как из всеобщего беспорядка, хаоса возник нынешний мир, вселенная: небо, земля, звезды, море, растения, животные и, наконец, человек. После этого следовало описание этапов развития человеческой жизни. Овидий писал, что человечество прожило четыре века. Самым счастливым для людей был первый век, когда все жили честно, когда не знали войны, земля принадлежала всем и давала богатые урожаи, а весна стояла круглый год. Этот век Овидий назвал золотым.

Но когда власть над миром захватил верховный бог Юпитер, он разделил год на четыре сезона. Кроме весны, появились знойное лето, дождливая осень и холодная зима. Люди принуждены были трудиться, пахать землю, строить жилища, чтобы укрыться от холода. Но между людьми еще сохранялся мир. Это был серебряный век.

Вслед за ним настал век медный. Он был более суровым. Люди разучились жить мирно. Начались кровавые войны.

Нынешний век Овидий назвал железным. Люди стали добывать из земли железо и золото, но это не принесло им счастья. Ради золота люди стали убивать друг друга. Землю разделили на маленькие участки, и их владельцы враждовали между собой. Железный век безжалостен: он полон жестокостей и преступлений. Хитрость, коварство, жажда наживы, насилие воцарились повсюду. «Люди живут грабежом, и в хозяйне гость не уверен». Брат идет на брата, мужья ненавидят жен, а жены — мужей. Сын с нетерпением ждет смерти отца, чтобы получить наследство. Злая мачеха готовит смертельный яд для детей мужа. Утрачены

совесть и стыд, и богиня справедливости Астрея навсегда покинула землю.

Все 15 книг поэмы Овидия наполнены легендами о самых различных превращениях. Надменный великан Атлант превратился в высокую гору; любовавшийся своим отражением в воде юноша Нарцисс — в цветок; нимфа Дафна стала лавровым деревом; жестокие мальчишки, которые никого не жалели и неприлично ругались, сделались лягушками; фиванская царица Ниоба окаменела от горя и превратилась в скалу, из которой струится источник ключевой воды — вечные слезы матери, потерявшей своих детей.

250 сюжетов разработал Овидий в «Метаморфозах», и хотя почти все они были уже известны читателям, в каждом рассказе Овидия чувствовались тонкие наблюдения, отразившие особенности времени, в котором он жил. Прежде всего, их отмечают доброта и терпимость, снисходительность к людям, жившим в то смутное и опасное время. Ему была чужда и даже отвратительна беспощадность к пороку и слабости, которую прославляли старинные римские легенды. Восстановлением стариной суровости нравов Август рассчитывал вернуть славные времена процветания Рима. Овидий ненавидел только злодейство, желание навредить, причинить другому зло. Пороки и даже преступления, если они совершаются под влиянием страстей, Овидий склонен был оправдывать слабостью человеческой натуры.

В «Метаморфозах» рассказано, к какой беде привела сына солнечного бога Феба, Фаэтона, юношеская самоуверенность и безответственность. Уговорив отца, Фаэтон получил от него на день солнечную колесницу и погнал огнедышащих коней по небу, хотя это и грозило гибелью всему миру. Только молния Юпитера приостановила безумный бег огненных коней и спасла землю и человечество. Хотя дерзость Фаэтона принесла много вреда, но читателю жаль смелого юношу и его родителей, когда те плачут на его могиле, читая трогательную надпись, которой завершается этот рассказ Овидия.

Здесь погребён Фаэтон, колесницы
отцовской возница.
Пусть он её не сдержал, но, дерзнув
на великое, пал он.

Рассказ о волшебнице Медее, покинувшей родину и отца ради аргонавта Ясона, а потом обманувшей и погубившей его врага Пелия, проникнут у Овидия пониманием и состраданием к несчастной женщине, ставшей жертвой своей страсти. Доброта Овидия, его снисходительность к человеческим слабостям полюбили читателям.

Образованные люди давно уже не верили в правдивость легенд, рассказанных Овидием. Да и сам поэт не стремился убедить читателя, что все это происходило на самом деле. Но все понимали, что под покровом фантастических событий в поэме идет речь о подлинных человеческих чувствах, понятных каждому. Гордящаяся своим ремеслом ткачиха Арахна не могла быть превращена в паука, но легко понять ее гордость своим искусством; Нарцисс не мог стать цветком, но самовлюбленность и сейчас — чувство, присущее многим. Символичен рассказ Овидия о Пигмалионе. Скульптор Пигмалион изваял из слоновой кости фигуру женщины настолько прекрасной, что сам в нее влюбился. Горячая любовь скульптора оживила статую. Такова была сила любви и творческого горения.

Овидий закапчивает свою поэму пророческими словами:

Вот завершился мой труд, и его ни
Юпитера злоба
Нé уничтожит, ни мёч, ни огонь, ни
хйщная старость...
Ввысь вознесусь я, моё нерушимо
останется имя,
Всюду меня на земле, где бы власть
ни раскинулась Рима,
Будут народы читать...

Овидий ошибся только в одном. Спустя 2 тысячи лет его читают не только в Риме, но и далеко за пределами тех стран, которые когда-то входили в Римскую империю.

Вдруг, поздней осенью 8 г. н. э., Овидий был вызван во дворец. Император сурово

встретил поэта и объявил ему свою волю. На следующий день Овидию было приказано покинуть Рим и отправиться в ссылку на далекую окраину империи, к берегам Эвксинского Понта (Черного моря), в недавно присоединенный город Томы. Ему было запрещено когда бы то ни было возвратиться в Италию. Изгнание было вечным.

Почему поэту был нанесен такой жестокий и неожиданный удар? Чем был вызван гнев императора?

Овидия нельзя было назвать противником установленного Августом режима, при котором ничем не ограниченное самовластие главы государства прикрывалось республиканскими формами. Но воцарившееся в Риме лицемерие все-таки раздражало Овидия, и он иногда позволял себе высмеивать некоторые решения императора. В своих ранних поэмах он смеялся над браками, заключенными из хозяйственных или политических расчетов, воспевал вольную холостяцкую жизнь. Это не могло поправиться Августу, издававшему законы против безбрачия и стремившемуся закрепить святость семейных отношений. Поэт вызвал недовольство императора. Овидий чувствовал, что тучи над ним сгущаются, и пытался смягчить Августа, восхваляя его предков, его самого и его деяния. Однако Овидий не превратился в придворного поэта — это противоречило его натуре и характеру. Недовольство императора нарастало и, наконец, вызвало бурный гнев и жестокий приговор.

Можно также предположить, что Овидий оказался случайной жертвой той ожесточенной борьбы за власть, которая шла в это время в Риме. Долгий брак Августа с его второй женой Ливией оставался бездетным. Правда, у императора от первого брака была дочь Юлия, и Август предполагал передать власть ее сыновьям, своим внукам. Но у Ливии были другие планы. У нее от первого брака был сын Тиберий, прославившийся как талантливый полководец. Его Ливия прочила в наследники, но импера-

тор долго этому противился. Неожиданно оба внука Августа, Луций и Гай, в течение двух лет умирают один за другим. Поползли слухи, что их отравила Ливия, чтобы очистить своему сыну Тиберию путь к престолу. В связи с этим многие вспоминали строку из «Метаморфоз»:

Жестокая мачеха готовит смертельный яд...

И хотя эти строки были написаны еще до смерти внуков Августа, они казались намеком. Запомнила их и Ливия, возненавидевшая поэта. Может быть, эта ненависть императрицы повлияла на решение Августа. Конечно, это остается только предположением. Главная причина опалы Овидия до сих пор не известна. Возможно, не знал ее и сам поэт. Он был неприятен самовластному Августу, и этого было достаточно.

Предлогом для ссылки Овидия было обвинение в том, что его стихи противоречат добрым нравам. За высылкой поэта последовал приказ императора уничтожить все сочинения Овидия, какие имелись в общественных библиотеках Рима.

Вернувшись из дворца, убитый горем поэт стал готовиться к спешному отъезду.

Уже рассветало, когда Овидий, простившись с женой и домочадцами, отправился в гавань. Там его ждал специальный корабль. Поэт вззошел на палубу. Матросы подняли парус. Судно медленно тронулось по реке по направлению к открытому морю. Сутки плыл корабль по неспокойному Тирренскому морю. Стоял декабрь — самое неблагоприятное время для плавания. Вскоре разразилась сильнейшая буря. Ветер сорвал парус, сломал мачту. Огромные волны кидали судно из стороны в сторону. Оно потеряло управление, ветер погнало его назад и вскоре прибыло к берегам Италии.

Через несколько дней Овидий сел на другой корабль. Долго длилось опасное путешествие. Только через год Овидий добрался до города Томы, где ему было приказано жить. Эту старинную греческую колонию населяли греки и геты¹.

¹ Геты — фракийские племена, жившие в низовьях Дуная на территории нынешней

Румынии. Впоследствии назывались даками.

За два года до прибытия Овидия Тома были присоединены к Римской империи. Но это не избавило город от опасностей. Вокруг жили воинственные племена сарматов¹. Они часто воевали и не признавали римских законов. Сарматы не стригли волос, одевались в меховые шкуры и носили штаны, что казалось римлянам необычным и смешным. Сарматы совершали частые набеги, опустошали окрестные селения, угоняли скот, уводили в рабство жителей. Иногда они подходили к самым городским стенам.

Трудно приходилось Овидию на новом месте. В Риме он привык к жизни богатого, избалованного человека. Прежде ему не приходилось служить в армии: он и смолodu не был охотником до войны. Теперь же, под старость, приходилось брать в руки меч, надевать на седые волосы шлем и вместе с римскими легионерами отражать набеги сарматов.

Все в новой стране казалось Овидию чуждым. Бесконечная степь, отсутствие садов и виноградников, гнилая вода, непривычный холод. Он не мог привыкнуть к убогому полутемному дому, к непривычной еде. Особенно угнетало его отсутствие любимых книг. Овидию было одиноко, не с кем было дружить, так как никто здесь не знал латинского языка. Греки, жившие в Томах, говорили на местном диалекте, лишь отдаленно напоминавшем тот литературный греческий язык, который знал и любил Овидий.

В письмах к друзьям в Рим Овидий горько жаловался: «Здесь все враждебно человеку — и воздух, и вода, и земля... Все четыре времени года — одно другого хуже: море замерзает, источники солонь, степь — как море. Жизнь человека постоянно подвергается опасности... Если заболесешь, к тебе не придет ни врач, ни друг».

Однако и здесь Овидий продолжал писать стихи:

...Дом неудобный, едь не найдешь
подходящей больному...

Друга здесь нет, кто меня бы утешил
запятой беседой
И заставлял забывать времени
медленный ход...

Стихи давали ему утешение, отвлекали от печальной действительности. В изгнании Овидий написал свои последние книги: «Тристии» («Скорбные элегии») и «Послания с Понта». У поэта еще теплилась надежда умолишь Августа смягчить его участь, разрешить ему переменить место ссылки и позволить переехать куда-нибудь поближе к любимой Италии. Обращаясь к Августу, Овидий продолжает каяться в своих преступлениях, хотя и сам не знает, что было главной причиной гнева императора. Многие впоследствии укоряли поэта за то, что даже в ссылке он продолжал малодушно лстить Августу, восхваляя его справедливость и милосердие. Но прежде чем осуждать Овидия, надо вспомнить о том, что ему пришлось испытать и какие бедствия выпали на его долю. Эти страдания отразились в его последних книгах. А. С. Пушкин справедливо считал их вершиной творчества поэта.

«Послания с Понта» обращены к друзьям. Дружба была последней формой духовного общения, какая оставалась у Овидия, и больше всего он боялся лишиться ее. Однако в Италии у него оставалось уже немного друзей. Большинство боялось переписываться с опальным поэтом, чтобы не вызвать гнев Августа.

Если ты счастлив, богат, то в друзьях
недостатка не будет.
А коль нагрянет беда, станешь
тогда одинок...

Чем меньше оставалось у Овидия друзей, тем больше ценил он тех, которые сохранили ему верность в это трудное время. Шли годы, Овидий постепенно привыкал к чуждому быту, к холодной зиме.

Летом 14 г. н. э. умер 76-летний Август. Власть в империи унаследовал его пасынок

¹ Сарматы — кочевые племена, жившие в районе Азовского моря и в течение ряда веков

передвигавшиеся на запад. Во времена Августа достигли низовий Дуная.

Тиберий, сын Ливии. Во враждебном отношении к нему Тиберия и Ливии Овидий не сомневался. Стало ясно, что помилования ожидать не приходится. Поняв, что ему не суждено вернуться на родину, Овидий стал сближаться с жителями Том. Он научился говорить на их языке и даже сочинял стихи на гетском наречии. Однажды он выступил на празднике с чтением своих стихов, и горожане наградили его почетным лавровым венком. Овидий учил детей, лечил больных, помогал соседям советами. Римский аристократ пашел общий язык с теми, кого еще недавно считал варварами. Местные жители тоже привыкли к поэту и полюбили его. Овидий был удостоен чести, какой не оказывали еще ни одному иноземцу,— его освободили от всех налогов. Когда он состарился и ослабел, местные жители окружили вниманием поэта, помогали и кормили его. Благодарный Овидий писал:

В горькой моей судьбе вы меня обласкали,
согрели...
Даже родной мой Сульмон не был так
добр ко мне...

До последних дней жизни поэт тосковал о Риме и мечтал возвратиться на родину, которой ему так и не суждено было увидеть. В 18 г. н. э. Овидий умер. Незадолго до этого ему исполнилось 60 лет. Перед кончиной он просил перевезти его прах в Рим. Однако это не осуществилось. С течением времени могила Овидия затерялась. Но слава великого поэта росла и в

Риме, и далеко за его пределами. 18 столетий спустя другой великий поэт А. С. Пушкин тоже был сослан в Причерноморские степи. Здесь уже давно не было древних кочевых племен гетов и сарматов. По степи кочевали цыгане. Пушкин полюбил это древнее племя, не раз бродил с ними, сидел у таборных костров, беседуя со стариками. Он услышал здесь рассказ, который так поразил его, что он включил его в свою поэму «Цыганы».

Царем когда-то сослан был,
Полудня житель к нам в
изгнание...

Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой
незлобной:
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный,
И полюбили все его...
Он ждал: придет ли

избавленье.
И все, несчастный, тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слезы проливал,
Свой дальний град
вспоминая...

Память об Овидии и его трагической судьбе столетиями передавались из поколения в поколение: в этом истинная слава поэта.

И в наше время в румынском городе Констанце, выросшем на месте, где некогда находились древние Томы, стоит памятник римскому поэту Публию Овидию Назону.

ДРЕВНИЕ ГРЕКИ

Ликург

IX-VIII вв. до н.э.

Солон

VII-VI вв. до н.э.

Фемистокл

VI-V вв. до н.э.

Аристид

около 540-467 гг.
до н.э.

Перикл

около 490-429 гг.
до н.э.

Софокл

496-406 гг. до н.э.

Демосфен

384-322 гг. до н.э.

Александр Македонский

356-323 гг. до н.э.

Пирр

319-273 гг. до н.э.

ДРЕВНИЕ РИМЛЯНЕ

Ромул

VIII в. до н.э.

Нума Помпилий

VII в. до н.э.

Марк Фурий Камилл

около 447-365 гг.

до н.э.

Тиберий и Гай Гракхи

II в. до н.э.

Марк Красс

около 115-53 гг.

до н.э.

Гней Помпей

106-48 гг. до н.э.

Гай Юлий Цезарь

100-44 гг. до н.э.

Марк Туллий Цицерон

106-43 гг. до н.э.

Октавиан Август

63 г. до н.э. - 14 г. н.э.

Овидий

43 г. до н.э. - 18 г. н.э.